

САМСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЛИТТЕРАТУРА.

П Р О З А.

Знатные господа (*).

Je plains l'homme accablé du poids de son loisir.

Voltaire.

. . . Bene ferre magnam

Disce fortunam.

Horace. Odes.

Apprenez à soutenir la grandeur de votre fortune.

Очень трудно узнать и опредѣлить характеръ Рускихъ, особенно высшаго класса. Не болѣе двадцать лѣтъ, какъ ихъ наблюдають съ нѣкопорымъ вниманіемъ; но можно ли въ споль

(*) Сія статья предлагается единственно для показанія, какъ иностранцы, даже и бывшіе въ Россіи, судяють ошибочно о Рускихъ. Мы не выпустили изъ книги, всею читаемой, почти ни одного оскорбительнаго для насъ выраженія, чтобы не пощадить автора отъ заслуженной укоризны въ несправедливости. *Переводщикъ.*

короткое время имѣть скольконибудь вѣрное опредѣленіе нравовъ сего народа? Что можешь быть неизбѣжимѣ сердца человѣческаго?

Главная черта характера Рускаго есть, мнѣ кажется, соединеніе всѣхъ крайностей, всѣхъ прошивуположенностей; и это приводитъ въ замѣшательство каждаго наблюдателя. Рускіе очень добры и нечувствительны; великодушны и необязательны; учтивы и неуважительно ко многимъ приличіямъ; очень склонны къ новымъ знакомствамъ, и находятъ удовольствіе въ спаринной дружбѣ; вы, можешь быть, часто необходимы для ихъ развлеченія, но очень рѣдко для сердца.

Я привыкъ слышать съ дѣтства, что Французская нація самая вѣтреная, самая непостоянная на земномъ шарѣ; эта мысль всегда была для меня непріятна. Пріѣхавши въ Россію, я излѣчился отъ сего предубѣжденія; мы должны опустить флагъ передъ Рускими: они въ этомъ случаѣ одержали верхъ надъ Французами; это непреложная истина!

Имъ нравились все, что ново; они болѣе насъ повинуются приходямъ моды. Рускіе удивительно какъ не предусмотрительны; и если они думаютъ о завтрашнемъ днѣ, — это для того, чтобъ оплощить дѣло, которое бы надлежало кончить нынче; но этого завтрашняго дня никогда не дождемся. Они судятъ и поступаютъ важно въ ничего незначащемъ случаѣ, и поверхностно въ важныхъ дѣлахъ: настоящая минута наслажденія такъ дорога для нихъ, что они готовы промѣнять цѣлый годъ на одинъ день удовольствія.

Ихъ любовь къ переменѣ есть конечно одна изъ главнѣйшихъ причинъ разоренія; они прода-

юшь брилліаншы, чшобъ сдѣлать газовае плашье. Мушныны шакже непосшоянны во вкусахъ своихъ: продаюшь кабинешъ рѣдкостей, чшобъ купшь каршнннуоу галлерею; каршныны вскорѣ замѣнены библіошекою, кншыгы новымы украсеніями загороднаго дома. Сія - шо безпресшанная перемѣна фаншазій поглощаешъ самыя богатыя имѣнія. Однажды я слышу, *Графъ Григорій* серъйозно жалуешся, что ему нечѣмъ жшпшь. „Какъ вамъ эшо кажешся?“ сказаль мнѣ ктошо: „у него пяшь сошь шысячъ дохода.“ Такъ! — возразиль одшнъ изъ пріятелей Графа — но онъ долженъ шесшь мшлліоновъ! —

Нынѣ въ Пешербургѣ господшвуешъ мода на дачы: богатыя украсенія сшхъ загородныхъ домовъ не могушь нш съ чемъ сравншться; онш расположены на семш рукавахъ Невы, шлш по большоу Пешербургскоу дорогѣ; на чешыре мѣсяца Рускіе господа плашашъ за дачу по восьми, десяти, двѣнадцашш и даже пшнадцашш шысячъ рублею: эша мода скоро пройдешь и замѣнштся другою. По спрасшш къ перемѣнѣ, сначала опрошвшщшь мебель, попомѣ и домѣ; онъ хорошь, огроменъ, спокоенъ, на прекрасной улицѣ; но имѣешъ пошь недосшашокъ, что вѣчно стошшь на одномъ мѣстѣ: надобно наняшь шлш купшь другоу. Онъ не будешь лучше — что нужды? по крайнѣй мѣрѣ будешь другая улица, другая госшная, другіе сосѣды: эша мысль освѣжаешъ воображеніе. Въ Паршжѣ ешьш дома, кошорые переходашъ во владѣніе опѣ поколѣншя до другоаго; но я не думаю, чшобъ въ Пешербургѣ былъ хошя одшнъ, гдѣ бы жшлш наслѣдншы спрошштеля. Только Дворъ вѣренъ своему Зшмнему дворцу.

Часто суевѣрныя примѣлы способствують сей любви къ перемѣнѣ: многіе не хощащъ останахся жиць въ шомъ домѣ, гдѣ умеръ отецъ, умерла жена; думаютъ, что это нанесетъ нещасіе живымъ. Вошь почему рѣдко живутъ тамъ, гдѣ родились; и конечно не думаютъ умереть, гдѣ живутъ. И такъ можно сказать, что жизнь бѣльшей часпи Рускихъ есть безпрестанное пушешествіе, тогда какъ и не думаютъ пушешествовать (*).

Князь Дмитрій приглашалъ меня обѣдать на этихъ дняхъ. „Сдѣлайте одолженіе, Князь!“ сказалъ я ему: „дайте мнѣ знашь, гдѣ мы будемъ обѣдать.“ Онъ понялъ меня и началъ смѣяться; эшошь человекъ въ одинъ годъ перемѣнилъ три раза свое жилище.

Г-нъ Д***, предобрый спарикъ, но ужасно суевѣрный, велѣлъ завалишь дверь прекрасной комнаты, гдѣ умеръ его отецъ лѣпъ за сорокъ передъ шѣмъ, и постоянно живешь въ семъ домѣ, охраняясь сею ребяческою предосторожностію; если встрѣшишь на дорогѣ похороны, или человека въ шраурѣ, то въ ту же минушу возвращается домой, въ швердой увѣренности, что пушь былъ бы нещасливъ; когда даешь праздникъ, то люди заране приготавлиюхся уронить поднось съ фарфоромъ, или разлить молоко: увидѣвши куски спекла на полу, или бѣлые пошוקи, Д* * въ полномъ воспоргѣ вскрикиваетъ: „Щаспье возвъщаешь о себѣ! растворите двери; оно не далеко!“

Будучи вообще лѣнны и безпечны, Рускіе предаюхся съ неимовѣрною дѣяшельностію удо-

(*) Вообще сіи картины самыя перспективныя. *Изд.*

вольствіямъ и разсѣянію. Видишь неподвижную женщину, полулежащую на канапѣ; она не въ силахъ даже заняться чтеніемъ; черезъ часъ встрѣпишь эту самую женщину въ Англійскомъ магазинѣ, или на Госпиномъ дворѣ. Попомъ она ѣдетъ навѣспишь двухъ, прехъ родспвенниковъ, и спѣшишь домой, чшобъ заняться шуалепомъ, ибо ѣдетъ обѣдашь во дворець. Вечеромъ видишь ее въ театрѣ, а въ полночь на балѣ, гдѣ она танцуешь, или играешь въ карты до чешырехъ часовъ упра. Если скажешь ей: „Вы ведете, сударыня, прекрасный образъ жизни; нынче я имѣлъ честь васъ встрѣчать повсюду,“ то она вѣрно скажешь: „Признаюсь, чшо я со всѣмъ шѣмъ смершельно скучаю.“ И она говоритъ правду: неизбѣжное послѣдствіе дѣяшельной и въ шо же время празднои, ничѣмъ не заняшой жизни. Пущь эша женщина удѣлишь половину своей дѣяшельности на полезныя заняшя, на исполненіе обязанностей матери, хозяйки; попомъ пущь упошребишь часа два на чтеніе, или на упражненіе въ какомъ - либо искусствѣ, купленномъ споль дорогой цѣною — и явишья совсѣмъ иною женщиною. Довольная собою, другими и жизнью, она будешь искренно наслаждашья удовольствіями. Но желашъ, чшобъ вся жизнь была не иное чшо, какъ безпрерывныя разсѣянія, цѣпь наслажденій, значишь умерщвляшь всѣ удовольствія, не имѣшь нимадѣйшого поняшя о наукѣ истиннаго щастія (*).

Изъ L' Hermite en Russie K — a — H — я III — a.

(*) Сія страница нѣсколько миритъ съ авторомъ, заключающая въ себѣ неоспоримую и поучительную истину. *Изд.*

О благополучіи.

Гдѣ благополучіе людей? гдѣ сокрыта цѣль, всѣми искомая? гдѣ пуши, къ ней ведущіе? вопшъ задача, нерѣшенная опытами цѣлой жизни, неопредѣленная никакими силами умовъ, являвшихся на землѣ! — Сколько возникло различныхъ мнѣній, предположеній, начерпаній по сему предмету? Опшъ чего же споль простое состояніе спакъ запруднительно для понятій? Почему и самыя великія люди, дѣйствовавшіе по законамъ чистой морали, не могли вполне имъ насладиться? Какой смертный могъ бы сказать: „Щастіе мое не имѣло зашмѣній до предѣловъ могильныхъ?“ Кому пылалъ его свѣтильникъ, не угасая? Предѣ къмъ лучезарное лице его не одѣвалось пуманами? Гдѣ начала сего таинственнаго измѣненія? въ насъ ли самихъ, или въ ближнихъ нашихъ? въ природѣ ли человѣческой искашъ его должно? — Но гдѣ вы ни будете опыскивать, вездѣ найдете, что оно не назначено въ постоянное наслажденіе: постоянное выше земной жизни. Топшъ пребуешъ не возможнаго, кто хочешъ бышъ постоянно щастливымъ. Зло и добро перемѣшано и заключается въ напурѣ вещей и человѣка. Но продолженіе пріятнаго, или прошивнаго явленія нашей судьбы зависишъ собственно опшъ насъ до шѣхъ поръ, пока наши силы въ состояніи опражашъ поспоронную силу. . . . Средства къ сохраненію своего блага находяшся въ нашемъ умѣ и характерѣ: одинъ предначершываетъ; другой дѣйствуешъ; и сіи способности супшъ высшія изъ всѣхъ по-

лезнѣйшихъ для человѣка и сами по себѣ суть уже щастіе: познаніе онаго почти всегда пріобрѣтается единственно опытами; но сіи опыты будутъ бесполезны, если нѣтъ положительныхъ идей и чувствованій, которыя мѣняе отъ образованія, чѣмъ отъ самой природы намъ даются. — И пакъ умъ и характеръ суть нѣкоторыя образы судьба наша. . . . Щастливъ тотъ, кто усматриваетъ, что въ одной посредственности заключается благополучіе, и что однимъ только равновѣсіемъ оно удерживается свое существованіе (*).

Троф. . . Марковъ,

А л ь б о м ъ,

Въ глупости, какъ и въ геніи, всегда есть какая-то поэзія. Такъ, напримѣръ, рассказы-вають, что гдѣ-то вспарину съ новобрачныхъ, споявшихъ передъ олпаремъ, поднялись вѣнцы на воздухъ въ ту самую минушу, когда были положены на ихъ головы, и потомъ очутились надъ церковью, въ которой происходилъ обрядъ вѣчанія. Преданіе не говоритъ, что означалось чрезъ такое чудо, но можно догадываться, и потомъ сказать утвердительно, что — *все крайности сходятся*, и потому —

Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas,

(*) Не скажемъ ли въ заключеніе: Le bonheur n'est si difficile que parce que nous sommes trop difficiles en fait de bonheur? *Изд.*

Одна Парижская сваха такъ публикуетъ о себѣ въ газетахъ: „Г-жа Гударь, живущая *тамъ-то*, своимъ усердіемъ, своею скромностію и многими знакомствами обратила на себя вниманіе особъ, желающихъ вступити въ супружество. Она уже успѣла сосзавити превеликое число браковъ.“

Старый корсаръ нашей словесности, неопшпающей ошъ закоренѣлыхъ привычекъ своихъ промышлять *всячески*, въ извиненіе прекраснаго ремесла своего старается обвинить другихъ пѣмъ, что въовсе въ поняшій *честныхъ людей* не сосзавляетъ порока: напрымѣръ — пишломъ *Новаго Стерна*. . . . О старый корсаръ! . . . Кто же не предпочтетъ перваго послѣднему? . . .

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

В о с п о м и н а н і е .

Звѣзда души моей, мой геній,
Предметъ небесныхъ вдохновеній,
Мой первообразъ красоты,
Другъ дѣшства, ангель мой! гдѣ ты?
Гдѣ ты, блондинка молодая?
Кому привѣшь пвоихъ очей,
Улыбка — свѣшлый праздникъ рая,
И волны шелковыхъ кудрей?

И для меня цвѣшокъ надежды
На бѣломъ свѣшѣ разцвѣшаль;
И я свои бывало вѣжды
Огнемъ любви воспламенялъ!

Во дни сердечныхъ упоеній
 Какъ я довѣрчиво любилъ !
 Какъ много въ будущемъ дарилъ
 Себѣ небесныхъ наслажденій !

Настало время, и она,
 Души моей звѣзда родная,
 Приличью въ жертву ошдана !
 Тропинкой жизни пробѣгая,
 Чего - то въ сердцѣ я искалъ ;
 Иль нѣтъ : какой - то идеаль
 Красы небесной мнѣ мечтался ,
 И я вездѣ за нимъ гонялся ;
 Иль разлюбивъ мечты обманъ ,
 Я пилъ роскошно наслажденья
 Волшебной силой заблужденья ,
 А въ сердцѣ все носилъ шуманъ .
 Безбожно спраспи мной играли ;
 Ихъ буйный говоръ , наглый шумъ
 Во мнѣ на-время охлаждали
 Горячку чувствъ и пламень думъ .
 Но наконецъ опзывъ минувшихъ ,
 Минутной радостью блеснувшихъ ,
 Моихъ весеннихъ , ясныхъ дней ,
 Открылъ залогъ въ душѣ моей —
 Залогъ любви первоначальной ;
 Онъ яркимъ пламенемъ горить ,
 Онъ громко чувствамъ говоритъ ;
 Но безопрадно , и печальной
 Всегда я слышу сердца бой !
 Чшо-жь мнѣ назначено судьбой ?
 Одно любви воспоминанье ,
 И въ одиночествѣ мечпанье !

Звѣзда души моей , мой геній ,
 Мой первообразъ красоты !
 Полешомъ правъ моей мечты ,
 И выкупай изъ заблужденій .

Да усладить меня обманъ
 Твоихъ объятій въ часъ полночи :
 Я воспою пвой гибкой спань ,
 Улыбку , рѣчь , лазурны очи !

А. Никитинъ.

Море и сердце.

Проснулася морская непогода.
 Прибрежныхъ волнъ несется ярый шумъ ;
 Пространныхъ водъ неистова свобода
 Наводитъ страхъ и ропоть пайныхъ думъ.
 Съ опзывомъ волнъ унылыя моленья
 Лешашъ , паряшъ ошъ робкихъ береговъ.
 Ударилъ громъ ужасный разрушенья ;
 Взвилась гроза межъ сѣрыхъ облаковъ ,
 И раздались опвсюду завыванія.
 Возспаль Тифонъ , съ землею небо слилъ ;
 Возникъ союзъ и мрака , и сянья ;
 Хаосъ стихій погда попяшень былъ.
 Но громъ умолкъ и волны усмирѣли ,
 И съ моря вновь алмазный льешся блескъ ,
 И берега , какъ прежде , зеленѣли ,
 Сафирныхъ водъ внимая тихій плескъ :
 Такъ сердце , въ часъ ужасныя тревоги ,
 Неистово и спонешъ , и горипшъ ;
 Всесильные погда безсильны боги ,
 И самый адъ его не укропипшъ.
 Мигъ бурь пройдетъ ; вновь тихо и прелестно
 Для нѣжныхъ чувствъ откроется оно ;
 Небесное въ немъ чисто и чудесно
 Опять во всей красѣ опражено.

П. Кисловскій.

СОФИИ АНДРЕЕВНЪ ДУБЕНСКОЙ.

При посылкѣ моихъ сочиненій.

Могу ли поднести мечтанія земныя
Той, чьи мечтанія стремятся къ небесамъ ;

Которая лишь шамъ

Зреть наслажденія прямыя ? . . .

Но для чего же здѣсь любезность, красота
Надъ сердцемъ, надъ душой такую власшь имѣють ?
За чѣмъ же милый взоръ, прелестныя уста
Чувствительность въ груди питають и лелѣють ? . . .
Но предъ *Минервою* защитникъ вѣрный мой
Да будешь Аполлонъ. . . съ опущенной стрѣлой!

С М Ъ С Ъ.

Французскій театръ.

Grâce à M. Caron, directeur dit gérant, on a servi le 4 juin trois antiquailles qui ont failli donner une indigestion d'ennui au Public: *Le conscrit, l'Auberge, la Maison en loterie*; aussi n'y avait-il guère dans la salle que les abonnés :

Il en est jusqu'à douze
Que l'on pourrait compter ;

et le corps impassible des employés du théâtre. Des parties de scènes passées, des entrées et des sorties intempestives, de fausses répliques à l'orchestre, des figurants indisciplinés, et sans accessoires, des *cuirs* faits et répétés par l'incomparable M - elle Anna, avec son assurance ordinaire et *extraordinaire*: voilà, en peu de mots, la soirée. Bravo ! M. Caron, bravo !

Le spectacle suivant était composé de la remise du *Collatéral*, et de la 1re représentation de *La quarantaine*, dont voici le sujet. M-me de Crécy, jeune veuve, pour sauver les débris de sa fortune, va épouser un M. Jonathas, du Hâvre, riche et épais négociant, avec lequel elle est en procès, lorsqu'un de ses anciens adorateurs, Gabriel de Revannes, officier de marine, empêche le mariage en se déclarant Capitaine d'un vaisseau grec, soupçonné de contagion, et retenu en radè. L'effroi fait renoncer Jonathas à son union avec M-me de Crécy ; et il apprend la mystification dont il a été la dupe, quand il n'est plus temps de s'opposer à l'hymen des deux amants. — Suivant son usage, M. St.-Albin a été comique, plaisanterie à part. Ce n'est certainement point ainsi que M. Hervet eût rendu le personnage original de Jonathas. Il fallait un comédien et non un histrion. M. Bercour a été froid et maniéré. Qu'il craigne l'afféterie de l'une de ses partenaires, vers laquelle l'entraîne un tendre et mutuel penchant, et dont le parastremma habituel l'a séduit. Nous avons remarqué que ce jeu déplait au général comme au particulier : veiller à tous les intérêts indistinctement est le devoir des Journalistes. M-me V. Cordier s'est sans doute chargée par complaisance du rôle de M-me de Crécy ; elle l'a joué avec infiniment de grâce et de décence. Elle a habilement occupé la scène que M. Bercour laissait languir. Il est fâcheux que cette charmante actrice ne puisse pas plier son organe enchanteur aux mesures cadencées de la musique. Sa louable défiance annonce d'ailleurs de la modestie et, soit dit en passant, M-elle Constance ferait très bien de l'imiter. M-me Valmont, dont la voix n'est pas sans agrément, quoiqu'un peu larmoyante, eut été convenablement placée dans M-me de Crécy, et la partie lyrique de la pièce y aurait gagnée. Un régisseur entendu, M.

Alfred, n'auroit pas fait une telle école. Qu'en pense M. Caron ?

Disons-nous du *Collatéral* que M. Walter, qui paraît fuir devant le vaudeville, a été moins, que dans ses rôles précédents, à côté de la vérité, qu'il a mieux varié ses tons, qu'il a eu moins de monotonie et plus de chaleur, qu'il serait peut être *un fort-premier* utile, et qu'il est *un père noble* à créer; que *l'incomparable* M-elle Anna a constamment l'air de s'occuper de toute autre chose que de la scène, où elle n'est pas plus réservé qu'à la ville; que son jeu nul, ses gestes uniformes, ses mines grimacières, ses manières communes, son maintien sans vétusté, et beaucoup trop libre, sentent la grisette et non l'artiste. Nous ne dirons rien de tout cela; tout le monde s'en est aperçu aussi bien que nous. M. Caron, qui a piteusement figuré dans *La quarantaine*, a daigné faire au Public l'honneur de paraître dans *le Collatéral* qui généralement a été foiblement su, mais fort négligemment monté, et encore plus mal mis en scène.

Pour la représentation du 11 juin on a donné le *Coiffeur et le Perruquier*, le *Tailleur de Jean - Jacques*, *Adolphe et Clara*. Ces trois ouvrages étant connus, nous nous bornerons à parler des acteurs.

Dans *le Coiffeur et le Perruquier*, M. Hervet, que l'on étoit, avec raison, impatient de revoir, s'est parfaitement acquitté du rôle de *Poudret*. S'il eut été mieux secondé par M. Frédéric, *véritable androïde désorganisé*, la pièce aurait fait le plus grand plaisir. Nous souffrions pour M. Hervet de la nullité desespérante de M. Frédéric, et nous avons cru voir le feu aux prises avec la glace. Contre son ordinaire, M-me Bellement a été moins ridiculement extravagante, et moins grossièrement charge, que de coutume; qu'elle s'étudie à se rendre compte des intentions des auteurs, qu'elle a jus-

qu'à ce jour outrageusement défigurés et travestis; qu'elle s'occupe *surtout* d'apprendre ses rôles qu'elle ne sait jamais, et elle méritera alors les bonnes grâces du parterre et des loges. On aime ici les véritables artistes, mais on méprise les saltimbanques : avis à M-me Bellement, M. St. - Albin et compagnie. — Nous avons entendu demander, pourquoi M. Walter ne représentait pas M. Desroches? *M. Caron n'est pas sûr que M. Walter sache chanter*, a-t-on répondu. Comme c'est heureux pour la Direction! Elle attendait un *comédien-chanteur*, et son adroit mandataire lui amène un *actotragico-mélodramaturge*. Quel habile homme que ce M. Caron!

Le Tailleur de Jean-Jacques est une comédie, que le talent de M. Potier a soutenue à Paris, et que le jeu comique et chaleureux de M. Hervet fera valoir à Moscou. Sans lui la reprise de cette pièce n'aurait pas fait fortune. *L'incomparable* M-elle Anna a su travestir le joli petit rôle de *Babet*, que M-elle Alfred aurait si gracieusement rendu, en une nullité des plus complètes. Midas convertissait tout en or, dit la fable, et la vérité est que *l'incomparable* M-elle Anna change tout en *ordure*.

Les applaudissemens unanimes qui ont accueilli M. Hervet, pendant la soirée, ont dû lui prouver tout le plaisir que causent au Public et son rétablissement, et son talent vraiment distingué.

M-elle Duparc a fait *sa rentrée* par *Adolphe et Clara*; elle a été fêtée avec un empressement flatteur et mérité. M. Ernest a chanté avec infiniment de goût. Ce jeune artiste se forme de jour en jour. Il ne tient qu'à lui d'être roi dans son emploi, et il le deviendra, n'en déplaise au *radoteur prétendu ermite* qui ferait mieux d'apprendre à écrire son nom, et à corriger les

fautes de français, dont est pompeusement hérissé son galimathias empoulé, que de parler littérature et théâtre, auxquels le pauvre Hère est aussi étranger que M. Caron, son patron; et ce n'est pas peu dire assurément. Faut-il aussi voter des remerciemens à M. Caron pour avoir pris une fausse réplique, et donné une fausse alarme, dans *Adolphe et Clara*? Ce qu'il ne saurait monter il le démonte. Qui osera dire après cela que M. Caron n'est bon à rien?

К р е с л а.

ИЗВѢСТІЯ.

Благодарность несчастнаго семейства.

Въ 21 Но Дамскаго Журнала мы увѣдомили Чипашелей своихъ о бѣдной *Баронессѣ Фонъ-Салисъ*, имѣющей бо лѣшь опъ роду, одержимой ревматизмами, препяпспвующими ей пишасья работою рукъ своихъ, и нанимающей хижину съ 90 - лѣшнею больною маперью въ Первой Мѣщанской у г-на Кошелева. Получивши опъ неизвѣспныхъ соспрадапельныхъ особъ нѣкошорое вспомошествованіе, сіе несчастное семейство приносинъ имъ чувспвительнѣйшую благодарность — въ сердечныхъ молишвахъ за своихъ великодушныхъ благодѣтелей.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Размѣръ шляпокъ все становится меньше и меньше, такъ что полями только-что покрываются букли спереди. Много появилось гроденаплевыхъ шляпокъ пунцоваго, бѣлаго или палеваго цвѣта, убранныхъ съ боку однимъ бантомъ, изъ котораго падаютъ длинные концы.

— Вставши съ постели, до туалета, носятъ весьма покойныя бѣлыя перкалевыя платья, у которыхъ спинка собрана подъ поясъ, а спереди какъ у пеньюара; длинная пелерина, застегиваемая аграфомъ, покрываетъ всю шалью; при сей пелеринѣ четверугольный воротникъ съ оборочкой; рукава широкие, собранные внизу къ обшивкѣ.

— Головной уборъ для дѣвочекъ семи и осьми лѣтъ состоитъ изъ двухъ косъ, упадающихъ съ обѣихъ сторонъ; въ концѣ бантъ подъ цвѣтъ платья.

— На маленькихъ мальчикахъ, лѣтъ трехъ или четырехъ, мы видѣли круглыя Итальянской соломы шляпы, у которыхъ поля и тулья обшиты чернымъ бархатомъ.

— Къшчатый гроденаплъ употребительнѣе для рендегошовъ, нежели для платьевъ; и должны непременно имѣть большія пелерины.

— Много видно воротничковъ изъ Индійской кисеи, вышитыхъ вокругъ и обшитыхъ широкими Валансьенскими кружевами.

Изъясненіе картинки при семь No.

Платье изъ органди. Шляпка креповая, съ цвѣтами. Пелерина изъ вышитаго шюля.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,
съ тѣмъ чтобы, по оппечаташи, были представлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Юня 29го дня, 1832 г.
*Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ
и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.*

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

П р о з а.

Пріятность уединенной жизни.

Щасливъ пошъ, кто, не испытавъ превратностей большаго свѣта, проводитъ жизнь въ пріятномъ уединеніи! Видимый горизонтъ ограничиваетъ для него предѣлы міра. Сердце такого человѣка не познаетъ никакихъ укориженныхъ перзаний. Онъ непрестанно печется о благополучіи любезнаго семейства — и щасливъ совершенно! Въ садахъ у него не видно Азіяскихъ и Африканскихъ распеній, но посажены деревья, которыхъ плоды служатъ ему богатымъ десертомъ за умеренною трапезою. онъ разводитъ цвѣтники — удовольствіе нѣжной супруги и милыхъ дѣтей; не наслаждается прохладой подъ Американскими пальмами, но ему весело подъ тѣнію сребристаго тополя и развѣсистаго дуба: первый напоми-

наешь ему подвиги Геркулеса, а второй представляешь вѣнцы Капитолійскіе.

Онъ не спрашивается видѣшь размноженіе своего семейства; ибо видишь шруды свои вознагражденными благодѣшельною природой. Какъ скоро наспаешь время жатвы, онъ сзываетъ родныхъ и друзей и выходитъ съ ними въ поля созрѣвшаго хлѣба. Сердце отца бьется отъ радости и удовольствія, когда дѣти, украшенные васильками, поютъ и пляшутъ вокругъ умножающихся сноповъ, и своими невинными играми напоминаютъ ему о первыхъ лѣтахъ молодости, и живо представляютъ почившихъ предковъ, съ которыми онъ уповаетъ соединиться въ спранъ вѣчнаго блаженства.

Упоенный такими мыслями, и вкусиши всю пріятность жизни, можешь ли онъ сомнѣваться въ бытіи Всемогущаго Бога? — нѣтъ!

Щасливъ и шопъ, кто умѣлъ почувствовать всю красоту цвѣшущихъ луговъ, кто съ удовольствіемъ внималъ журчанію сребристаго ручейка; сему щасливцу нравился чаща лѣсовъ — всегдашнее убѣжище отъ знойныхъ солнечныхъ лучей; онъ охотно взбирается на непроходимыя скалы и крупыя утесы, чтобы возвратиться съ добычею, находимую въ царствѣ растений и живошныхъ.

Но гораздо щасливѣе шопъ смершнй, который, среди родной семьи и искреннихъ друзей, можешь наслаждаться совершеннымъ спокойствіемъ въ удиненномъ жилищѣ предковъ своихъ!

Съ Франц. изъ *Etudes de la Nature.*)

Татьяна Веревкина.

18 Октября, 1831.

Москва.

Гаремъ Принца.

. . . Предшествоваемая своимъ драгоманомъ, я вошла въ садъ гарема, садъ прекраснѣйшій, въ которомъ Европейскій вкусъ помогаетъ богатому прозябенію Египетской почвы, и вспомнила Леди Монтегю.

Я ожидала, что увижу шолпы евнуховъ, порфиrowыя колоннады, красавиць, лежащихъ на парчѣ, и множество молодыхъ невольницъ; вездѣ шербеши, благоуханія и павлиныя опохала. По мѣръ пого, какъ я шла впередъ, мнѣ должно было ниспадать съ блестящаго волшебства въ просшую натуру; но если я не нашла созданнаго перомъ прелестнымъ и легкимъ; то нашла существенность изящную, пышную, внушающую почтеніе; нашла памъ, гдѣ свобода есть слово неизвѣстное и слѣдовательно вещь не желаемая, достоинство, красота, радость и щастіе. Не знаю, какъ Персіане поступаютъ нынѣ съ своими женщинами; но послѣ того, какъ я видѣла гаремы, могу сказать, что *Персидскія письма*, столь остроумныя, столь жадно читаемыя, служили единственно къ распространенію тѣхъ ложныхъ понятій, увеличенныхъ въ хорошемъ или дурномъ, которыя мы всегда имѣли въ Европѣ о нравахъ и обычаяхъ воспочныхъ, а особливо во Франціи, потому что изъ всѣхъ народовъ Французы наименѣе путешествуяють. Зданіе, въ которомъ находится гаремъ Принца, примыкаетъ ко двору и ведетъ къ нему подъ очаровательную тѣнью. Когда я подошла къ периспилью, то по суешливости двухъ невольницъ видѣла, что знали обо

мнѣ. Меня ввели въ прекрасную комнату, съ диваномъ кругомъ. Въ окна, остьненныя кустами розъ, проходилъ слабый свѣтъ съ пріятною прохладою. Я услышала, что захопала руками — и въ шу же минушу многія женщины подняли занавѣсь, дополъ мною не замѣченный: вижу въ комнатѣ, съ открытыми дверями въ садъ, женщинъ пятнадцать; всѣ онѣ были покрыты только вполонину, всѣ прекрасны, молоды и одѣты чрезвычайно богато; нѣкоторыя лежали, другія стояли передъ диваномъ. Двѣ изъ нихъ опдѣлились и подошли съ привлекательнѣйшею миною освободить меня отъ капора. Немогши подѣ эпимъ капоромъ надѣть шляпки, я имѣла нѣкоторое кокетство завить въ букли волосы, или лучше сказать привесить въ порядокъ ихъ природныя букли. Тотчасъ вижу, что всѣ сіи прекрасныя глаза, на меня усуремленные, сдѣлали однимъ быспрымъ взглядомъ сравненіе между лицомъ моимъ, показывающимъ меня спарѣ лѣтъ моихъ, и моими волосами, еще понкими и мягкими какъ шелкъ, густыми и почти бѣлокурыми. Вопросы слѣдовали одинъ за другимъ. Прекраснѣйшія руки взявши мои, повели меня на диванъ. Тотчасъ подали кофе. Невольницы, подносящія прелестныя чашички, стояли передъ нами. Потомъ подали варенья на хрустальныхъ блюдечкахъ съ маленькою ложечкою для каждой.

Я не знала, какъ бы мнѣ освѣдомишься обо всемъ томъ, что я знаю хотѣла; спрашиваю у своей переводчицы, всѣ ли женщины Принца были шушь. Она отвѣчала, что нѣтъ, и что главная находилась въ другихъ покояхъ.

Всѣ сіи женщины спрашивали у меня, какое платье нравится мнѣ болѣе, ихъ или наше? Я

опвѣчала, что съ нѣкошорыми легкими перемѣнами и для такой жизни, какую ведушь онѣ, я предпочитаю ихъ платье; но что наше приличнѣе жизни дѣяшельной, жизни общественной, жизни Европейской. Между пѣмъ какъ онѣ разсмапривали одежду мою, я обрисовывала лица двухъ или трехъ изъ нихъ, и почти кончила, когда одна, самая младшая, просишь меня показашъ ей рисунокъ. Удивленіе выразилось во взорахъ ея; она улыбнулась и хошѣла сперешъ; я прошивилась, увѣряя что рисовала единственнно для себя; она позвала другихъ и всѣ велѣли сказашъ мнѣ, что одинъ шолько Принцъ имѣетъ право дозволишь *видѣть ихъ*, и что это было бы для нихъ оскорбительно, если бы онѣ предсали взорамъ другаго. Надлежало изодрашъ рисунокъ. Нѣшъ ни одной музыканши изъ женщинъ Принца; нѣшъ даже въ гаремѣ его ни танцовщицъ, ни пѣвицъ, созидаемыхъ нашими сочинителями романовъ. Я спросила, прогуливаюшся ли онѣ въ прекрасномъ саду своемъ. „Сколько хошимъ,“ опвѣчали онѣ „сверхъ того мы кашаемся на лодкахъ по Нилу; ѣздимъ верхомъ. . .“

Мои шелковыя бопинки очень понравились имъ. — Между Турчанками есть и Гречанки, можетъ спашся, прогашельныя жертвы Миссолонгскія; но могу увѣришь, что ихъ веселыя лица не изъявляютъ никакой печали.

Часа при пробыла я съ эшѣми госпожами, когда пригласили меня на другую половину, гдѣ я была предсавлена съ эпикешомъ, чрезвычайно величавымъ. Полдюжины молодыхъ невольницъ окружало диванъ, на которомъ сидѣла женщина въ ослѣпительномъ костюмѣ. Не вспавая, она поклонилась мнѣ съ пріятностію. комна-

па заключала въ себѣ богатство необыкновенное; ковры, алмазы, маперьи осуществляли описанія, самыя увеличенныя. Женщина, сидѣвшая на диванѣ подѣ вуалемъ до половины лица, имѣла прекраснѣйшіе въ свѣтѣ глаза и руки, какихъ мало. Она была лѣтъ двадцати, и высока ростомъ. Многія изъ тѣхъ женщинъ, коихъ я видѣла прежде, вошли со мною. Я спросила у своей переводчицы, можетъ ли она освѣдомиться о тѣхъ женщинахъ и пересказать мнѣ, какъ онѣ вошли въ гаремъ, и какія степени занимающъ въ немъ. „Ни слова,“ отвѣчала она „сіи вопросы запрещены здѣсь такъ же, какъ и входъ мужчинамъ.“ Сидѣвшая на диванѣ красавица, *предпочитаемая* супруга Принца, вѣжливо сказала мнѣ привѣтствіе, чрезвычайно умное, и спросила у меня, правда ли это, что я слѣдовала за войсками и носила мужское платье. Всѣ прелестныя лица успремились на меня въ ожиданіи отвѣта, за которыми послѣдовало пошореніе многими прекрасными голосами: *ла!* *ла* (*)! а любимица, забывши на минуточку обо всякой осторожности, открыла лицо, какое только можешь сотворить живописецъ для существа воображаемаго, и остановила на мнѣ плѣнительныя глаза свои съ выраженіемъ сомнѣнія. Прелестная улыбка одушевила уста ея, истинно коралловыя, и выказала бѣлѣйшіе восточнаго жемчуга зубы.

Въ Турціи не расстаются безъ взаимныхъ подарковъ: я получила прекрасныя плащки. Но въ гаремѣ Принца не позволяется одаривать, и переводчица поспѣшила сказать мнѣ объ этомъ:

(*) Нѣтъ! нѣтъ!

и такъ я могла только благодарить. Она еще сказала мнѣ, что Мусульмане оказываютъ уваженіе и благосклонность, когда даютъ цѣловать руку свою, и я съ удовольствіемъ повѣловала прекрасную, бѣлую и пухленькую ручку, которая была подана мнѣ съ прелестною нерадивостію и въ то же время съ довольною важностію.

Наспупаль топъ часъ, когда Принцъ входилъ въ гаремъ. Какъ бы я хотѣла видѣть Принца среди его женъ, судить по лицамъ ихъ о впечатлѣніи, которое онъ производитъ; видѣть его обращеніе съ ними! но это было не возможно. Говорятъ и даже пишутъ, что у Принца есть жены изъ Нубіи и Абиссиніи: я видѣла только бѣлыхъ между ними. Наконецъ я проспала съ эфѣми красавицами, которыя сказали мнѣ, что ежели Принцъ поѣдетъ въ Александрію; то онъ очень будетъ рады, получивши дозволеніе видѣть еще разъ *Гадижъ Франкъ* (*).

Передо мною было до пятидесяти женщинъ; но я не видала болѣе трехъ или четырехъ комнатъ и по гостиныхъ. „Гдѣ же спальни?“ спросила я у переводчицы. Постели приносятъ только на ночь — ошвѣчала она — и спелются на покрытыхъ коврами полахъ. — Въ каждой комнатѣ есть баня для предписаннаго омовенія; другія бани служатъ къ пріятному времяпровожденію вообще между женщинами на востокъ. Но мнѣ сказали, что жены Принца никогда не занимающся симъ удовольствіемъ.

(Изъ *La Contemporaine en Egypte.*)

(*) Вдохновенная Европеечка.

А л ь б о м ъ .

Издапель получилъ на сихъ дняхъ слѣдующія спроки ошъ неизвѣстной ему дамы : „Запишише , м . г . , въ *Альбомѣ* своего Журнала одну изъ маленькихъ достопримѣчательностей *Кузнецкаго моста* , а именно вопшь какую : мнѣ купили въ шакъ называемомъ Голландскомъ магазинѣ двѣ зубныя щепочки ; но онѣ были очень жестки . Дней черезъ пяшь я сама заѣхала въ Голландской магазинъ и просила *нарядную* хозяйку магазина промѣнять жесткія щепочки на мягкія . Мадамъ Т . (хозяйка магазина) , вынимая множество щепочекъ , примолвила , что мягкія въ *четверо* дороже , ш . е . каждая щепочка по 4 руб . „Я не взяла съ собою денегъ ,“ сказала я , скрывая свое удивленіе : ибо покупала у *Ланкау* самыя мягкія по рублю . „Не угодно ли“ продолжала я „взяшь назадъ щепочки свои?“ Какъ эшо можно ! — перемѣнивши мину , почши вскричала мадамъ Т . — онѣ куплены уже съ недѣлю . — „Но вѣдь у васъ ихъ шакъ много , что вы не могли имѣшь надосташка , если бы“ Не лъзя , не лъзя ! — перервала мадамъ Т . слова мои . „И шакъ я дарю васъ ими .“ Мадамъ Т . преспокойно положила ихъ на свое мѣсто , а я , при выходѣ изъ магазина , почши невольню сказала : „Подлинно *чортова слобода!*“ вспомнивши слова *помѣщика* , записанныя въ *Альбомѣ* вашего Журнала , о *Кузнецкомъ мостѣ* , которъй самъ собою напоминаетъ о безсмерпномъ кузнецѣ , сковавшемъ столь искусную съшь , что дражайшая половина его съ богомъ брани и не примѣпила се на себѣ . Не куюшся ли и здѣсь столь же

искусныя сѣпи , по крайней мѣрѣ для кошельковъ нашихъ ? . . .

„Какая разница съ Рускими магазинами! Однажды я купила у *Майковыхъ* меринось на плащѣ; послѣ того съѣздила изъ *Москвы* въ *Тифлисъ*, и по возвращеніи своемъ привожу меринось къ *Майковымъ*, говорю, что онъ мнѣ какъ - по уже не нравился , отдаю назадъ и получаю деньги со всею учивоспію, опличающею сихъ почтенныхъ купцовъ. Какая разница, повпоряю, въ папріюшической гордостии между Французскими и Рускими магазинами!“

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Д В Ъ Р У С К І Я П Ъ С Н И .

І .

Б ѣ л о й с в ѣ т ѣ .

Ахъ ! что же мнѣ дѣлать
 На бѣломъ свѣту ?
 На бѣломъ свѣту
 Мнѣ все на бѣду !
 И на бѣломъ свѣтѣ
 Тоски гробовой
 Тяжелое бремя
 На сердцѣ лежишь !
 Кручинному сердцу
 Кручана вездѣ ;
 При солнышкѣ ясномъ
 Туманъ на душѣ .
Ахъ ! что же мнѣ дѣлать
На бѣломъ свѣту ?
На бѣломъ свѣту
Мнѣ все на бѣду !

С о в ѣ с т ь.

Ахъ! то ли, то-ль дѣло,
 Какъ съ совѣстью смѣло
 Ты въ жизни идешь?
 Хоть бури встрѣчаешь,
 Груспишь, унываешь;
 Однакожь поешь.
 И долго ли совѣсть
 Придется хранить?
 Жизнь — краткая повѣсть:
 Мигомъ пролетишь.
 Стокнулся-ль съ бѣдою?
 На сердце рукою —
 И легче въ бѣдѣ,
 Во всякой судьбѣ.
 Ахъ! то ли, то-ль дѣло,
 Какъ съ совѣстью смѣло
 Ты въ жизни идешь!

Метатель.

 Въ альбомъ Графу Д. И. Хвостову.

Что мнѣ въ альбомъ твой написать?
 Сказать ли: „славенъ ты стихами?“
 Я буду только повторять,
 Что повторяется межъ нами.
 Сказать ли мнѣ еще: „ты добрый человекъ?“
 Твои дѣла благошворенья
 Извѣсны всѣмъ, и нѣтъ имъ никогда забвенья!
 Скажу одно: живи еще ты полный вѣкъ!

А. Волковъ.

15 Юня 1852.

Москва.

С М Ъ С Ъ.

Французский театръ.

Revue du 15 au 30 Juin.

Le Jeune homme en loterie a fait à peine sourciller; cependant la pièce a bien marché, et M-me Cordier a joué, d'une manière remarquable, le rôle de *Julie*.

Dans *le Nouveau Pourceaugnac*, M. Bercour a laissé beaucoup à désirer; M. Hervet a été des plus plaisants. M. Auguste, M. Frédéric et *l'incomparable* M-elle Anna ont été des plus foibles. Chacun son genre. M-me Valmont a pleuré véritablement. M-me Alfred a fait rire. Encore un rôle, celui du *Colonel*, de l'emploi de M. Walter, qu'il a laissé passer. Prendrait-il M. Philibert pour sa doublure? qu'il y prenne garde, cette doublure là vaut grandement bien le drap.

A Dieu ne plaise que nous parlions de *la Marchande de goujons*, et que nous salissions les pages d'un journal consacré aux Dames de telles dicélies! M. Caron ne sait-il donc pas que le Public de Moscou se compose de tout ce qu'il y a de plus distingué par la naissance, dans les sciences, dans les lettres, dans les arts, et par une éducation toute morale? Le discernement de M. Caron s'étend sur tout ce qui est de son choix!

La Jeune femme colère a été représentée par M-me Cordier avec toute la vérité de l'emportement. Que n'a-t-elle été mieux secondée?... M. Hervet décèle chaque jour quelques perfections. Il n'y a point de petits rôles pour lui; il donne au plus foible un cachet original. Voilà le vrai comédien. Nous avons enfin un comique!

La Mansarde des artistes et M. Jovial n'ont pas été joués ni moins bien, ni plus mal que précé-

demment. *L'Incomparable*, M. Frédéric, M. Auguste et M-me Péruiez ont été aussi nuls qu'à l'ordinaire.

Le spectacle du 22 Juin se composait de *Valentine* que l'on connaît, et de *M-me S-te Agnès*, espèce de tartufe féminin (ces deux mots sont l'analyse de la pièce), dont le rôle difficile aurait dû être distribué à M-elle Constance. Il lui revenait par droit de talent; quoiqu'il y eut à chanter, et par droit de naissance, puis qu'elle compte neuf pythiades. Il faut cependant rendre justice à M-me Valmont: elle a étudié le personnage de *M-me de S-te Agnès*; mais elle a eu, sans doute, trop peu de tems, ou peut être le rôle est-il encore au dessus de ses forces. Cet essai prouve toujours du mérite. Ne pouvant pas se décider à lancer dans le vaudeville, M. Walter qui s'obstine à ne pas savoir chanter, et par une compensation dont personne n'est dupe, M. Caron s'adjuge, sans façon, *les caractères à agrément*, et abandonne les *pères nobles*, en termes de coulisses, à *faire four* à M. Alfred. C'est dommage que cette jonglerie, en accusant le *nescio* lyrique de M. Walter, dévoile, avec toute l'incapacité de M. Caron, sa jalousie contre un artiste qui l'efface et comme acteur et comme régisseur. *Facta manent*. — Nous ne sommes pas bien sûrs que M. Hervet n'ait rien laissé à souhaiter dans *M-me de S-te Agnès*; non qu'il ne l'ait joué en comédien consommé, mais il nous a paru manquer d'un je ne sais quoi, que lui seul peut définir. *L'Incomparable* a défiguré d'un bout à l'autre *l'ingénue Irène*. M. Ernest est dans la bonne voie; qu'il continue et il arrivera bientôt aux honneurs du triomphe, M. Auguste ne faisait-il pas un valet? La Direction a là un pauvre serviteur. Il ne vaut pas le premier chiffre de ses gages.

25 Juin. Une société d'amateurs, auxquels s'était réunie M-me Dangeville, a donné, dans le tems, *simple Histoire*, au profit de la caisse française de charité.

C'est dire que toute la Noblesse de Moscou, qui ne laisse jamais échapper une occasion d'exercer la bienfaisance, a assisté à cette brillante et fructueuse représentation. Nous ne voulons point établir de comparaison entre des amateurs et des artistes; la partie ne serait pas égale. Nous dirons seulement que M-me Dangeville a été immensément supérieure à M-elle Constance, même physiquement. L'obésité toujours croissante, le grasseyement fatigant et la coïterie surannée de M-elle Constance n'ont rien d'ingénu; elle est placée entre *les jeunes caractères et le ridicule - même*. „Une „femme, dit un auteur contemporain, doit renoncer à „propos aux avantages que les années lui ont ravés; „si elle veut que le monde lui tienne compte de ceux „qui lui restent.“ L'application de cette réflexion est propre surtout à M-elle Constance; qu'elle en fasse son profit; elle y gagnera beaucoup, et le Public lui saura gré d'une concession que *son expérience* ne lui permet point d'envisager comme un sacrifice. M. Hervet a identifié les spectateurs avec *le docteur Sandfort*; il a été d'une vérité parfaite. M. Bercour a-t-il été content de lui même? Nous ne le croyons pas. Il doit, il peut mieux faire. Quand il représentera une autrefois un fat *anglo-français*, qu'il ne s'imagine pas être l'un des M. M. de *St. Yves, de la maîtresse au logis*. M. Walter a enfin débuté dans le vaudeville; non dans son emploi, il est vrai, mais il débuté. Sa voix n'est pas toujours juste; elle a de l'éclat, mais elle manque de pureté et de méthode; peut être ne demande-t-elle que du travail et du goût pour devenir supportable. Au surplus M-elle Constance croit *bien* chanter; pourquoi M. Walter ne s'abuserait-il pas comme elle? Ajoutons qu'il a fait le constresens de traduire le rôle de Lord Elmwood sur la complainte de *l'Abbé de l'Epée*. Cette innovation a jeté un peu de comique sur la pièce dont le sujet est sérieux. De quoi s'occupe donc

aux répétitions *M. le Directeur dit gérant*, pour laisser faire de telles méprises ?

Simple histoire a été précédée des *Maris sans femmes*, vaudeville joué *coram vacuo*, et suivie des *Femmes romantiques*. M-me Bellement devrait bien ne point oublier ce précepte de Boileau :

Distinguez le naïf du plat et du bouffon.

30 Juin 1re représentation de *Philippe*. M-elle d'Harville, d'une ancienne et illustre famille, a été forcée, pour sauver sa tête proscrite, d'épouser un simple soldat. Seulement elle a exigé le mystère le plus inviolable sur ce mariage forcé et disproportionné. Dans sa maison où elle est rentrée, *Philippe*, son mari, passe pour son intendant, et le fils unique, né de leur union secrète, pour un orphelin. Une provocation de ce fils désavoué, au brillant *Vi-comte de Beauvoisis*, jeune étourdi à la mode, amène la révélation d'une partie de la naissance de *Frédéric*; il embrasse son père, mais il ignorera toujours le nom de celle à qui il doit la vie; tant est sacrée la parole du brave soldat ! ! !

L'exposition de ce petit drame est bien entendue; et, l'épîtase, combinée avec art, augmente l'intérêt croissant. Il faut lire la pièce qui est, à notre avis, un des meilleurs ouvrages de M. Scribe; non l'édition inédite de Moscou, enrichie, il est vrai, du style de M. Caron, qui a substitué sa petite prose aux vers du spirituel auteur, afin de replacer certains ensembles *indéchiffrables* pour lui et ses Arcadiens modernes, mais l'édition pure et simple de Paris. Cette lecture vaudra bien la représentation; et, on aura l'avantage de ne point avoir les oreilles horriblement déchirées par les cacophonies *Caronistes*. Le rôle de M-elle d'Harville était encore à la taille de M-elle Constance, qui se raidit inutilement contre cette pensée d'Horace: *non semper idem floribus est honos vernis*; non qu'elle l'eût mieux joué que M-me

Ménier dont elle est loin d'avoir la diction pure et correcte. Mais sous le rapport du physique et du chant, ce qui ne veut pas dire non plus qu'elle soit, ni la mélodieuse Philomène, ni la juvénile Hélène, elle eut représenté convenablement le personnage, qui exige de l'agérasié. M. Walter ne s'est point élevé à la hauteur de la scène. Des efforts de poumons ne sont pas de l'âme. Il avait plus la rudesse soldatesque, que la dignité d'un homme au dessus de sa condition, par la noblesse de ses sentiments. Il ne paraissait éprouver ni la crainte, ni le désir de nommer son fils; enfin, sa physionomie ne décelait point de combats intérieurs. Il doit cependant y avoir de tout cela dans *Philippe*. La voix cassée de M. Walter nous a paru encore moins juste que la 1re fois. Il réserve peut-être son savoir musical pour une meilleure circonstance. M. Caron est capable de nous ménager la surprise du *Mariage de raison*, avec M. Walter, dans *le comte de Brémont* et avec l'inévitable M-elle Constance, dans *Suzette* de 16 ans. Alors il y aura charivari complet. Si les abonnés ne s'amuse point, ils seront difficiles, car on n'est pas plus divertissant que ce bon M. Caron et ses Coryphées. Les spectateurs s'attendaient à voir, dans *Philippe*, M. Ernest, dans le rôle de M. Bercour; M. Bercour, dans celui de M. Ernest, et *une amoureuse* à la place de *l'Incomparable*. La pièce et les acteurs y eussent trop gagné! Cependant *la déclamation pathétique* de M. M. Walter et Bercour leur a valu la faveur *tardive* d'être redemandés après l'annonce du spectacle. M-me Ménier méritait *plutôt* le même honneur, car elle a parfaitement joué. Au reste la distribution de *Philippe* a été faite comme sont faites toutes les distributions de M. Caron, c'est-à-dire en coteries: de manière à ne point déplaire à M-elle* * *, à ne pas désobliger certain quidam *généreux*, mais sauf à sacrifier qui n'est pas dans les bonnes grâces de

l'intègre aréopage en quenouille et à mécontenter le Public, que l'on brave ouvertement, en le privant, le plus qu'on peut, de M-mes Duparc et Cordier, dont il aime le talent, et en l'abreuvant, jusqu'au dégoût de la plus entière saciété, de vieilleries semblables à *la Visite à Bedlam* et à *la Maison en loterie*. M. Caron exhumera aussi, sans doute, incessamment *Jocrisse* qui a signalé l'aurore de son immortelle régie.

Р р е с л а.

П а р и ж с к і я м о д ы.

Нѣкоторыя тюлевая вышитыя шляпки подбитыя гроденаплемъ, лиловымъ или розовымъ, окружающя широкою Англійскою блондою въ видѣ полууаля.

— Платья, надѣваемые внизъ открытыхъ реденгошовъ, дѣлаются батистовыя, вышитыя спереди отъ пояса до рубца; сіе шитье поспепенно расширяется къ низу.

— Вокругъ шеи носятъ маленькіе тюлевые вышитыя эшарпы, которые завязываются какъ галстухи и отдѣляются кружевомъ; въ средину продергивается лента, поддерживающая ихъ.

— Чепчики, носимые за-просто, имѣютъ вмѣсто оборки нѣсколько тюлевыхъ концовъ, обшитыхъ кружевами, представляющихъ бантъ косынки; они перемѣшаны съ концами вырѣзанныхъ лентъ.

Изъясненіе картинки при селѣ No.

Шляпка соломенная прозрачная (à jour). Реденгошь изъ шерстянаго батиста, или гроденаплевый.

О п е ч а т к и.

Въ 26 No, на стран. 206, вм. pléthoniques, должно: pléthoniques, а въ 27 No, на стран. 13, вм. vetusté, должно: venusté.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечашаваніи, были представлены въ Ценсуръ Компшеть три экземпляра. Москва. Юля 6го дня, 1832 г.
 Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Советникъ
 и Кавалеръ Иванъ Девигубскій.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П р о з а .

*О старинныхъ Рускихъ праздникахъ и
обычаяхъ.*

(Продолженіе.)

2.

К о л о с я н и ц а .

29 Мая, въ день Св. Θεодосіи, ш. е. когда рожь начинаешъ мешашъ колосъ (колосишья), а въ иныхъ мѣстахъ (ближайшихъ къ полудню) и наливашъ зерномъ, молодья кресьянки нѣкоторыхъ Губерній (*) каждая съ своей нивы сры-

(*) Опять, какъ очевидецъ, привожу въ свидѣтельство Рязанскую, Тульскую и частъ Владимірской Губерній; не говорю вообще того же о Тамбовской, Воронежской и нѣкоторыхъ другихъ, болѣе и болѣе Южныхъ странахъ;

вая по нѣскольку жлѣбныхъ колосьевъ, переплеташь ихъ въ вѣнки съ цвѣтами, большею частію съ васильками, надѣваетъ (также каждая, свой вѣнокъ) на голову и спѣшишь съ радостнымъ объявленіемъ, что *Господь жалуетъ имъ зерно хорошее*, подь благословеніе Священника.

Вечеромъ праздникъ Колосяницы, — въ спарину имѣвшій гораздо болѣе шоржеспвенности, нежели нынѣ, сопровождался, какъ увѣряють спарики, разными чудесами, весьма близкими къ обрядамъ языческимъ. Напримврѣ: самая юная изъ дѣвиць, но полная, румяная и бѣлая, обыкновенно принимала названіе *Колосяницы*; ее сажали на возвышенное мѣсто, короновали колосьями и цвѣтами, плясали и пѣли вокругъ нея и проч. Въ наше время праздникъ Колосяницы какъ начинается, такъ и оканчивается обыкновенно хороводными пѣснями, большею частію извѣстными. Замѣчательно только то, что празднующіе Колосяницу, распѣвая свои пѣсни во всю ночь, нерѣдко такъ же вспрѣчаютъ пѣснями и упрю слѣдующаго дня. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ одной пѣсни, болѣе другихъ на праздникъ Колосяницы любопытной:

Колосистая рожь!
 Накустись,
 Разцвѣтись
 И зерномъ развернись,
Сам-десятой родись;
 Колосистая рожь!
 Замолошь твой хорошь
 Для дружка
 Голубка,

но замѣчаю, что по вытѣсеніяхъ своихъ отсюда, въ *другой разъ* Славено-Руссы явились здѣсь уже переселенцами и почти затопили все свои коренные обычаи въ обычаяхъ Монголо-Татарскихъ. М.

Для голубочки
 Въ синей юбочкѣ ,
 Душегрѣичкѣ ,
 Красной дѣвицы ,
 Сладкопѣвицы !
 Колосистая рожь !
 Накустись ,
 Разцѣвшись
 И зерномъ развернись ,
 Сама-сочой родись !
 Колосистая рожь !
 Замолоть пвой хорошь
 Для дружка
 Голубка ,
 Для голубчика ,
 Парня купчика .
 Онъ сбереть ,
 Прибереть
 Колосистую рожь ;
 Всю раздасть ,
 Распродасъ
 Для голубочки ,
 Красной дѣвицы ,
 Сладкопѣвицы , и проч .

Если наша Колосница мало имѣетъ похожа-
 га на Цереру , или Помону , то уже на-вѣрное
 Славяно - Варяжская *Сѣва*, Сива, или Сиба пред-
 ставляетъ съ нею одно и то же. Сѣву изобра-
 жали , какъ передающъ наши баснословы (*) въ
 видѣ обнаженной красавицы : ея свѣсплорусые
 волосы , распущенные небрежно по спинѣ , шакъ
 бывали долги , что покрывали даже колѣна и —
 красавица , защищая себя одними только волоса-
 ми , не имѣла нужды ни въ какомъ покрывалѣ .
 Голову Сѣвы украшалъ вѣнокъ , сплеченный изъ
 цѣвѣшовъ и колосьевъ ржаныхъ , пшеничныхъ и

(*) Болшинъ , Князь Щербатовъ , Поповъ , Тапищевъ и
 многіе другіе. М.

другихъ ; въ правой рукѣ она держала яблоко , а въ лѣвой виноградную кишь .

Святая , праведная Угодница Божія Θεодосія , празднуемая памяшью на день 29 Мая , опъ прослоудиновъ и до сего времени называется *Колосяницею* . — Хриспїяне моляшъ ее о споспѣшесщвованїи имъ свяшою молишвою въ изобилиї плодовъ земныхъ .

М. Макаровъ .

(Продолженіе впредь.)

МОЛИТВА СТАРИКА .

(Восточный анекдотъ.)

Одинъ дряхлый спарикъ шель изъ города въ деревню ; прошивъ самой его хижины возвышалась довольно крупая гора , черезъ которую ему непремѣнно надобно было переходить . „Все-могущій Алла !“ воскликнулъ онъ : „молю шебя , пошли мнѣ добраго человѣка , который бы помогъ войши мнѣ на эшу гору !“

Произнесши сіи слова , онъ оглянулся назадъ и увидѣлъ не вдалькѣ солдапа , который вель кобылу и жеребенка . Поровнявшись съ спарикомъ , солдапъ сказалъ ему съ сердидымъ видомъ : „Ну-ка , спарая собака ! возми на плеча къ себѣ ашаго жеребенка , да внеси его на гору !“

Спарикъ , не имѣя силъ сопротивляшьяся , былъ принужденъ взвалишь себѣ на плеча жеребенка и началъ карабкаться съ своею ношею на гору . Дорогой повспрѣчалась ему какая - то женщина , съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ , и слыша , что спарикъ часпо восклицаетъ : „Алла ! Алла !“ почла его за Дервиша или свяшаго и

подошедши къ нему, сказала: „О Шейкъ! помолись за моего больного сына!“

Молю шебя, всемогущій Алла! — воскликнул спарикъ — прекрати скорѣе жизнь сего несчастнаго младенца! —

„Ахъ!“ вскричала испуганная женщина: „за чѣмъ шворишь шакую ужасную молишву?“

Не бойся! — сказалъ спарикъ — швой сынъ вѣрно доживетъ до глубокой старости, ибо въ книгѣ судебъ назначено мнѣ получать всегда пропивное пому, о чемъ я молю: такъ, всходя сегодня на эшу гору, я молилъ Аллу, чшобы онъ послалъ мнѣ какого нибудь человѣка, копорой бы помогъ мнѣ взойши на нее, но вмѣсто того онъ послалъ мнѣ эшу ношу, подѣ копорой я изнемогаю! —

Съ Нѣмец: М — чь.

А л ь б о м ѣ.

Ювеналь говоритъ, чшо бѣдные люди не смѣютъ говорить того, о чемъ свободно рассказываютъ богатые, и чшо многого не можешь сообщить другимъ человѣкъ, имѣющій на себѣ изношенное плашье.

— Богачъ, спарающійся умножитъ свои богатства, подобенъ носящему желѣзныя оковы; онъ часто раболѣпствуетъ передъ шѣмъ, чья участь зависишь отъ его воли. Такого богача можно сравнить съ шѣмъ Греческимъ философомъ, копорый, возвращая на другой день Александру полученные отъ него 10,000 паланшовъ, сказалъ: я принесъ къ тебѣ 10,000 ужасовъ, копорые всю ночь не дали мнѣ спать.

— Весьма кажешся не натуральнымъ, чшо на свѣшѣ болѣе находишься людей богатыхъ, неже-

ли честныхъ ; ибо бытъ честнымъ можно каждому, но не такъ-то легко сдѣлаться богатымъ.

— Всякій скупецъ имѣетъ въ предметъ употребленіе своего достатка, ежели не теперь, по когда-нибудь ; а между тѣмъ претерпѣваетъ всегдашнюю нужду.

— Человѣкъ любитъ того, кто ему подражаетъ ; но ненавидитъ тѣхъ, которые говорятъ правду ; пренебрегаетъ честнаго за бѣдность, и уважаетъ богача, какого бы онъ свойства ни былъ.

— Одинъ мудрецъ равняетъ бѣдность съ вооруженнымъ солдатомъ, который вшоргаясь нечаянно въ домъ, пугаетъ хозяина и превожитъ все семейство.

— Музыкантъ хорошо играетъ на хорошемъ инструментахъ, но худо на дурномъ : такъ и чувства человѣческія, равно совершенныя, дѣйствуютъ дурно или хорошо по организму тѣла.

— Зависливый человѣкъ болѣе вреденъ самому себѣ, нежели другимъ. Онъ похожъ на бросающаго камень вверхъ, который обратнo упадетъ на его голову.

— Пьяница спановится грубымъ и дерзкимъ, отъ того, что горячіе напитки увеличиваютъ въ немъ жаръ и зашмѣваютъ разумъ.

— Желательно бы знать причину, отъ чего дѣти умныхъ людей часто бываютъ безъ понятія и не имѣютъ никакой склонности къ наукамъ ? . . .

— Для любви человѣкъ теряетъ состояніе, но случается и то, что чрезъ любовь пріобрѣтаетъ оное.

— Влюбленный не только не въ силахъ переспать дарить обожаемый имъ предметъ ;

но чѣмъ болѣе даришь, тѣмъ болѣе даришь
желаешь.

— Когда одну дѣвушку помолвили, то она ска-
зала мужинѣ: «Симъ обрядомъ съ воли родителей
моихъ вы получаете только руку мою, но знай-
те, что сердце мое давно отдано другому!»

Жаль, что не всѣ дѣвушки такъ искренны!

— Кто въ молодыхъ лѣтахъ не женился, пусть
пусть на спароситъ не женился; а ежели взду-
маетъ жениться, то пусть прикажетъ выбрѣчь
себѣ голову. . . .

— Мужчина, не смѣвший объявить чувствъ
своихъ дѣвушкѣ, въ копорую былъ влюбленъ,
сказалъ ей: «Сударыня! васъ обожаютъ приди-
цать шрепя буква въ Руской азбукѣ.»

Антоній Шиланскій.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

*Къ портрету А. В. П***.*

Въ его очахъ блистаетъ умъ,
И на улыбкѣ — вдохновенье;
А на челѣ его — волненье
Прекрасныхъ чувствъ, высокихъ думъ.
Его дѣла — къ добру воззванье;
Его походка — такъ души;
Слова-жъ такъ живы, хороши,
Что приведуть въ очарованье.

А. Никитинъ.

П Л Е Ч А И К Л Ю Ч Ъ .

Б а с н ь .

„Отворимъ двери мы какъ разъ и безъ ключа,“
Сказали съ гордостью широкаго плеча;
Но тщетно напрягали силы;
А Ключъ, на взглядъ и хилый,
Лишь въ дырочку замка — и тотчасъ пушь отккрытъ.

*

Не это ли житейскій бытъ! . . .

П а р и ж с к і я л о д ы .

Неглиже. — бѣлый пеньюаръ изъ шали, вышитый гирландами изъ голубыхъ колокольчиковъ; кисейная шемизетка въ три опложныхъ воротничка, обшитыхъ широкимъ кружевомъ, упадаетъ на лифъ; кисейный чехоль, вышитый шерстью бѣлою и голубою, видѣнь спереди подъ расходящимися полами пеньюара; поясъ бѣлый, зашканный голубымъ, завязывается напередѣ и отъ него падають длинные концы. На головѣ косыночка изъ Англійскихъ кружевовъ, расположенная между косами; паншюфли голубыя сафьянныя, вышитыя серебромъ.

— Для прогулокъ зонтики дѣлаются весьма щегольскіе; ручка изъ бамбу, съ золотою бляшечкой, на которой вензель той, кому принадлежитъ зонтикъ.

— Соломенные прозрачныя шляпки, бывшія досель въ модѣ, замѣняются обыкновенными соломенными шляпками; ихъ отдѣлываютъ букетомъ полевыхъ цвѣтшвъ.

Изъясненіе картинки при семь No.

Шляпка изъ paille de riz. Платье изъ шелковой кисеи (mousseline de soie).

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чшобы, по оппечашаніи, были предшавлены въ Ценсурный Комитешъ при экземплярѣ. Москва. Юля 14го дня, 1852 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П Р О З А.

*Торжество благодарныхъ дѣтей въ день
рожденія ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, 1го Юля
1832 года.*

Всерадостнѣйшій и повсюду въ обширнѣйшей Имперіи поржешествуемый сердцами, день Рожденія ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ празднованъ въ Малолѣпномъ Отдѣленіи Московскаго Кадетскаго Корпуса, какъ празднуется въ щасливомъ семействѣ рожденіе нѣжнѣйшей, чадолюбивѣйшей, попечительнѣйшей матери! . . . И шакова Порфиросная Мать щасливыхъ питомцовъ сего разсадника, споль несомнѣнно общающаго опечеству вѣрныхъ слугъ, Опцу опечества достойныхъ сыновъ!

На устроеномъ въ саду театрѣ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ декорацій и павильона, надъ которымъ возвышался дву-главый орелъ, державшій вензелевыя Имена **ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ**, и посреди котораго стояли на пьедесталахъ бюсты **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА** и **ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ** передъ блиставшею кругомъ павильона прозрачною надписью: *Торжество благодарныхъ дѣтей въ день Рожденія ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, 1-го Июля 1832 года*, малюпки-кадешы представляли прологъ, сочиненный С. Н. Глинкою, подъ названіемъ: *Радостное ожиданіе, или празднество въ день Рожденія ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ*, и Французскую піесу, сочиненную Учительмъ Французскаго языка, Г-мъ Фирменомъ: *Bouquet militaire*.

Театръ былъ прекрасно освѣщенъ разноцвѣтными фонариками, надъ которыми шурдели сами дѣши.

Всѣ монологи и діалоги дѣйствовавшихъ лицъ, всѣ ими чипанные стихи и пѣшые хоры были исполнены тѣхъ прогашельныхъ чувствъ, которыя поселяются въ сердцахъ дѣшей къ Царшвеннымъ Благошворителямъ ихъ; и младенческія уста съ примѣшнымъ воспоргомъ произносили Вселюбезнѣйшія Имена **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА**, **ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ**, Цесаревича Наслѣдника, и Великаго Князя **МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА!**

Въ заключеніе сценическихъ дѣйствій своихъ, обращенныхъ къ одному предмету: *благодарности*, дѣши-актеры съ благоговѣніемъ возложили лавровыя вѣнки на главы Помазанниковъ, увиди бюшны розовыми гирландами и поспави-

ли между Державною Четвою прекрасный щить съ вензелевымъ изображеніемъ Августѣйшаго Имени ВИНОВНИЦЫ празднества, обожаемой Покровительницы своей, не престающей пещись о нихъ съ испинно материнскою любовію, запечатлѣваемою въ младенческихъ сердцахъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе примѣрнымъ нравственнѣмъ воспитаніемъ, которое получающъ сіи дѣши отъ второй матери своей, Главной Начальницы, Ея Превосходительства Баронессы Елисаветы Ивановны Корфъ, умѣвшей найти вѣрныя средства къ благодѣтельному соединенію теоріи съ практикою именно чрезъ сценическія упражненія дѣшей въ свободные отъ наукъ часы. Не льзя безъ душевнаго умиленія взирать на щаспливые плоды подобнаго воспитанія, равно какъ и на то, что Провидѣніе, споспѣшествующее благимъ намѣреніямъ Владыкъ земныхъ, не могло дать симъ дѣшамъ лучшей Наставницы, а ей Помощницы, копорыя съ большею бы ревностію раздѣляли свяшыя пруды ея! Сіи доспойныя Помощницы устраиываютъ и драматическія игры дѣшей.

Прологъ заключился слѣдующею сценою :

Кадетъ (Чиколенко).

.... Но чего ожидаешь отъ насъ опечество?

Кадетъ (Бренеръ гй).

Оно ожидаетъ, чтобы мы вѣрою и правдою служили Царю ГОСУДАРЮ.

Кадетъ (Николевъ).

Чего ожидаютъ отъ насъ родители наши?

Кадетъ (Апущинъ).

Родители наши того ожидаютъ отъ насъ, чего ожидаешь Опечество.

Кадетъ (Борисовъ).

Они ожидаютъ, чтобы вся наша жизнь была жизнію вѣры и правды.

Кадетъ (Демидовъ).

Чтобы Богъ и Царь всегда жили у насъ въ сердцахъ.

Кадетъ (Брендель 2й).

Чего ожидающъ опъ насъ машери наши ?

Кадетъ (Венедикшовъ).

Разскажу шебъ, что самъ видълъ. Я былъ еще дома, когда спаршій брашъ мой возврапился изъ Персицкаго похода; Георгіевскій крестъ сіялъ въ пещлицъ брата. Лишь только онъ вошелъ, какъ упалъ на колъна передъ мапушкою. Она приподняла его и опъ слезъ могла проговорить только: „Тебя ли я вижу?“ попомъ сама поверглась на колъна передъ образами и воскликнула: „Я ждала шебя; ждала, мой другъ! Богъ велълъ шебя увидѣшь. Ты награжденъ. Служи всегда Царю и Ошечеству.“

Кадетъ (Марпыновъ).

Вошь чего ожидающъ всѣ машери наши.

Кадетъ (Краснокупскій) *преклоня колъна передъ щитомъ.*

Царица и первая Машерь наша! передъ священнымъ изображеніемъ Имени ТВОЕГО клянемся всегда служить вѣрою и правдою Царю ГОСУДАРЮ и всему Августѣйшему Дому!

Кадетъ (К. Шалковъ 2й).

ОНА и на щипъ, и въ сердцахъ нашихъ!

Х о р ъ.

И мы все то же повшоряемъ:
 Не для себя мы живъ желаемъ.
 Мы всѣ, друзья! мы всѣ живемъ
 И Домомъ Царскимъ, и ЦАРЕМЪ;
 Имъ жизнь, Имъ души ошдаемъ!

Французская пьеса окончилась слѣдующими куплетами, сочиненными Г-мъ Эннекеномъ :

Amis, rompons le silence,
Et chantons notre bonheur;
Il passe notre espérance:
Mais aussi, qu'avec chaleur
La vive reconnaissance
Parle au fond de notre cœur!
Parle au fond de notre cœur!
Parle au fond de notre cœur!

*

Le voila, ce jour prospère,
Si cher à nos sentimens!
C'est en fêtant une mère,
Que triomphent des enfans.
Il ne leur en coûte guère
D'offrir un juste retour;
Agrérez donc leur amour,
Agrérez donc leur amour.

*

O des mères la plus tendre,
Viens souvent voir Tes enfans;
Prends plaisir à les entendre;
Tu les verras triomphans.
A nos vœux s'il peut se rendre,
Le Ciel nous conservera
Notre Mère ALEXANDRA,
Notre Mère ALEXANDRA.

*

Le sentiment nous éclaire,
Il garantit qu'en ce jour
Notre Bouquet sait Te plaire;
Tu souris à notre amour.
La plus excellente Mère,
Ne dédaigne point nos vœux;
Nous serions trop malheureux,
Nous serions trop malheureux.

*

Rendons gloire à la justice
De notre nouveau Titus;
Il déteste l'artifice,
Il proscriit tous les abus.

Il ne punit que le vice ,
 Mais Il chérit les vertus ,
 Mais Il chérit les vertus ,
 Mais Il chérit les vertus .

Его Превосходительство , Директоръ Московскаго Кадетскаго Корпуса, Павелъ Петровичъ Годаинъ , со многими посѣщителями обоего пола присутствовалъ на эпомъ , осмѣливаемся сказать , милымъ празднествъ , которое заключилось небольшимъ фейерверкомъ . — Всѣ издержки по сему вождельнному случаю были радостною жершвою щасливыхъ дѣшей , пригласившихъ повеселились съ собою и воспитанниковъ большаго Корпуса , не вышедшихъ въ лагерь .

Сей достопамятный день составилъ конечно незабвенную эпоху въ Малолѣпномъ Опдѣленіи Московскаго Кадетскаго Корпуса .

Князь Шаликовъ .

А л ь б о м ь .

Шатобріанъ въ письмѣ , напечатанномъ въ журналъ : la Quotidienne , ошъ 5 Іюня , рассказываетъ слѣдующее о своемъ образѣ жизни *до ареста* : „Я выхожу въ два часа каждый день ; ношу синій реденгошъ , столь же выпершый , какъ и мое посланничество ; прогуливаюсь въ Люксембургъ , какъ спарый холоспякъ ; за исключеніемъ дани , довольно похожу на данниковъ Обсерваторіи ; посѣщаю двухъ или трехъ человекъ , но всегда однихъ и тѣхъ же ; возвращаюсь домой въ половинѣ шестаго обѣдашъ ; вечеромъ ко мнѣ пріѣзжаетъ нѣсколько изъ тѣхъ рѣдкихъ друзей , которые остаются друзьями и послѣ нашего несчастія ; ложусь въ девять часовъ ; вспаю въ шесть , читаю журналы , даромъ мнѣ по благо-

слонности присылаемые ; когда не нахожу себя въ расположеніи смѣяться надъ тѣмъ, что смѣшно , шо хожу опъ десяти часовъ до полудня къ нѣкопорымъ республиканцамъ , людямъ умнымъ и опважнымъ , которые будучи не споль снисходительны , какъ я, желали бы перевѣшашъ людей , возбуждающихъ во мнѣ желаніе шупишь надъ ними.“

Что - шо онъ напишетъ теперь? . . .

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Н А Д П И С Ъ

*къ гранитной колоннѣ для монумента
ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I.*

Питомецъ Сѣвера , сынъ грозныя Природы ,
Несокрушимый вѣкъ , какъ всемогущій рокъ !
Глава швоя была , небесные гдѣ своды ;
Подошва — нупрѣ земли , гдѣ водъ кипишь попокъ .
На Бельша раменахъ , по волѣ НИКОЛАЯ ,
Гора чудесная въ Петрополь приплыла —
Въ помомствѣ прославляшь , святыни лучъ являя ,
Вновь , АЛЕКСАНДРЪ ! Твои безсмертныя дѣла .

Графъ Хвостовъ.

3 Іюля 1832.

Э П И Т А Ф І Я

Вильгельму Федоровичу Штюрмеру.

Онъ обладалъ умомъ , высокою душой
И сердца чувстввами , всегда къ добру живыми ;
Былъ щедро одаренъ и внѣшней красотой ,

Боготворимъ дѣшми , женой —

И Небу возвращенъ средъ жизни полной имъ !

П а р и ж с к і я м о д ы .

Недавно въ чрезвычайно богатой посылкѣ Парижскихъ модъ къ Россійскому Двору находился кисейный рендегошь, вышитый отдѣльными букетами изъ бѣлой бумаги и золота; сіи букеты идутъ отъ пояса, увеличиваясь и окружая по-помъ все платье; маленькіе букетцы окружають пелерину, которой концы проходятъ подъ бѣлый поясъ, зашканный золотомъ.

— Мы видѣли бѣлое органдиновое платье, устьянное фіолетовыми маргаритками, вышитыми шелкомъ, а сердечко ихъ серебромъ. При семь костюмъ надѣвается бѣлый газовый эшарпъ, вышитый гирляндю фіолетовою съ серебромъ; головной уборъ составляютъ газовыя фіолетовыя же ленты, зашканныя серебромъ.

— Еще мы видѣли обьяринное платье серебрянаго цвѣта, вышитое шелковыми букетами пунцоваго, темнаго и зеленаго цвѣта; лифъ окруженъ такимъ же шитьемъ, и на крошкихъ рукавахъ по три такихъ же букета.

И з љ а с н е н і е к а р т и н к и п р и с е м ь № .

Платье изъ органди; фаршучекъ обьяринный, вышитый шелкомъ.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечашаніи, были представлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Юля 19го дня, 1852 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

САМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П р о з а .

Констанція и Анатолий.

Истинное происшествіе.

Конспанція, одаренная необыкновеннымъ умомъ, опличалась красою и лучшими душевными качествами. По симъ достоинствамъ можнобъ было судить, что отецъ ея былъ очень привязанъ къ ней; но нѣтъ: все его утѣшеніе состояло въ богатствѣ, пріобрѣтенномъ собственными трудами. Ей было пятнадцать лѣтъ, когда она познакомилась съ Анатолиемъ, меньшимъ сыномъ одного изъ сосѣдей, хорошо воспитаннымъ и добродѣтельнымъ юношею. Родители его были знатной фамилии и владѣли большими помѣстьями. Молодые люди имѣли случай часто видѣть другъ друга; пріятная

наружность Анаполія и привлекательный разговоръ его произвели такое впечатлѣніе на сердце молодой Констанціи, что самое время не могло изгладить его изъ ея памяти. Съ своей стороны онъ не менѣе былъ плѣненъ очаровательными прелестями и рѣдкими достоинствами сего Ангела; они чувствовали другъ къ другу взаимную любовь, въ объятіяхъ копорой мечтали блаженствовать до вѣчной разлуки. Въ продолженіе сего щасливаго времени для невинныхъ сердець, обольщенныхъ будущими надеждами, у опцовъ произошли пѣжебныя дѣла по имѣнію, копорыя могли бы скоро кончиться; но знатное происхожденіе одного и несмѣшныя сокровища другаго не общали возстановленія прежней дружбы между владѣльцами. — Отець Констанціи до такой степени былъ раздраженъ прошивъ своего соперника; что даже имѣлъ несправедливое отвращеніе къ невинному его сыну, — не принималъ его въ свой домъ, и дочери запретилъ продолжать знакомство съ Анаполіемъ; желая удовлетворить своему мщенію еще болѣе, наконецъ объявилъ Констанціи, что намѣренъ выдать ее за молодаго человека, — даже назначилъ день свадьбы. Изумленная столь рѣшительнымъ повелѣніемъ, и не имѣвши времени хорошенько обдумать, Констанція выслушала своего опца съ должною покорностію, копорое было почтено за приличное молодой дѣвицѣ согласіе въ подобномъ случаѣ. Слухъ о неожиданномъ замужествѣ скоро распространился по всему сосѣдству; сія роковая вѣсть поразила Анаполія; долго боролся онъ самъ съ собою, чтобы укропить сильную стращь въ пламенномъ сердцѣ: ничто не по-

могало; но желая нѣсколько успокоить себя и воспользоваться послѣднимъ утѣшеніемъ, рѣшился написать къ Констанціи слѣдующее:

„Мысль получить вашу руку, прелестная Констанція — мысль, которая доставляла мнѣ единственное счастье въ жизни — обратилась наконецъ въ пягоспнѣйшее бремя сердцу моему!... Жестокая судьба опредѣлила мнѣ видѣть васъ подругою другаго! ... Лѣса, луга, долины, все печально напоминаетъ мнѣ тѣ сладостныя надежды, тѣ нелицемѣрныя увѣренія, которыя слышалъ я изъ глубины вашего сердца; но теперь всего лишился; самая жизнь мнѣ послыла! — Ничто не развлечетъ уже меня въ плачевной юдоли здѣшняго міра! прощайте! будьте счастливы и постарайтесь навсегда забыть душею преданнаго вамъ Анаполія.“

Письмо въ шопъ же вечеръ доставлено Констанціи; читай, она каждую слезу орошала горькими слезами, и шакъ изнемогла, что съ трудомъ была приведена въ чувство. На другой день жестокое безпокойство ея увеличилось еще болѣе, когда услышала, что нѣсколько верховыхъ прискакало осведомиться о мѣстѣ пребыванія молодаго Анаполія, который въ полночь оставилъ опцовскій домъ, и неизвѣстно, гдѣ находится; примѣтная печаль, и необыкновенная блѣдность, покрывавшая лице его за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, подавали мысль, что не получивши никакого успѣха въ своемъ намѣреніи, онъ рѣшился прекратить всѣ свои горести — смертію. Констанція твердо была увѣрена, что слухъ о ея замужествѣ довелъ Анаполія до отчаянія; рвалась отъ горести, — обвиняла свое молчаніе передъ опцомъ, отъ котораго зависѣла участь ея, и приготовивши себя

перпѣливо перенесъ гнѣвъ родителей, рѣшилась объявить ему, что не можешь исполнить его воли — отдашь руку тому, кого считаешь виновникомъ Анаполіевой смерти. Къ неожиданной радости, отецъ равнодушно выслушалъ отказъ; имѣя въ виду денежные расчеты, легко нашелъ случай отказать своему нареченному зятю, который хотѣлъ жениться болѣе изъ выгоды, нежели по любви. Съ этого времени Констанція ни въ чемъ не находила утѣшенія, кромѣ религіи, которой сердечная печаль покорила всѣ ея мысли и желанія.

Обратимся къ Анаполію, который, оставивъ родительской домъ, пришелъ въ монастырь ближайшаго города. Не надѣясь имѣть оправды въ своемъ несчастіи, и желая, чтобы тайна его осталась сокровенною, онъ рѣшился забыть всѣ превратности міра и посвятить себя уединенной жизни, забыть даже Констанцію, которая (думалъ онъ) была уже соединена узами брака съ его соперникомъ. Познанія, въ юныхъ лѣтахъ пріобрѣтенныя, много способствовали ему къ услажденію печальной участи; онъ велъ жизнь самую строгую, не позволялъ себѣ ни малѣйшаго развлеченія, съ удовольствіемъ повиновался своему начальству, былъ отличнo любимъ и уважаемъ всею братіею, и въ послѣдствіи времени единодушно избранъ въ настоятели монастыря. — Будучи прекрасно воспитанъ, Анаполій употреблялъ ученіе на пользу; сочинялъ превосходныя проповѣди, привлекавшія многочисленныхъ слушателей, которые въ умиленіи душъ своихъ почитали себя щастливыми въ тошъ день, когда пинались духовнымъ нектаромъ, истекавшимъ изъ устъ Аполинарія (имя, полученное въ монашество Анаполіемъ);

каждой старался располагать жизнь свою по правилам нравственности, наставником внушаемой. Смена его учения приносили обильную жатву: ни один город не был так богатъ челоуѣколюбивыми заведеніями; нигдѣ престарѣлые не находили себѣ такой твердой опоры, и никто такъ не успокоивалъ бѣдной вдовы, окруженной юными сиротами, какъ мирные жители сего щастливаго города. Сама Констанція часто прѣзжала внимать гласу знаменитаго учителя; не разъ похвалы свои объ немъ соединяла съ общимъ удивленіемъ богомольцевъ. Могла ли вообразить она, что видитъ передъ собою того незабвеннаго для нея друга, котораго почисала погибшимъ отъ горести, или носимымъ по волнамъ житейскаго моря? — Нѣтъ! успокойся же, прелестная Констанція: корабль его остановился въ безопасной гавани, въ тихомъ пристанищѣ, гдѣ мірскія бури едва ли могутъ совратить его съ якоря вѣры. — Не мудрено, что она не могла узнать Аполинарія; другое имя, монашеская одежда, длинная борода — все перемѣнило веселое лицо любезнаго Анаполія.

Спустя десять лѣтъ по вступленіи Аполинарія въ монастырь, распространилась по тѣмъ мѣстамъ смертоносная лихорадка, похитившая множество людей; въ числѣ несчастныхъ жертвъ находился и Аполинарій. Онъ равнодушно переносилъ удары сего неумолимаго бича, и спокойно перешелъ въ вѣчность. Кончина его была тихимъ вечеромъ прекраснаго дня.

Потеря сего златоуста для обители и для всего города была невознаградимою. Каждый изъ жителей пославлялъ себѣ обязанностію приходивъ по воскреснымъ днямъ въ монастырь и съ

чувствомъ благодарности поклоняшься хладной могиль своего наставника; каждый живо вспоминалъ его поученія, и благословлялъ память его. — „Миръ праху швоему, другъ человѣчества!“ рыдая, говорили посѣщавшіе послѣднее жилище его въ здѣшнемъ мѣрѣ. Ахъ! какъ пріятно занимаешься науками, и прекрасные плоды ихъ раздѣляешь съ другими! Послѣ Аполинарія осталось много сочиненій, исполненныхъ спротою вѣры и глубокаго ума.

Констанція имѣла нещастіе лишиться отца, послѣдняго утѣшенія въ своихъ горестяхъ; осталась единственною наслѣдницею значительнаго имѣнія, и могла бы еще составить щастіе свое супружесствомъ; но нѣтъ! никакія блага не въ состояніи были замѣнить ей невозвратную потерю. Констанція предала вѣчному забвенію и красоту свою, и шъ дарованія, которыя привлекали къ ней множество обожателей; богатство свое употребила на бѣдныхъ сиротъ - невѣсть, на воспитаніе безпріютныхъ дѣшей и на успокоеніе гонимыхъ судьбою; каждый день посѣщала храмы Божіи, и шамъ, предъ распятымъ Спасителемъ, съ наполненными слезъ глазами, молилась ошъ всего сердца. Каждый, пребывающій ошъ нея помощи, получалъ ее. Констанція почитала себя щасливѣйшею въ свѣтѣ, когда слышала, что ея материнскія попеченія уменьшали число спраждущихъ: за шо безболѣзненно достигла до глубокой старости и до того времени, когда пробилъ часъ ея вѣчнаго успокоенія.

Съ Англійскаго Татьяна Веревкина.

Москва.

А л ь б о м ъ.

Во Франціи вышелъ новый романъ подъ названіемъ: *Изувѣченный* (le Mutilé), доказывающій, что спрассть къ ужасамъ можеть еще предспавиться съ привлекательностію, особливо когда они основываются на испинѣ. *Изувѣченный* дѣйствительно существовалъ и пресперпѣлъ всѣ нещастія отъ того, что... сочинилъ стихи на Папу. Елисавета, бывшая въ одно время и Папою Англиканской церкви, и Королевою, удовольствовалась приказаніемъ опрубить кисть руки у сочинителя, который дерзнулъ подвергнушь сомнѣнію красому Ея Величества; а Папа, Сикстъ V, осудилъ своего либеллиста на лишеніе обѣихъ рукъ и языка. Сей - по изувѣченный избранъ въ герои романа, гдѣ описана жизнь его послѣ наказанія и въ изгнаньи, мысли поэта и чувствованія влюбленнаго. Читайте сами; вы найдете патетическій рассказъ, вѣрное изображеніе Двора, прогашельныя сцены, піитически расположенныя, и наконецъ прекрасное описаніе Ипаліи. Занятые главною мыслію романа, вы содрогаешесь, отворачиваете голову; душа ваша переселяется въ это тѣло, не имѣющее ни рукъ, ни языка; вы спраждаете вмѣстѣ съ спрадалицемъ; и когда окончивши чтеніе, заговорите или увидите руку свою: то удивитесь искусству автора, который въ продолженіе цѣлаго волюма умѣлъ заспавить пакъ живо входить въ положеніе своего героя. *Изувѣченный* поэтъ; его нѣмая поэзія исполнена меланхолии и чувства. Онъ любитъ; но какія гореспныя упѣ-

шенія остающагося ему! Съ нимъ женщина, Гепана, Флореншинская пѣвица, восхищительное существо; ея живое участіе въ злоключеніи *изувѣченнаго* оканчивается ужасною смертію, кошорая заславляешь васъ обливаясь слезами.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

З В У К И.

(Посв. С. К. М—ой.)

Волшебные звуки! волшебные звуки!
 Коснешесь ли снова вы спрасшной души?
 Навѣте-ль радость, томленье ли муки?
 Иль лишь на мгновенье, какъ лучъ, хороши,
 Блеснувшій въ пустыняхъ небесныхъ прикрапы,
 Овѣте щасшьемъ, прелестными богаты?

*

Волшебные звуки! лепите стрѣлой,
 Лепите въ изгибы души упоенной!
 Коснитесь сердцу надежды мечшой;
 Его оживите! и я, восхищенный,
 Пылая, шоскуя и радуясь вамъ,
 Открою обильный источникъ слезамъ.

*

Волшебные звуки! мечшой чарованья
 Къ могильному сердцу ласкаетесь вы!
 Вы въ немъ пробудили надежды, желанья,
 Восторгъ и унынье, и пламень любви!
 И въ грудь изнемогшу живошворною силой
 Вы влили навѣки огнь неугасимой!

И. Селивановъ.

21 Іюня.

Сокольникови.

С т а р а я т а й н а .

Я знаю, опъ чего подъ жаломъ у Пчелы ,
 Безжизненной какъ шрупъ , стихи мои спрадаюшь :
 Ей бѣдной шакъ мила и крошечка хвалы ;
 А насѣкомое ошнюдь не угощаюшь
 Спиши мои хвалой :
 Съ голодною-жь Пчелой
 Сравнишь-ль въ злости звѣрь и самый , самый злой ! . . .
А. П.

С е н т е н ц і я .

Крючковъ умѣль нажипъ имѣнье ;
 Но въ свѣстѣ не умѣешь жипъ .
 Да правда : первое умѣнье
 Крючковымъ во сто разъ должно знакомѣй бытъ .

Кто не знаетъ его ?

Подлазовъ роль свою играетъ неподобно !
 Онъ шакъ невинно , шихо , скромно
 Подъ главнаго судью подлѣзь ,
 Что лучше-бъ несумѣль и колчаногій бѣсъ !

ИЗВѢСТІЯ.

*Пѣснь о Колоколѣ, твореніе Шиллера.
Москва. Въ типографіи Лазаревыхъ
Института Восточныхъ языковъ, 1852.*

Вы подумаете, любезныя Читательницы, что сіе твореніе перевелъ какой-нибудь Рускій поэтъ, написанный Германскими Музами, на примѣръ Жуковскій — и ошибешь: оно переведено вашею подругою, воспитанницею Грацій, уже извѣсною вамъ по Дамскому Журналу, а именно *Авдотьею Павловною Глинкою*, и переведено, какъ не многое на Рускомъ стихотворномъ языкѣ. Да и могли ли перевести иначе та, которая при необыкновенномъ талантѣ одарена и нѣжною душою, и чувствительнымъ сердцемъ. . . . наилучшей дочери? Прочтите въ сей Пѣсни: *„Посвященіе памяти моего родителя.*

„Подъ своимъ руководствомъ, незабвенный родитель мой! узнала я достоинство пруда, научилась жить душою и, независимо отъ вѣнскихъ обстоятельствъ, услаждаюсь благородною бесѣдою Музъ. Ты познакомилъ меня съ пѣвцами Германіи; ты указалъ мнѣ Поэта-великана — *Шиллера!* Его чудную *Пѣснь о Колоколѣ* — полную таинственности и Поэзіи — осмѣлилась я переводить подъ своимъ руководствомъ. Ты желалъ и пребывалъ, чтобы переводъ былъ самый близкій къ подлиннику. Я сохранила размеры подлинника, старалась слѣдовать за печеніемъ мыслей; близко, даже буквально, передала

нѣкоторыя мѣста; но могла ли я передать ту неподражаемую прелестъ цѣлаго, по разнообразію и великолѣпію каршинъ, изумляющихъ яркостію красокъ и непонятною опчепливостію художественной опдѣлки; пѣ неувядающія красосы, которымъ удивляется Германія въ швореніяхъ любимаго своего Поэта? . . . Переводъ конченъ; но гдѣ мой наставникъ, другъ и покровитель моей юности? — Уже нѣтъ меня, родитель мой! Цѣлое семейство, все въ тебѣ упратаившее, въ оцѣпенѣніи опъ горести, внимало *священный звонъ колокола*, возвѣщавшій безвременную разлуку съ тобою.

Ударъ судьбы былъ слишкомъ неожиданъ и жестокъ; міръ внѣшній не могъ ничего предложить мнѣ въ замѣну потерь. Только Святая Вѣра и утѣшительница Поэзія находили доступъ къ душѣ осиротѣлой. Я продолжала занятіе, при тебѣ начатое!

Въ *другой* важной эпохѣ моей жизни послышался мнѣ таинственный *звонъ колокола*, когда я шла къ алтарю, гдѣ, предъ лицомъ Всемогущаго, я положила жребій свой въ одну чашу съ жребіемъ избраннаго сердцемъ; гдѣ всѣ *частныя* отношенія *двухъ* существъ слились въ одно *общее* — въ одну нераздѣльную жизнь (*).

Вмѣсто вѣнца кипариснаго, кладу я на безвременную могилу свою, мой достойный родитель! сей слабый, дѣтскій прудъ. — Мы не знаемъ тайны загробной жизни; но Вѣра заповѣдала упованіе и дозволяетъ намъ утѣшаться

(*) Сія эпохи жизни человѣческой превосходно воспѣаны Германскимъ пѣвцомъ Колокола.

сердечнымъ убѣжденіемъ , что разлука съ милыми есть разлука мнимая ; что они , невидимые по *земному* , окружающъ насъ своею любовію , и среди несперпимыхъ скорбей земныхъ навѣвающъ благія мысли о радостяхъ неба . Я вѣрю — и , обнимая себя объятіями души , посвящаю слезы дочери и слезы мой швоей памяти , для меня незабвенной ! . . . «

»*Авдотья Глинка.*«

Пѣснь о Колоколѣ ! . . . только геній Шиллера могъ видѣть и пѣщическую спорону колокола , и философическое примѣненіе онаго ко вѣмъ эпохамъ и положеніямъ жизни человеческой .

Пѣснь начинается такъ :

Въ землю вройте , други ! тверже

Форму глиняную : въ ней

Выльемъ колоколъ теперь же ;

Ну , товарищи ! дружнѣй !

Пусть же отъ работъ

Градомъ льется потъ !

Дѣло — мастеру хваленье ;

Но съ Небесъ — благословенье !

Если бы мы предались желанію показашъ въ красошы перевода , по надлежало бы перепечатать списки опъ перваго до послѣдняго ; но не имѣя на эшо права , ограничиваемся выпискою нѣкопорыхъ , въ особеннoshi харакперизирующихъ предметъ Пѣсни .

Дровъ изъ пихты ! — въ нихъ и сила !

Чтобъ лишь сухъ запасъ ихъ былъ ;

Чтобъ изъ тѣснаго горнила

Въ жолубъ сжатый пламень билъ .

*Мѣль скорѣй расплавь ;
Оловомъ добавь ,
Чтобъ кипящаго металла
Влага плавно протекала.*

Что въ ямѣ мрачной и глубокой
Теперь рука огнемъ творить :
То съ башни нѣкогда высокой
О насъ попомощву возвѣспитъ

*„Зданье , други ! разломайте :
Ожиданіе сбылось !
Оги , сердце , усладите :
Намъ въ работѣ удалось !
Ну ! отъ молотковъ
Раздробись покровъ !
И лишь колоколъ взовьется ,
Форма въ гаси распадется !*

Съ мешалла узы мастеръ сниметъ
Во время мудрою рукой ;
Но , горе ! коль внезапно хлынетъ ,
Вскипѣвши , мѣдь сама - собой ;
Она , ярьась , дробитъ на части
Съ громовымъ трескомъ рыхлый домъ ;
И какъ изъ адской , страшной пасши
Зіяетъ пагубой и зломъ . —
Гдѣ силы дикія въ бореньи ,
Тамъ всюду гибель и смяшенье.
Въ спранѣ , гдѣ буйствуетъ народъ ,
Не созрѣваетъ щастья плодъ ! . . .

О горе , если въ градахъ ковы
Духъ возмущительный сплететъ :
Народъ , разбивъ свои оковы ,
Безумно къ гибели пойдешь .

Изъ колокола извлекаешъ
 Крамольны ревы буншовщикъ ;
 Звонъ прежній , мирный умолкаешъ ;
 Звонъ вѣчи пасмурень и дикъ

*Богъ мнѣ радость посылаетъ ,
 Вотъ — tego я ждалъ давно ! —
 Изъ коры звѣздой сілетъ
 Ярко мѣдное зерно ,
 И вѣнецъ блеститъ
 Весь , какъ жаръ , горитъ ! . . .
 И гербовъ изображенъ —
 Все — художнику хваленья !*

Свершень , свершень !
 Сомкнемся въ дружномъ соединеньи ,
 Да колоколь , въ своемъ крещеньи ,
Согласнымъ будешь наречень :
 Пусть онъ сердца соединяетъ ,
 Пустьъ весь приходъ къ любви сзываешь !

Употреблень да будетъ онъ
 На то , къ чему опредѣлень !
 Надъ низкою земною жизнью ,
 Въ шатрѣ небесномъ , голубомъ ,
 Пустьъ плаваешь громовъ въ опчизнѣ ,
 Гранича съ міромъ звѣздъ — челомъ ;
 Пустьъ возвѣщаешь онъ просяжно ,
 Какъ звѣздъ блестящій хороводъ
 Гласитъ торжештвенно и важно
 Свой гимнъ Творцу — и старый годъ
 На лоно вѣчносми ведешь .
 Лишь то , что вѣчно , что прекрасно ,
 О , колоколь нашъ , прославляй !

И, неусыпный, ежечасно
 Намъ вѣсть о времени давай!
 И спавъ орудіемъ судьбины —
 Безчувственный подобно ей —
 Ты возвѣщай, съ своей вершины,
 Игру премѣнной жизни сей!
 Когда же звукъ твой скорошечно
 Встревожа, слухъ нашъ поразитъ;
 Учи, что въ міръ все не вѣчно
 И все земное *отзвонитъ!*

*Съ силою прострите руки:
 Колоколь изъ ямы вонь!
 Гдѣ владыкествуютъ звуки,
 Пусть туда восходитъ онъ!
 Ну, тяните! . . . Вотъ,
 Двигается, плывётъ!
 Въ радость Граду будь, съ ээира,
 Первый гласъ его — гласъ мира.*

Такъ оканчивается шайнспивенная Пѣснь,
 объясняемая внутреннимъ сознаниемъ удивительнаго
 сходства между бытіемъ нашимъ и. . . .
 колоколомъ!

„Учи, что въ міръ все не вѣчно
 И все земное *отзвонитъ!*“

Прекрасный переводъ прекрасно и напеча-
 танъ.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Мы замѣтили прекрасное кисейное платье гриденеваго цвѣта, устьянное букетами розъ и анюпиныхъ глазокъ; рукава длинные; канзу изъ Брисельскаго кружева, съ отложнымъ воротничкомъ; бѣлый эшарпъ; шляпка изъ пальдери, убранная анюпиными глазками и розами, перемѣшанными въ бантахъ изъ газовыхъ ленсъ, и нѣсколько набокъ тульи.

— Еще мы видѣли прекрасный туалетъ: кисейное платье съ косыми полочками сзади и спереди лифа, вкругъ же между двумя прозрачными полосами кружевъ богатое шитье, шириною въ два пальца; такое же шитье и въ концѣ рукавовъ, которые должны быть чрезвычайно широки и упадать на локоть. Внизу платья такимъ же образомъ вышито сверхъ рубца и ниже онаго, шириною на четверть. Шляпка изъ пальдери съ длиннымъ перомъ бѣлаго и вишневаго цвѣта. На шею газовый эшарпъ вишневаго же цвѣта.

— Въ шапкахъ часто видны Китайскіе вѣеры въ рукахъ у дамъ, или букетъ натуральныхъ цвѣтовъ.

Изъясненіе картинки при семь No.

Шляпка изъ пальдери. Пеньюаръ изъ вышиваго багшиса.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечатаваніи, были представлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Іюля 24 го дня, 1832 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

САМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

Искусства въ Провинціи.

Г-жа Сен-Ле, молодая Парижанка, любящая искусства и занимавшаяся ими съ успѣхомъ, поселилась въ Монпелье. Слабое здорье удерживало ее въ сей провинціи и я поѣхалъ туда единственно для того, чѣмъ увидѣться съ г-жею Сен-Ле. По прибытіи моемъ я пошчасъ пришелъ къ ней; она подавала мнѣ нѣкошорыя предварительныя понятія объ обществѣ, въ копоромъ находилась, когда доложили ей, что пріѣхала г-жа Дюмениль съ дочерью. Я хотѣлъ оставишь г-жу Сен-Ле, но она мнѣ сказала: „Оспаньшесь; вы послѣ, можешъ спашься, будете мнѣ благодарны. Г-жа Дюмениль шакая женщина, копорую надобно видѣшь, а особливо слышашь.“ Черезъ минушу

входящъ двѣ дамы; я посмотрѣлъ сперва на мать; пышный нарядъ, но безъ малѣйшаго вкуса, еще болѣе обнаруживалъ ея пятьдесятъ лѣтъ, и непріятное лице. Длинная и прямая дочка ея была бы не очень дурна, если-бъ нахмуренная мина и сморщенный лобъ не перешагнули на свою сторону всѣ преимущества молодости.

Г-жа Сен-Ле. Какъ давно я была лишена удовольствія видѣть васъ!

Г-жа Дюмениль. Я сама дивлюсь, что не могла до сихъ поръ урваться отъ моихъ безчисленныхъ занятій; но вы знаете, что я исключительно посвятила себя воспитанію моей доброй Адели: мы любимъ поливать распеніе, нами посаженное. Ахъ! это служитъ столь младоснымъ удовольствіемъ для сердца матери!

Г-жа Сен-Ле. Но не всѣ такъ щасливы, какъ вы въ воспитаніи, которое дають онѣ своимъ дѣтямъ.

Г-жа Дюмениль. Ахъ! повѣрьте, ихъ собственное нерадѣніе причиной тому. . . . Адель, держись прямо. . . . Каждая мать должна забыть о себѣ и объ успѣхахъ, которыхъ она еще можешь надѣяться; и должна безпрестанно думать о томъ, чтобъ деревцо, вѣренное нашему попеченію, росло прямо.

Г-жа Сен-Ле. Но не всегда достаточна однихъ попеченій, и характеръ. . . .

Г-жа Дюмениль. Слава Богу, я не сѣяла на благодарной землѣ. Моя Адель довольно воспользовалась блестящимъ воспитаніемъ, которое я старалась ей дать. Я много читала; и мнѣ знакомы искусства: живопись, музыка, танцованіе. . . .

Г-жа Сен - Ле. Ваша дочка вѣрно очень веселилась на балѣ у Графини Дел . . . Балъ, говорящъ, былъ блисташеленъ; и вы поздно возвратились?

Адель. (Кусая губы) маминька всегда спѣшишь уѣхать.

Г-жа Дюмениль. Ахъ! Адель! я почишала тебя благоразумнѣ!

Я. Мудрено ли, что дочь ваша любитъ танцевать: это такъ прилично ея возрасту.

Г-жа Дюмениль. Танцевать! . . . благодаря успѣхамъ просвѣщенія, танцы перешли за границу благоприсойности. Я не говорю, чтобъ дочь моя танцевала лишь минуеты; нѣтъ! осуждая вальсъ, я люблю конпредансъ, въ которомъ соединена присойность съ веселостію и ловкостію. Можно находить удовольствіе, не прибѣгая къ новоизобрѣшеніямъ, оскорбляющимъ вкусъ и приличіе.

Адель. Матан находить, что галопъ. . .

Г-жа Дюмениль. Да, совѣшую тебѣ говорить объ этомъ! . . . Вообразите, сударыня! танцующіе раздѣляются на двѣ половины и потомъ устремляются другъ на друга съ ужаснымъ шумомъ; мѣшаются, кружатся, полкаются и Богъ знаетъ что. . . Однимъ словомъ: молодая дѣвушка схвачена, сброшена; это галопъ есть не что иное, какъ совершенное опусушствіе приличій.

Г-жа Сен - Ле. Вы не знали прежде этого танца?

Г-жа Дюмениль. Съ пѣхъ поръ, какъ я удалась опъ свѣша въ деревню, вижу, что становлюсь чуждою новыхъ обычаевъ. Я не знала, что такое и *гросфатеръ*, и не могла

никакъ ожидашь, чшобъ это почтенное имя было упошреблено шакъ некспаши.

Г-жа Сен - Ле. Это очень невинный ша-нець! . . .

Г-жа Дюмениль. Ахъ, сударыня! эшопъ *дѣдушка*, кошорый переходить изъ погреба на чердакъ! . . . Начало не обьщало ничего опаснаго; я видѣла шолько непріяшность, что разспроишся нѣсколькo шуалешъ, какъ вдругъ цѣлая шолпа шанцюющихъ исчезла, и я слышу ужасные крики въ ближайшей комнашъ; шрепещущая, въ ужасъ ушпремляюсь шуда въ самую средину шолпы, и съ величайшимъ усиліемъ испоргаю полуживую Адель свою изъ рукъ какой-шо фигуры, кошорую она называла незнаю какъ - шо спранно.

Я. Масляница скоро пройдетъ, и наступяшъ другія удовольствія. Зала искусствъ откроешся; въ Парижъ много говоряшъ о шомъ, и думають, что она заключаешъ въ себѣ много достопримѣчательностей.

Г-жа Сен - Ле (г-жѣ Дюмениль). Я получила позволеніе видѣшъ эшу выставку прежде публики, и если дозволише дочери вашей. . . .

Г-жа Дюмениль. Я! никогда! . . . Ахъ! имѣйте лучшее мнѣніе о благоразумной ошпорож-ности машеринскаго сердца! Это множество бронзь и каршинъ, предспавляющихъ ошврап-шельную нагошу языческихъ боговъ и предосу-дипшельную любовь ихъ, все эшо должно ли привлекашъ на себя невинный взоръ? . . . Я позволяю дочери срисовывашъ цвѣшпы, пейзажи, голо-вы. Извѣсно, что репушация многихъ молодыхъ дѣвушекъ поспрадала въ каршинной галлерей, въ

Академіи. . . . и наконецъ погибла при живыхъ моделяхъ.

Г-жа Сен - Ле. M-elle Adèle, говоряшь, хорошая музыканшша.

Гжа Дюмениль. Она играетъ весьма прудныя піесы; но я обращаю болѣе вниманія на выраженіе, которое должно бытъ придано имъ; на эшу прелесшь игры, которая овладѣваетъ всѣми чувствами и производитъ въ сердць самое сладостное движеніе! . . .

Г-жа Сен - Ле. Мнѣ бы пріятно было слышать вашу дочку.

Г-жа Дюмениль. Ваше желаніе будетъ всегда исполнено.

Адель (изъявивъ неперпѣніе). Маминька! да я ничего не знаю.

Г-жа Дюмениль. Адель, не сжимай зубъ, когда говоришь, и садись за форшепьяно.

Адель. Я вѣдь говорю, что ничего не знаю!

Гжа Дюмениль. Какъ ничего незнаешь? а *Прагское сраженіе*: піеса, которую ты учишь два мѣсяца. . . . (къ г - жѣ Сен - Ле) Вы вѣрно знаете *Прагское сраженіе*? Эпо музыка высокая, мужеспвенная, ужасающая! . . .

Въ продолженіе эпой спранной похвалы, молодая дѣвушка повиновалась; ворча, сняла перчашки, и длинныя, поененькіе пальцы ея пуспились одинъ за другимъ, какъ пауки взбираются на свою шкань.

Г-жа Дюмениль (въ восторгѣ). Вошь кавалерія! вошь кавалерія! . . .

Адель. Совсѣмъ нѣшь! эша моя прелюдія въ ми бемольномъ тонѣ; а сраженья я непомню.

Г-жа Дюмениль. Какъ! шы забыла кавалерію, которая лепишь на пріоляхъ, подражая лошадиному галопу?

Тушь *Адель* начала пробовать кавалерію, но скоро опспуила назадъ, и не могла поправить своей неудачи.

Г-жа Дюмениль. А стоны раненыхъ, *Адель*, не вспомнишь ли?

Но щещно; видно кавалерія не пощадила никого, попому что мы не слышали нималвйшаго ссона.

Г-жа Дюмениль. Ну, а пушечный выспрѣль?

Адель. (вспавши, сильно ударила одну клавишь). Вошь вамъ и пушечный выспрѣль, просто ut.

Г-жа Дюмениль. Конечно! но ut и ut! (къ г-жѣ Сен - Ле) Мнѣ очень жаль, сударыня, что вы получили только легкое поняшіе объ эшой превосходной піесѣ. Памяшь моей *Адели* измѣнила ея доброй воль; но въ другой разъ я постараюсь вознаградишь эшу неудачу, и мы привеземъ съ собой ношы, чшобъ вы вполнѣ насладились. . . .

Послѣ эшаго онѣ распростились съ хозяйкою и уѣхали.

Г-жа Сен - Ле. Чшо вы скажете? Не хорошо ли я сдѣлала, что удержала васъ? Вы увидѣли сокращенно паланшы нашихъ провинціаловъ. *Г-жа Дюмениль* слыветъ музыканпшей въ нашемъ городѣ; судише объ остальномъ!

Я. Я еще не вышелъ изъ удивленія; и очень благодаренъ вамъ, что видѣлъ искусства въ прекрасной странѣ прuverовъ. Надѣюсь, что вечеромъ шеатръ заставитъ меня переменить нѣсколько свое мнѣніе. . . .

Г-жа Сен - Ле. Берегитесь и думайте объ этомъ! Уѣзжайте скорѣй въ Парижъ и оставайтесь въ своемъ пріятномъ заблужденіи.

(Изъ Р. С. d. D. К — а Н — я Ш — а.)

А л ь б о м ъ .

„Наконецъ, надобно упомянуть объ языкѣ дѣйствующихъ лицъ, что онъ вовсе не сообразенъ ни съ вѣкомъ, ни съ историческою испиною, ни даже съ понятіемъ какого угодно чашателя,“ сказано въ 6 Но *Московского Телеграфа* какимъ-то *Н. П.* при разборѣ *Ермака*, трагедіи Г-на *Хомякова*. Далѣе: „Разверните какую угодно страницу, и рѣшайте, кто это говоритъ: Русскіе-ли мужики и Русскія крестьянки, или Нѣмецкіе студентши и воспитанныя на романахъ Нѣмочки нашего времени?“ Далѣе: „Все, что говорили мы до сихъ поръ, доказываетъ только то, что Г-нъ *Хомяковъ* не практикъ, что онъ не знаетъ своего истиннаго призванія.“ Далѣе: „Забудьте, что слѣдующіе стихи говоритъ *Ермакъ*. . .“ и приводятся стихи, которые заставляютъ и безъ приглашенія забыть о *Ермакѣ*. „Еще болѣе поэзіи въ слѣдующихъ словахъ молодого будто-бы козака“ — и приводятся стихи, не имѣющіе нужды въ замѣчаніи *будто-бы*: такъ они далеки отъ козацкихъ.

Чѣмъ же заключаюся всѣ сіи положенія рецензента? „Трагедія его“ (Хомякова) „написанная разномѣрными, вольными (*) стихами, большею частію безъ рифмъ, служить самымъ громкимъ опроверженіемъ всѣхъ восклицаній защитниковъ шестиспопнаго ямба съ рифмами (**). Кто и послѣ сего опыта не убѣдился въ превосходствѣ для трагедіи избраннаго Авторомъ рода стиховъ, съ пѣмъ не должно спорить.“

Послѣ *опыта*, что трагедія — никуда не годится: ибо планъ, характеры и языкъ опровержены рецензентомъ!!! Стихи названы прекрасными; но они — лирическіе! Какимъ же образомъ могутъ служить *опроверженіемъ*, хотя бы и *неогромнымъ*, и проч.? Не уже ли попому, что разномѣрны и безъ рифмъ? но одномѣрные и съ рифмами шребують большаго труда: слѣдовательно этошь *превосходный* родъ полюбился — лѣнивцу, а другое превосходство ничѣмъ не доказано. Какая же сила заспавитъ предпочестъ этошь родъ другому, когда *изуродованы* лица въ трагедіи, для копорой избранъ *этотъ родъ*? Что же можешъ ввести въ кредитъ *этотъ родъ* для трагедіи, когда самъ рецензентъ желалъ бы ошвлечь Г-на Хомякова отъ *трагической* къ *лирической* поэзіи? Одно только убѣжище остаешся рецензенту: сказать, что *истинный трагикъ* написалъ бы трагедію разномѣрными стихами и по большей части безъ рифмъ лучше, нежели ямбомъ съ рифмами; но вольно же такъ думать, между пѣмъ какъ трагедія Г-на Хомякова вовсе эшаго не доказываешъ.

(*) Тавшологія. *Изд.*

(**) По крайней мѣрѣ, никто не возьмешъ бытъ защитникомъ такой дурной прозы. *Изд.*

 С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

I.

В е с н а .

Le printemps, jeune enfant, bercé par les zéphyr,
Se couronne de fleurs, et sourit aux plaisirs.

Desaintange.

Весна лешить, весна лешить
Прекрасная, младая;
Во взорѣ пламенномъ горить
И радость золошая,
И нѣги сладость, и любовь,
И сердца наслажденье;
Она лешить, волнуешь кровь,
Несеть обвороженье.
Люблю весну; она легка,
Какъ милья мечшанья;
Она быстра, она гибка,
Какъ юноши желанья.

2.

Р о з а .

... Le poète heureux la chante.

Saint - Victor.

Вопь роза, первенець весны,
Пріюшь мой украшаетъ;
Она, подь сѣнью тишины,
Листочки распускаетъ.

Люблю ее ; она мила ;
 Она цвѣшокъ прелестный ;
 Она повсюду разлила
 Свой ароматъ чудесный ;
 Какъ дѣвы юная краса ,
 Всѣхъ взоры привлекаешь ;
 Какъ яснымъ ушромъ небеса —
 Алѣешь , разцвѣтаешь .

5 го Мал. Николаевское.

Р а д о с т ь .

Я не люблю тебя ; ты слишкомъ беспокойна
 Для сердца моего ; не для тебя оно
 Природой и судьбой мнѣ въ грудь положено ;
 Ты слишкомъ для него живительна и знойна ;
 Ему грусть тихая сроднѣе во сто разъ ;
 Съ нимъ меланхолія знакомѣе , дружиѣе ;
 Какъ скука , ты собой спрашишь его подчасъ ,
 И безъ тебя оно гораздо веселѣе !

В о з з в а н і е .

Темницынь вновь даетъ спектакли и пиры ,
 И не даетъ уже опъ займодавцевъ тяги :
 Давайте же опять ему щедрѣе , скряги !
 До новой шах-матной игры .

 К О Р Р Е С П О Н Д Е Н Ц И Я .

Письмо къ Издателю.

Г. Бълевъ , 1832 года Юля 16го дня.

И такъ, знашь по грѣхамъ моимъ, мое убогое имя (*) еще разъ писнупо шипографскимъ спанкомъ! Но это бы не бѣда: шакихъ ли уродовъ пискають въ нашемъ просвѣщенномъ вѣкѣ продавцы чужихъ грѣховъ лишпературныхъ. Тупь дѣло соспоишь въ одной полько коммерческой сдѣлкѣ; но вошь въ чемъ бѣда: пригорокъ, чпо прежде назывался Горою Парнасъ, нынѣ бискомъ набись — крипиками, анпикрипиками и перекрипиками; да все шакими сердипыми, взыскашельными, неугомонными! за одну запяшую, не шамъ вошкнушую, такъ приписнушь, чпо духу не переведешь! . . . Не споль опасень на морѣ шкваль посдѣлому моряку, какъ журнальная спашья какого-нибудь бранчухи. Одно средспво, чшобы не припкнущься къ сему рифу, далеко выдававшемуся въ чернильное море, а именно сдѣлать — оговорку. Вошь она: если кому изъ васъ, милоспивые государи, вздумаешься судись меня за безграмошность уголовнымъ судомъ; по прошу васъ покорнѣйше излишь вашъ гнѣвъ, дѣльный или не дѣльный, на К. . . .

 (*) Оно не таково уже и по знаменитой Спихотворицѣ нашей. *Изд.*

П. . . . И. . . ., съ копорымъ мнѣ всегда пріятно было веспи дружескую бесѣду — и болѣе ничего. Вините въ помѣ радушнаго хозяина, что онѣ привѣспливо къ себѣ принимаеши людей добрыхъ — грамотныхъ и не грамотныхъ — все равно. Конечно, я не безгрѣшенъ, и очень грѣшенъ; но и вы, господа! не святые. Посмотрѣлъ бы я, напримѣръ, куда бы вы дѣвались съ самою лучшею вашею рипорическою, или пѣпическою мыслию, когда бы набѣжалъ на васъ девяспый валъ въ опкрышомъ Океанѣ! Вы часто, смопря на лужу, описываеши велерѣчиво криспальную поверхность моря; часто, шѣсно сжашые въ улицахъ Сполицы или въ уголкѣ своего жилища, опкуда, случайно, удаспся вамъ увидѣши десяпка два свѣспиль небесныхъ, шолкуете о необозримомъ великолѣпнѣ вселенной. Вопѣ шупѣ, какъ разѣ, обнаруживаюспся ваши энциклопедическія познанія. . . . А, кажеши, не лучше ли-бѣ было выбраши на проспорѣ — въ опкрышое море и шамѣ - шо бы своимъ глазомъ полюбовашся на красопы и величѣ природы и посмотрѣши жишья - бѣшья нашей брашья моряковѣ — опшельниковѣ мѣра. Тогда бы вы спали смирны какъ ягняпочки, и угрюмоспѣ нашу не почисали бы — волчѣимъ достпоинспвомѣ. . . .»Морякѣ! не сбился ли шы съ праваго пуши? . . . шебя не шуда несешъ?« Нѣшѣ, Князь! постойте! налажу, справлюся!.. Но до шѣхъ порѣ лягу пока въ дрейфѣ и къ вамѣ друзья, брашья, совоспипанники — добрые,

скромные, благочестивые моряки, обращу слово мое: „развѣ вы не видите, что настали времена плохія! . . . развѣ не дошла до васъ вѣснь горькая, что и нашу брашью, молодцовъ бѣло-головыхъ, насильно пянущъ за-гавань и велящъ плавать по морю чернильному? . . . Ну, куда мы годимся? — Подводная часть вся разбиша, а рангоуть весь гнилой; море чернильное не по, что Черное — бѣда! Молодцы! на васъ вся надежда: покажите свѣшу бѣлому, что у насъ есть, были и будутъ люди грамотные, изученные морскому пуши и сухопушному; знаютъ много всякой всячины; усердно служатъ Царю Православному и Опечесиву любезному. Пишите, а чипашъ будутъ. . . “ Такъ, Князь! и вы прочтете, улыбнешесь и скажете: „Видно, у него проспорный досугъ, что за одинъ пріемъ мараешь по цѣлому листу?“ Почши такъ, но не совсѣмъ такъ. Ходивши и шуда и сюда, устанущъ ноги; сядешь отдохнушь — руки на свободѣ, а свобода не всегда хороша: ну вошь и задашь имъ рабошишку; а лиха бѣда приняхся и не увидишь, какъ бумага къ концу, а перо пришупилось! . . . Но какъ бы оно шупо ни было, а всегда явсшвенно скажешь, что нижеподписавшійся всегда васъ любилъ и любилъ не перешанешъ.

Дм. Бунинъ.

С М Ъ С Ъ.

Французскій Театръ.

21 го Юля, на Маломъ Театрѣ даны по возобновленіи, въ первый разъ: *La Séparation*, comédie en trois actes, de *Melésville*, и *Le Duel et le Déjeuner*, vaudeville en 1 acte. Дѣйствующія лица въ комедіи: M. Aubry, avoué — г-нъ Герве; Victoire d'Hervilly — г-нъ Беркуръ; M. d'Arboise, oncle de Clarisse — г-нъ Филиберъ; Lefèvre, cleric de M. Aubry — г-нъ Огюстъ; Delphine, femme de M. Aubry — г-жа Кордье; Clarisse, femme de M. d'Hervilly — г-жа Констансъ; Un domestique — г-нъ Альфредъ.

Въ водевилѣ: St.-Léon, officier — г-нъ Эрнесъ; Dugazon, Désessart, artistes du Théâtre français — г-да Герве и Филиберъ; Lecoq, cuisinier — г-нъ Фредерикъ; M-me St.-Léon — г-жа Констансъ.

Благодаря таланту, искусству и другимъ сценическимъ преимуществамъ г-жи Кордье, равно какъ и г-дѣ Герве и Беркура, мы давно не имѣли удовольствія видѣть *Французской комедіи*, сыгранной Французскими артистами столь хорошо: *Дельфина* была ея ду-

шею, подобно какъ г-жа *Кордье* служить ея для всей Французской пруппы; сверхъ того пьеса не спрадала отъ *Хароновскихъ тѣней*, копорья все опечаливають — *comme de raison*: чему служилъ *отчасти* доказательствомъ — водевиль. Часпо бываешь 'довольно одной тѣни, чшобы нѣсколько повредить яркому свѣту. Такъ холодная луна проходя мимо пламеннаго солнца, зашмѣваетъ его — на минушу. За шо оно являешся лучезарнѣйшимъ послѣ зашмѣнiя: шо же можно и должно сказать, на примѣръ, о г-жѣ Кордье, о г-жѣ Менье, о г-жѣ Дюпаркѣ, о г-жѣ Альфредѣ, о г-жѣ Вальмонѣ, о г-дахъ Герве, Беркурѣ, Эрнестѣ и Альфредѣ — ошносительно г-на Карона и компани.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Съ нѣкотораго времени прогулки вошли въ превеликую моду, и мы замѣтили для нихъ прекрасныя туалеты. На одной молодой дѣвушкѣ было гроденаплевое платье съ розовыми и бѣлыми клѣточками; кисейное вышитое канзу, съ длинными концами, выходящими изъ - за пояса; шляпка изъ Ишальянской соломы, убранная букетомъ полевыхъ розъ (*roses des champs*).

— Лиловое кисейное платье, вышитое шишечками. Бѣлая шаль. Изъ Ишальянской соломы шляпка съ лиловыми перьями. Эшарпъ бѣлой кисейной съ лиловымъ прозрачнымъ шипьемъ.

— Много шляпокъ изъ затканнаго газа (*gaze brachée*), и соломенныхъ съ палевыми лентами.

— Дѣлаются маленькіе блондовые чепчики, обшитые двумя рядами гладкой блонды въ два пальца шириною.

— Съ тѣхъ поръ какъ пеньюары вошли въ большую моду, къ шипью на воротничкѣ шемизетокъ ихъ прибавляется шипье, которымъ образуется сердечко спереди, идущее до самаго пояса.

— Для верховой ѣзды дамы носятъ теперь съ амазонскимъ платьемъ шиковыя панталоны съ заспешками подъ ногою какъ у мужскихъ, и маленькія ботинки.

Изъясненіе картинки при семь No.

Прическа убрана гребнями (*ganriture de peigne*). Платье изъ шелковой кисеи.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,
съ тѣмъ чтобы, по оппечатаііи, были предсшавлены въ Ценсурный Комитетъ шри экземпляра. Москва. Августа 1го дня, 1852 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

О препровожденіи времени.

Если мы безпристрастно рассмотрим образъ нашего препровожденія времени, то увидимъ, что мы проводимъ большую часть жизни нашей, или не дѣлая ничего, или дѣлая совсѣмъ не то, чтобы слѣдовало намъ дѣлать: мы сокрушаемся, что мало осталось времени жить, но живемъ пакъ, какъ бы никогда и не думали умереть. Дѣйствительно, человекъ весьма часто находится въ діаметральной противоположности съ самимъ собою. Хотя жизнь вообще кажется намъ весьма краткою, но каждая часть или періодъ ея споль длиннымъ и продолжительнымъ, что мы обыкновенно съ неперпѣніемъ ожидаемъ окончанія онаго и кажется,

что будто бы даже и не дождемся. Молодой человек желает неперпѣливо увидѣть себя въ совершенномъ возрастѣ, совершеннолѣтній же составилъ свое щасіе, по есть приобрѣсъ богатство, выдши въ чины, получилъ почести и наконецъ провождаетъ въ спокойствіи и удовольствіяхъ дни свои; .и хотя каждый человекъ жалуется, что жизнь его крашка, но нѣтъ ни одного, кому бы печеніе жизни не казалось продолжительнымъ и скучнымъ. Основываясь на непоняжномъ противорѣчіи, мы желаемъ продлить мѣру нашего существованія и сокращимъ часпи онаго, и увлекаясь спрасьями, часто съ неперпѣнимъ ожидаемъ окончанія нѣкоторыхъ предположеній своихъ, для совершенія коихъ необходимо пошребно время, сокращающее существованіе наше. Рословщикъ охотно бы убавилъ время, которое находишь между насюящимъ и пѣмъ, когда придушъ сроки собратъ долги и проценпы.

Влюбленный съ радостію бы исключилъ изъ жизни своей пѣ дни своего существованія, которые прошекутъ въ ожиданіи того времени, когда обольщаетъ себя мыслию соединиться съ своею возлюбленною. И такъ, сколь быстро бы ни летѣло время, но есть множество обстоятельспвъ въ жизни, при копорыхъ мы желаемъ, чтобы оно пролетало еще скорѣе. Въ печеніе дня бывають часы, медленность копорыхъ насъ снѣ-

даешь; мы не понимаемъ самихъ себя; не знаемъ, чего хотимъ и *volens et nolens* пребываемъ въ какомъ-то самимъ намъ неизвѣстномъ апапическомъ состояніи. Иногда же хотимъ, чтобы цѣлые годы невидимо исчезали и протекая пушемъ времени, подобно какъ въ спранѣ необишаемой и наполненной знойными песками; мы спѣшимъ преиши оныя, дабы скорѣе достигнуть предѣловъ воображаемаго нами успокоенія.

Если раздѣлимъ жизнь нѣкоторыхъ людей на десять часпей, то найдемъ, что девять изъ оныхъ совершенно пусты и проведены въ бездѣйствіи. Сюда не включаются люди, которые обременены многими дѣлами и обязанностями по должностямъ, занимаемымъ ими въ обществѣ, или по обстоятельству въ жизни; но только тѣ, которыхъ жизнь истранивается въ праздности и скукѣ и которыхъ, не зная чѣмъ занять себя, стараются *убивать* время и которыхъ слѣдующія упражненія могли бы служить пріятнымъ, а вмѣстѣ и полезнымъ препровожденіемъ времени: напримеръ, поучать незнающихъ, вспомошествовать по возможности бѣднымъ и утѣшать печальныхъ суть такія упражненія, которыя замѣняютъ дѣшельнѣйшую жизнь и для совершенія которыхъ встрѣчаемъ мы каждый день тысячи случаевъ. Сверхъ того всѣ обязанности, налагаемыя на насъ любовію къ Богу и ближнему, дѣйствительно достойныя существа разумнаго, могутъ доставить намъ самыя чистѣйшія удовольствія.

Есть еще другой родъ добродѣтели, которая можетъ наполнять пустошу, въ какой мы часто находимся, когда предаемся самимъ себѣ и когда не имѣемъ никого, съ кѣмъ могли бы проводить время въ полезныхъ бесѣдахъ. Сія добродѣтель состоить въ томъ духовномъ общеніи, которое всѣ разумныя существа должны имѣть съ Творцемъ бытія своего. Человѣкъ, почишающій себя всегда въ присущствіи Божіемъ, наслаждается непрерывнымъ удовольствіемъ и вкушаетъ неоцѣненный миръ души, неизвѣстный прослоудинамъ и непосидаемый ими; время никогда не тягостно для него; уединеніе обращается ему въ утѣшеніе тогда, какъ другіе, находясь въ бездѣйствіи и скукѣ, повергаются въ уныніе и опчаяніе; мысли и всѣ душевныя ощущенія его бывають тогда въ большемъ упражненіи и когда мысленно оставяетъ онъ сей мятежный міръ, шо страшнаго упихають и сердце воспламеняется вящею любовію къ Богу; надежда его усугубляется и онъ, поржествуя при помышленіи, что присущствіе Высочайшаго Существа охраняетъ его, возвергаетъ скорби и печали свои на Него и несомнѣнно уповаешь, что всемогущая десница Божія навсегда пребудетъ для него прибѣжищемъ и силою. Наконецъ совершенно увѣрясь, что упражненіе въ добродѣтели не ограничивается шѣмъ только, чтобы люди занимались ею во времени, но что ея вліяніе распространяется и по шу сторону гроба и что блаженство и погибель людей въ вѣчносли зависяшь отъ того, какъ употребляли они праздныя минушы временной жизни своей, онъ болѣе и болѣе укрѣпляется въ

намѣреніи прилѣжашь съ возможнѣйшимъ раченіемъ къ препровожденію дней своихъ такъ, чшобы оныя никогда не сопровождались грустнымъ раскаяніемъ. — Конечно, существо наше имѣеть необходимость въ нѣкоторыхъ отдохновеніяхъ и забавахъ, не влекущихъ за собою дурныхъ послѣдствій, или по крайней мѣрѣ такихъ, которыя къ одобренію своему ничего болѣе не представляють, кромѣ невинности, и которымъ въ похвалу ничего инаго не лѣзя сказать какъ только то, что въ нихъ нѣтъ ничего вреднаго. Если бы, напримѣръ, театръ находился въ иномъ сосояніи, и представляемыя піесы при пріятномъ развлеченіи имѣли въ предметѣ нравственность и назиданіе; то онъ бы могъ быть неисчерпаемымъ источникомъ увеселеній благороднѣйшихъ и полезнѣйшихъ. Есть еще множество другихъ полезныхъ занятій и увеселеній, которыя надлежитъ стараться распространять и поддерживать, дабы въ нужномъ случаѣ прибѣгать подъ защиту ихъ и не предаваться разслабленію, праздности и обуреванію спрасшей, раждающихся въ человѣческомъ сердцѣ. Можно сказать о чловѣкѣ, одаренномъ талантами и имѣющемъ вкусъ къ музыкѣ, рисованію или архитектурѣ, что природа надѣлила его однимъ чувствомъ болѣе, нежели пѣхъ, которыя нечувствительны къ симъ искусствамъ. Садоводство и прочія сельскія упражненія соединяють въ себѣ равнымъ образомъ пріятное съ полезнымъ; въ особенноти же чтеніе хорошихъ книгъ, занимающее вмѣстѣ и разумъ, и сердце и распространяющее наши познанія. Какъ время, проводимое въ праздности или суешахъ, кажется намъ продолжительнымъ и

скучнымъ, такъ оно въ бесѣдахъ съ людьми умными и при чтеніи подобныхъ книгъ бываетъ всегда кратко и пріятно.

Локкъ говоритъ (*), что мы не иначе можемъ судить о времени и продолженіи онаго, какъ размышляя о связи мыслей, послѣдующихъ въ нашемъ воображеніи одна за другою. Покоясь въ безмятежномъ снѣ безъ всякихъ сновидѣній, мы не чувствуемъ времени, сколь бы долго оно ни было, и минуша, въ кошорую переспаемъ мыслишь, равно какъ и ша, въ кошорую опять начинаемъ наслаждаться сею способностію, кажется, вовсе не раздѣляюся между собою никакимъ пространствомъ. То же самое могло бы случиться и съ человѣкомъ, находящемся въ бодрственномъ состояніи, если бы одна мысль могла укрѣпиться въ его воображеніи безъ всякаго измѣненія и не была послѣдуема другою; ибо мы видимъ изъ опыта, что кто занятъ какою-либо важною для него мыслию, тогда обращаетъ столь мало вниманія на послѣдованіе другой мысли, переходящей въ его умъ, что будучи углубленъ въ свое размышленіе, весьма много ошибается въ опредѣленіи времени, проведеннаго имъ въ своихъ размышленіяхъ, и почиаетъ оное гораздо кратчайшимъ, нежели какъ дѣйствительно оно было. Можешь спаться, есть такія существа, для кошорыхъ полчаса кажется столь же долгимъ, какъ для насъ нѣсколько лѣтъ, или кошорые почиаютъ недѣлю, мѣсяцомъ, годомъ, или цѣлымъ вѣкомъ шу

(*) Essai sur l'entendement humain.

мѣру времени, копорую мы называемъ минутою; и пакъ если, по мнѣнію Локка, продолженіе времени относится шолько къ послѣдованію мыслей, преходящихъ въ нашемъ воображеніи, а сіе послѣдованіе можеть совершаться скорѣе или медленнѣе; шо изъ сего слѣдуетъ, что разныя существа могутъ имѣть и различныя понятія объ одномъ и шомъ же раздѣленіи времени, по мѣрѣ шого, какъ мысли ихъ скорѣе или медленнѣе слѣдуютъ одна за другою. — Въ Алкоранѣ помѣщено одно преданіе, показывающее, что шопъ, кшо написалъ его, имѣлъ о раздѣленіи времени почши подобное же сему мнѣніе. Тамъ сказано, что Магомешъ въ одно ушро былъ восхищенъ съ его ложа для показанія ему чудесъ рая, ада и седми небесъ, копорые и разсмошрѣлъ онъ съ величайшею шодробносноію, и что послѣ 89,000 бесѣдъ съ Богомъ, онъ возвращенъ на свое ложе. Все же сіе совершилось въ шшоль крашкое время, что Магомешъ нашель постель свою еще не охладѣвшюю и успѣлъ поднять сосудъ, копорый при воспареніи его былъ уроненъ, прежде нежели вода, наполнявшая его, могла изъ онаго вылиться. — Въ Восточныхъ сказкахъ находшся нѣкопоре повѣшшованіе, относящееся къ сему происшествію. „Одинъ Египетскій Сулпанъ, не весьма швердый въ законъ, часшо при сокровенныхъ бесѣдахъ съ своими шриближенными обращалъ въ посмѣяніе сіе обстоятельство жизни Магомешовой и отвергалъ оное, какъ нѣчто невозможное и недосшойное върояшія; но какъ нѣкогда разсуждалъ онъ объ этомъ съ однимъ законникомъ, копорый имѣлъ даръ шворить чудеса, шо сей послѣдній сказалъ ему, что вскорѣ

можешъ увѣришь его въ испинѣ преданія, если шолько Сулпанъ согласится иди съ нимъ въ садъ и спашь подлѣ извѣснаго водомеша. Сулпанъ согласился и когда приблизился къ водомешу съ своими придворными, шо мудрецъ просиль его окунушь голову въ воду. Сулпанъ повиновался и едва успѣлъ омочить голову свою, какъ внезапно увидѣлъ себя при подошвѣ высочайшей горы на берегу моря. Тщешно ропсаль онъ и досадоваль на мудреца, сдѣлавшаго съ нимъ посредствомъ волшебства, какъ думаль онъ, шакое чудо, и принужденъ былъ въ землѣ, для него неизвѣстной, искашь средствъ къ своему пропитанію. Увидѣвши въ близъ лежащемъ лѣсу работающихъ сельскихъ жипелей, онъ прибѣгнулъ къ нимъ и просиль о пици; они уполили голодъ его и указали ему пушь къ городу, находившемуся въ недалнемъ разстояніи. Тамъ, послѣ многихъ приключеній, спранспвующій Сулпанъ женился на богатой и прекрасной дѣвушкѣ, жилъ съ нею долго, имѣлъ семерыхъ сыновей и сполько же дочерей; попомъ по превращенности обспояшельствѣ, пришедши въ совершенную нищету, принужденъ былъ скипашься по улицамъ и для прокормленія себя съ своимъ семействомъ сдѣлашься носильщикомъ. — Однажды прохаживаясь по берегу моря и занимаясь печальнымъ размышленіемъ о различіи прежняго и наспоющаго его состоянія, онъ обрапилъ мысли къ Богу и въ шо же время скинулъ съ себя плашье, дабы по заповѣди Исламизма предъ молишвою сдѣлашь надлежащее омовеніе, и окунувшись въ моръ, едва высунуль голову изъ воды, какъ мгновенно увидѣлъ себя споящимъ подлѣ водомеша со всѣми

своими придворными вельможами и мудрецом на помъ же мѣстѣ, на которомъ совершилось съ нимъ столь чудесное переселеніе. Сулпанъ началъ дѣлать выговоры законнику, что онъ заспавиль его столь долгое время спрадашь, прешерцѣвашъ нищету и рабство. Но какъ велико было удивленіе Сулпана, когда онъ узналъ, что все происходившее съ нимъ видѣлось ему во снѣ и что онъ и не прогался съ шого мѣста, на которомъ находился. Сей случай убѣдилъ его, что для Бога нѣтъ ничего не возможнаго и что Топъ, предъ очами Копораго и пысяча лѣтъ какъ одинъ мигъ, можеть, если по угодно волъ Его, показашъ одинъ часъ, одну минушу пысячью годами.“ Дѣлая сравненіе сей восточной басни съ упомянутымъ мнѣніемъ Англійскаго Философа, можно судить, сколько мудрый человекъ можеть продлить печеніе своей жизни безусловнымъ преданіемъ себя изысканію истины, познаніемъ законовъ естества и пріобрѣшеніемъ полезныхъ свѣдѣній.

Невѣжда слѣдуетъ внушенію спрастей своихъ, а мудрый размышляетъ о предметахъ, достойныхъ его уваженія и вниманія, и изыскиваетъ способы, могущіе доставить успокоеніе его сердцу и упражненіе разуму. Время кажется одному долгимъ, а другому краткимъ; первому продолжительно пошому, что не знаетъ и не умѣетъ чѣмъ заняться, а послѣднему кратко ошъ шого, что всѣ минушы его заняшы пріятными и полезными мыслями, или, иначе, ошъ шого, что одинъ спарается освободиться ошъ времени какъ ошъ шяжкаго ига, а другой непрестанно наслаждается временемъ.

Сколь опличное зрѣлице являетъ пропекшее время жизни человѣку, посѣдѣвшему въ изысканіяхъ и изученіи испины и посвятившему дни свои благошворенію, опъ того, какое предсавляетъ оно человѣку, закоснѣвшему въ невѣжеспвѣ, суесахъ и порокахъ! Послѣдній на пропекшемъ поприщѣ жизни своей усмащриваетъ шелько голыя и спремнисныя горы, бесплодныя пусыны и спрашныя вершепы, водворяющіе въ сердце его груспь, ужасъ и угрызения совѣспи, между шѣмъ какъ благочесшивой человѣкъ, не спрашась будущности, видипъ окреспъ себя прелесшныя и цвѣпущія долины, пресѣаемыя кристалловидными испочниками и злапоносными нивами, являющими повсюду полезное и пріятное!

Н. Р.

А л ь б о м ъ .

Мы собирались увѣдомишь чипашельницъ своихъ о *Стихотвореніяхъ Виктора*. . . . не *Гюго* — нѣшь! а *Теплякоеа*, опдашь пріятному шаланшу его полную справедливосшь и поговорипъ о шомъ, чшд набрело на умъ сочинипелю Предисловія къ симъ спихотвореніямъ; но получивши бй Но Московскаго Телеграфа, нашли въ немъ многія мысли, совершенно сходныя съ нашими, опносительно сего Предисловія, и ограничилишь единшвенно совѣшомъ прочипашъ первую спашью вышесказаннаго Но, подѣ заглавіемъ: *Руская Литтература*, исполненную самыхъ здравыхъ, самыхъ основашельныхъ и самыхъ неоспоримыхъ сужденій; не могли од-

накожь не выспавишь къ позорному столпу нижеслѣдующихъ спрокъ изъ Предисловія, которое можешь служишь образцовымъ. . . . пусто-словіемъ, или чѣмъ - нибудь еще гораздо хуже :

„Нѣтъ сомнѣнія, что вѣкъ, воспѣванный сими аплешами“ (Байрономъ, Валшеръ - Скоптомъ, Барантомъ, Шашобріаномъ, Беранже, Лапласомъ, Мальшебренемъ, Наполеономъ (*)) „не можешь слишкомъ высоко мыслишь о барашкахъ г-жи Дезульеръ, о хладномъ мраморномъ парикѣ Буало, о накрахмаленной Поэзіи Расина; нѣтъ сомнѣнія, что Поэзія Сердечкиныхъ, надписи на ошейнички собачекъ, пряничные спишки на шо, на другое, сушь анахронизмы, самые неизвинительные; но Тассъ, но Шекспиръ, но Корнель будущъ всегда, не взирая на совершенное различіе вкуса и времени, усладою сердца, испинно благороднаго.“

И это говоришь издашеть *мѣлкихъ* стихотвореній! Зачѣмъ же онъ издалъ ихъ, когда для *истинно благороднаго сердца* надобны *Тассъ, Шекспиръ, Корнель?* и когда подобныя стихотворенія соспавляютъ *анахронизмъ*, и еще не извинительный? Между тѣмъ могутъ ли дѣйствительно какія - либо произведенія искусства, если онъ ознаменованы печатью паланша, соспавлять *анахронизмъ* и противъ какой *хронологіи?* . . . *Одно и то же* наскучишь безъ сомнѣнія, и пошому - то невозможно чипать вѣчно ни Тасса, ни Шекспира, ни Корнеля; захочешся почишеть и *стихотворенія Виктора Гел-*

(*) „Что за сближеніе именъ!“ по неволѣ вскрикнешь съ Издашелемъ Телеграфа.

лякова, за которыхъ мы и благодарны издашело: но для чего же онъ спарается опвратить насъ отъ нихъ? ибо одни только исчисленные имъ великіе писатели (а съ ними и Наполеонъ) могутъ быть „усладою сердца, истинно благороднаго?“ Что значить высоко, и еще слишкомъ высоко, мыслишь о барашкахъ? Высоко — и по достоинству — мыслишь объ Эклогахъ г-жи Дезульеръ. Что значить мраморный, и еще холодный (а не теплый?) парикъ? и чей же? Буало! Надобно имѣть ледяную голову для шапкахъ неприличныхъ выраженій. Что значить накрахмаленная поэзія? и чья же? Расина! Надобно имѣть мозгъ въ лахмощяхъ, чтобы говорить о великомъ писателѣ языкомъ прачки. Что значить поэзія Сердечкиныхъ? Поэзія, чья бы ни была, все поэзія: слѣдовательно болѣе ничего и не пребуется; и надписи на ошейнички собачекъ могутъ удовлетворить самымъ строгимъ требованіямъ ума и вкуса, и даже сердца, истинно благороднаго, какъ скоро онъ совершенны въ своемъ родѣ; а что есѣ роды хороши, кромѣ скучнаго — это сказано атлетомъ, которому вѣрно опсалюповаль бы самъ Беранже, какъ младшій спаршему, какъ солдатъ офицеру. О вы, вѣчные рекрушы нашей Литпературы! знайте, что унижать какой-либо родъ — сочиненія ли, искусства ли, ремесла ли, рукодѣля ли — сближеніемъ съ другими есть сущее невѣжество. Что значить наконецъ пряничные спишки, и еще на то, на другое?!! О вы, ни шо, ни другое! скажите по совѣсти, не значить ли все это, что издашеть Стихотвореній Теплякова, сочинившій и Предисловіе къ нимъ, знаетъ имена, отъ

Байрона до Корнеля, и болѣе ничего не знаешь, и даже не въ состояніи подозрѣвать, что *воспитатели* нашего *вѣка* пожалѣли бы о лишне-рашурномъ воспианіи вышереченнаго изда-теля? . . .

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я :

С о н ъ.

Гдѣ ты, блаженство сновидѣнья,
 Моя щасливая любовь?
 Меня ты усладишь ли вновь
 Въ златомъ пиру воображенья?
 Скажу ли, чѣмъ была полна
 Моя душа въ часъ тихой ночи;
 Когда явилась мнѣ *она*
 И у нея блистали очи
 Какой - то спрасью не земной,
 Какимъ - то дивнымъ вдохновеньемъ!
 Она лилейною рукой
 Мнѣ указала съ умиленьемъ
 На грудь, гдѣ даръ ея висить,
 Гдѣ онъ любовь мою хранишь,
 На леншѣ пайной — образъ милый,
 Мой вѣрный спутникъ до могилы!
 Потомъ раскрывъ свои уста,
 Мнѣ что - то высказашъ желала;
 Но замерла на нихъ мечта,
 И спрасшь во взорахъ заблестала.
 Еще теперь въ душѣ моей
 Горить огонь ея лобзаній,

Живыхъ, восторженныхъ ласканій,
 И пламя мирное очей.
 Но гдѣ ласканья и лобзанья
 Невинны были; сердца жаръ
 Былъ столь же свящъ, какъ въ часъ прощанья
 Взаимной дружбы вѣчный даръ.

За чѣмъ опъ милыхъ наслажденій
 Для скучныхъ дней проснулся я?
 Ахъ! я-бъ желалъ, чтобъ рой видѣній
 Въ мѣрь лучшей перенесъ меня.

А. Никитинъ.

С т р а х и.

„Лешучихъ я боюсь мышей!“

Однажды дама мнѣ сказала. —

А я. . . ползучихъ я боюсь людей. —
 Головкой милою шупъ дама покачала.

Къ Созинителю * *.*

Ни въ жизни, ни въ спихахъ ты не поэтъ —
 Нѣшь! нѣшь!

ИЗВѢСТІЯ.

Училище глухо-нѣмыхъ въ Москвѣ.

Во Французскихъ газетахъ — какъ мы
 нѣкогда упоминали въ Московскихъ Вѣдомо-
 стяхъ — извѣщаютъ объ одномъ Португаль-
 скомъ священникѣ, кошорый началъ въ Парижѣ
 учить глухо-нѣмыхъ разговору на какомъ-либо

изъ чепырехъ ему извѣснпхъ языковъ, полько не на Французскомъ. Далѣе сказано, что онъ учишь ихъ по методу Перейры безъ всякихъ хирургическихъ пособій.

Мы съ сердечнымъ удовольствіемъ извѣщаемъ нынѣ, что въ Москвѣ естъ наставникъ глухонѣмыхъ, г-нъ Корси, который, сверхъ обыкновенныхъ учебныхъ предметовъ, учишь воспитанниковъ своихъ *говорить* поруски, слѣдуя собственной методу и не помышляя ни о какихъ хирургическихъ пособіяхъ.

Судя по быспрымъ успѣхамъ его учениковъ, мы думаемъ, что метода Перейры ни чѣмъ не лучше той, которую употребляетъ г-нъ Корси. Онъ увѣренъ, что ученики его будутъ не только говорить, но и понимать говорящихъ безъ письма.

По своему челоѣколюбію, сей наставникъ обучаетъ бѣдныхъ за самую умѣренную цѣну; а нѣкоторыхъ даже безъ всякой платы.

Желаемъ, чтобъ благошворительныя общества и частныя лица обратили вниманіе свое на жалкое положеніе несчастныхъ глухонѣмыхъ, оспасающихся по бѣдности своей въ совершенномъ невѣжествѣ, или лучше сказашъ исключенныхъ изъ людскаго общества.

Исполненіе шакого желанія доставило бы почтенному наставнику способъ распросранять свои благошворныя дѣйствія на многихъ сего рода несчастныхъ, которыхъ онъ нынѣ, по не имѣнію средствъ содержаъ ихъ, не можетъ принимать въ свое заведеніе, находящееся на Рождественкѣ въ домѣ Г-на Вердеревскаго напрошивъ Медико - Хирургической Академіи.

П а р и ж с к і я л о д ы .

Мы недавно видѣли прекрасныя шляпки - капоты изъ органди, подбитыя розовымъ ; поля и тулья ихъ состоятъ изъ прoderнушыхъ внутри косточекъ ; на боку розовый шелковый бантъ. Сіи шляпки очень идуть къ лѣтнему неглиже.

— Еще мы замѣтили новыя шляпки полу - капоты, розовыя или лиловыя креповыя, обшитыя вокругъ блондовымъ рюшемъ, съ однимъ бѣлымъ перомъ.

— Также замѣчены шляпки - капоты изъ пальдери; убранныя букетомъ душистаго горошка ; ихъ форма нѣсколько уже и болѣе назадъ.

— Очень много появилось тканыхъ эшарповъ (echarpes en tissus) съ шалевыми узорами, приличныхъ лѣтнимъ нарядамъ. Сіи эшарпы очень легки и не широки.

— Также очень много лѣтнихъ шалей изъ шерстяной писеной кисеи, съ весьма пестрыми узорами.

И з љ а с н е н і е к а р т и н к и п р и с е м ѣ N o .

Шляпка креповая. Плащье кисейное. Канзу изъ вышитаго шюля.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по ошечашаніи, были представлены въ Ценсурный Комашешъ при экземплра. Москва. Августа 9 го дня, 1832 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П Р О З А .

О старинныхъ Рускихъ праздникахъ и обычаяхъ.

(Продолженіе.)

Святки и первый день года у древнихъ Россіянъ.

Древніе славяно - Руссы начинали свой *Новый* годъ , какъ почпи и всѣ юные переселенцы въ Европу , *первою* встрѣчею весны , или *первымъ* днемъ перваго весенняго мѣсяца , Марта. Вошь какъ это разсчитывающъ старожилы , болѣ насъ вѣрующіе преданіямъ : »на другой день Тимофеева дня , по естъ съ 22 Февраля , начинались *проводы* стараго и *встрѣчи* новаго года — Святки , поржешиво блестящее , въ другіе дни шогдашняго времени не возможное , не слыхан-

ное (*) — общая радость встрѣпшишь вмѣстѣ съ юнымъ вешнимъ солнышкомъ Годъ Новый, а *старый* въ пошъ же часъ съ честью упокоишь въ вѣчность, залишь его дождями, зарышь въ снѣгахъ глубокихъ, въ кошорыхъ онъ уже и безъ того болѣе прехъ мѣсяцевъ началъ и заливаешь, и зарываешь (**).“ Старость его (ш. е. года) плакала, плакала (въ осень) — говаривала древняя Русь — да на слезахъ и замерзла: вѣдь шакъ и всякая старость! —

У насъ на Руси первые дни Марша не всегда походяшь на возрожденіе *Новаго* года, однако же все лучше Январскихъ; но на Югѣ — въ колыбели Славяно - Руссовъ, какое время могло быть лучшимъ дней Марша для начатія Новаго года: тогда солнце — первое божество древнихъ — вспуаешь въ знакъ Овна, природа получаетъ новую жизнь, *запѣвають пташки*, слышимъ бляніе *стадъ* и куда ни оглянись, какъ говорять воспорженные весною паспухъ и пахарь, *повсюду Общее Воскресенье!* Въ первый день Марша сотворень міръ! По крайней мѣрѣ, шакъ иные думающъ.

Къ особенному торжеству древнихъ Рускихъ Свяшокъ, какъ можно догадываешь, принадле-

(*) Преданіе *Колыбельскихъ* раскольниковъ (село Колыбельское Рязанской Губерніи), *Шатскихъ Молокановъ* и разныхъ Воронежскихъ переселенцевъ. Замѣчено Авторомъ во время пупешествій для Археологическихъ изслѣдованій, 1824 года, по предписанію Генераль - Губернатора, А. Д. Балашева. М.

(**) Началомъ зимняго времени простолюдинъ обыкновенно почитающъ шакъ называемые *Введенскіе заморозы*, по есть время за недѣлю до праздника *Введенія во храмъ Пресвятыхъ Богородицы*, торжествуемый 21го Ноября. И подлинно, это истинное начало нашей зимы. М.

жалъ всегда вечеръ на 28е число Феврала, по
 естъ на день Преподобнаго Василія; сіе время
 называлось *Васильевскимъ* днемъ и вечеромъ.
 Тутъ бывало *Преполовене* святокъ, распани
 или распаніе съ улешающимъ въ вѣчность спарымъ
 годомъ, поржештвенная въспрѣча новаго.
 Квасъ винограднаго вина пѣнился у богашыхъ;
 не богашые довольствовались хлѣбнымъ квасомъ,
 или пивомъ; молодые пѣли, плясали; спарые
 молились: шѣ и другіе вообще гадали, женихи
 обрекали себѣ невѣстш, а невѣшты *осѣтвали* же-
 ниховъ; свяшочники, будучи въ самыхъ уродли-
 выхъ нарядахъ, закупывали спарый годъ, опа-
 саясь, чшобы дряхлый спарикъ не ворошил-
 ся; а юный пришлецъ посмашривая на ихъ
 кривлянье и уборъ, смѣивался, говоряш, до
 упаду. Роль спараго года разыгрывала
 шаруха, а новаго предшавлялъ лучшій и
 красивѣйшій молодець изъ цѣлаго околка.
 Въ послѣдствіи, когда годъ начали считашь съ
 1го Сеншября (пишу, слѣдуя преданіямъ же),
 Росіяне, поржештвуя оный уже въ памяшь
 Св. Исуса Навина, пользовались обрядами пор-
 жештва Діаны, звѣроловицы, или охощничьяго
 праздника, о которомъ буду говоришь въ своемъ
 мѣстѣ. Впрочемъ хощя шайнштвенно, но все
 шаки называли послѣдній вечеръ года *Василь-
 евскимъ*, не заботясь о томъ, что онъ уже
 былъ Симіоновъ. Начашіе года съ 1го Января
 ошашъ получило все право (имѣя въ виду Св.
 Василія) возобновишь прежніе *Васильевскіе*
 вечера.

Обращаясь къ настоящему *древнему* Новому
 году, по естъ къ поржештву онаго въ Маршѣ
 мѣсцѣ, слѣдуешь замѣшишь, что въ высокоч-
 ный годъ — съ шой поры, какъ начали угадываш

накопленіе времени и происходящій ошъ пого лишній день Св. Кассіяна Римлянина — не только наши предки, но и всъ вообще древніе пришли въ какое-то суевѣрное недоумѣніе и наконецъ почтили день Кассіяна именемъ дня ужаснаго, *косаго*, неправильнаго, несчастнаго, и даже младенець, рожденный въ сіе время, былъ обязанъ носить на себя вѣчно какое-то нареканіе, или даже печать вѣчнаго для себя и для другихъ несчастія; по симъ самымъ причинамъ неблагопріятный день Кассіяна, безъ всякаго торжества, былъ пропускаемъ мимо; святки же оканчивались уже 7 мь днемъ Марша, ш. е. другимъ настоящимъ торжествомъ настоящему Св. Василию. Ошъ имени сихъ-то Св. Угодниковъ, какъ полагають, и всъ дни святокъ юные Христіяне Славено-Рускіе называли *Васенями*, шо естъ *Васиньими*, или Васильевыми днями; язычники же, по времени вспугленія солнца въ знакъ Овна, именовали ихъ *Овенами*: что въ послѣдствіи, по своемъ слишій съ *Васенями*, вѣроятно, произвело уродливое слово *Овсень*, *Овосень*, или *Авсень*, сохранившееся и донынъ между нашими простолюдинами.

Дни этаго *Авсеня*, какъ полагають можно, у Славяно-Руссовъ были днями совершенной радости: они даже заключали въ своихъ праздникахъ еще и другіе праздники: вѣрное, или дознанное опытомъ торжественное прибытіе въ міръ Божій *Весны - Красны*; изъ сихъ праздниковъ самымъ начальнымъ былъ праздникъ, торжествуемый *четвертаго* чила Марша; именно день Св. Герасима, прозваннаго *Грачевникомъ*. Тушь только появлялась на Славяно-Русь изъ теплыхъ мѣстъ самая первая вешняя вѣшница, пшца *грачь*; по скопленіямъ сихъ

птицъ, ихъ крику, полешамъ и перелешамъ жрецы (священно-служители), спарѣйшины и всѣ до-сужіе (знающіе) люди осуживали и предрекали урожаи хлѣба, всякое изобиліе въ плодахъ, ско-пѣ и проч. Предрекатели, смотря на грачей, смѣло указывали даже на поля, луга и лѣса и увѣряли честнымъ словомъ, гдѣ именно чему быть, или не быть! . . . До сей поры еще ско-пленіе *грачей* въ полѣ почитается признакомъ *хорошаго* урожая, а разбродъ ихъ, по разнымъ мѣстамъ, не къ выгодѣ домоводства. „Грачъ не пригрѣетъ мѣста, грачи зѣваютъ!“ говоритъ мнишельный крещянинъ; „ахши! не прозѣвашь бы намъ и весны!“

Черезъ день послѣ дня, празднуемаго въ Свяш-ки послѣдняго Василія, то есть въ 9е число Марта, торжествовались такъ называемые *Свя-тые Сороки*, или *Сорки Святые* (праздникъ Св. 40 Мученикъ): день появленія первой *веш-ней* пѣвчей пшашки — жаворонка, изобиліе въ которыхъ и если они сначала своего прилета скоплялись на *проталинахъ* во множествѣ, или, какъ расчипывали простолоудины, *соро-ками*, — предвѣщало также богатую жашву.

Праздникъ *Грачей* (первой хлѣбной птицы) также, какъ и праздникъ *жаворонковъ*, былъ вспрѣчаемъ особливими обрядами. Напримѣръ: для привѣща первыхъ всегда изгопвляли осо-бенную *зерновую* покормку, которую полной рукою разбрасывали по полямъ, или огородамъ; а въ привѣщствіе послѣднихъ весь день за днемъ Св. Василія, то есть въ 8е число Марта, посвящали на печенье изъ муки ихъ изображеній, которыми, какъ нѣкоторою таинственностію, въ самый день *Сорока Мучениковъ* и раз-гавливались на *веселый шрудъ и путное дѣло*.

Жрецы и даже юные Христiяне, паспыри Христiянскiе, опредѣляя себѣ слѣдующiя доли, охотно благословляли печенныя изображенiя жаворонковъ. Наконецъ — ежели еще вѣришь преданiю — у сихъ паспырей было, сверхъ гаданiя по полю гурачей, по полю и печенью жаворонковъ, и еще какое-то свое гаданье, по кошорому и предсказывали все вопрошающимъ ихъ.

День Св. Евдокии, особенно чтимый Рускими Христiянами, будучи празднуемъ первымъ днемъ года, также иногда равнялся и съ предпразднествомъ онаго; ибо въ годъ высокосный, когда Васильева вечера не было, въ сей день совершались вмѣстѣ и проводы спараго, и встрѣча Новаго года. Изъ всѣхъ подробностей сего шоржества перенеслась большая часть ихъ съ обычаями нашихъ предковъ въ наши *Святки* и въ наши встрѣчи *Новаго* года и даже съ сохраненiемъ пѣсень и припѣвовъ *Авсеню*, о кошорыхъ уже такъ много было говорено въ Вѣспникѣ Европы Качановскаго и въ Московскомъ Вѣспникѣ Погодина.

Авсень, предпразднество Новаго года, можешь бышь почитаемъ и паспушескимъ праздникомъ, попому что во все время шоржествованiй его, сколько видимъ изъ преданiй, обыкновенно бываль договоръ съ паспухами. 17е Марша, или въ день Св. Алексѣя, Божiя человека, какъ замѣчено спарожилами, начинала спекать снѣговая вода съ горъ, а послѣ Дарина дня, то есть съ 19го числа того же мѣсяца, и вся скопина уже бывала въ полѣ. По крайней мѣрѣ, такъ важивалось въ сѣвероюжной Россii. У насъ въ средней и даже въ сѣверной полосѣ начальный выгонъ спады замѣненъ Георгiевымъ днемъ, то есть 23 числомъ Апрѣля.

Идущаго для условій паспуха обыкновенно сопровождалъ большой хоръ *красныхъ* дѣвушекъ, подругъ и любимецъ *Весны - Красны*, которыя, еще прежде нежели паспухи собирались идти съ ними къ *Пану - Князю*, или къ *Пану - Жрецу* (жрецу), толпами сходились подъ окнами жилища паспушьяго и привѣщивали его *Авсенемъ*, или *Васенемъ*:

Ау! ау! паспушокъ!

Ау! милюшкой дружокъ!

Дѣвицы запѣвали:

Ай! Авсень! ай! Авсень!

Ты ходиль, ты гуляль

По святымъ вечерамъ;

Походи, погуляй

По доламъ, по горамъ,

По крупымъ берегамъ.

Ай! Авсень! ай! Авсень! и проч.

Последній припѣвъ оканчивается почти каждое слово пѣсни, такъ что не знавши ее, слышишь только одного *авсень*; но пѣсня и сама по себѣ довольно велика.

Паспухъ, выходи на позывъ пѣснею *красныхъ* дѣвиць, присоединяется къ ихъ голосамъ съ свирѣлью, или съ рожкомъ и украшенный лентами изъ рукъ дѣвиць, отправляется вмѣстѣ съ ними и въ ихъ же хоръ къ спарѣйшинамъ селенія для условій, а потомъ и ко всемъ прочимъ. Такимъ образомъ праздникъ отчасу спановишся и шумнѣе, и веселѣе, а тѣмъ болѣе, что къ нему же празднику присоединяются всѣ святочные проказы, а для *любящихъ* отъ шого же праздника недалеко бывала и *Красная горка*, по ествъ уже настоящае *весеннее* время, обнаруживающее себя, по народному замѣчанію, въ

первое воскресенье послѣ *Егорьева* дня. Тутъ *ладились* свадьбы, образовались шяглы, домашній бытъ, и такимъ образомъ каждый сельскій и даже городскій жишель улаживая себя на цѣлое лѣто, уже ни въ чемъ не нуждался. Восьмь оныхъ чего наши свѣтки назывались и *Ко-Лядою*, но естъ приговореніемъ къ жишейскому *ладу*.

Любо вспомнишь, вѣруя сказкамъ и пѣснямъ, какъ Славянскіе *Паны*, которыхъ Греки и Римляне почтили именемъ паспушнихъ боговъ, сами первые, увѣнчанные зелеными вѣнками весны, наигрывая въ рожки, или свирѣли, выгоняли и сопровождали свои спада въ поля по первому лучу весенняго солнца. За *Паномъ*, какъ за *Княземъ*, или старѣйшиною паспуховъ — увѣряешь *Аббата Домбровскій* — слѣдовали цѣлыя селы и — празднику не было края!

Согласно съ *М. Т. Качановскимъ* (Вѣсп. Евр. 1828 года), *Колядъ*, *Календамъ* и проч., можешь бытъ, должно приписать названіе *первыхъ дней* cadaго мѣсяца и даже почестъ ее особымъ Римскимъ, или Еллинскимъ праздникомъ; но наша *Красная горка* не то: къ ней у насъ на Руси издревле изгопвляющся всѣ щаспильные браки и, какъ обыкновенно, гопвляющя *тишкомъ*, *ладкомъ*, да *въ ладъ* и *въ кладъ*, о чемъ и нынѣ еще гопорятъ наши простолюдны, рассказывая полько объ особенномъ Славянскомъ союзѣ — о *ладѣ брачномъ*! Припомъ кто докажешь, чшобы по выгонѣ съ *Егорьева* дня на поле *коней*, и послѣ всѣхъ торжественныхъ къ весеннимъ праздникамъ приговореній не было у насъ и *Ладовой* недѣли, можешь бытъ, именно заключавшей въ себѣ красную, цвѣтисную горку? Теперь за чѣмъ же намъ *Календы*? Вѣнчаніе браковъ во дни храмо-

выхъ праздниковъ еще и понынѣ предпочитается всѣми Рускими прослоудинами прошиву всѣхъ другихъ дней, а вѣнчаніе въ праздники весны не должно ли бытъ превышающимъ и всѣ праздники? . . .

Время шоржешествованія Новаго года, измѣняясь ошъ разныхъ причинъ, сколько религіозныхъ и полипическихъ, но болѣе всего ошъ замѣшательствъ, произведенныхъ переселеніями и смѣшеніемъ народовъ, ошъ Марша перешло къ Сенсябрю (днямъ собиранія и зрѣлости плодовъ, или ко времени шоржешства древней Цереры), наконецъ ошсюда къ Январю, едва ли, и особенно у насъ Рускихъ, способствующему къ развишію полнаго шоржешства, требуемаго юнымъ годомъ. Впрочемъ нѣкоторыя Европейцы еще и до сей поры признають золошистый Сенсябрь началомъ своего періодическаго времени и пошому времясчисленіе Европейцевъ — ошибочное, или справедливое — еще никакъ не уравнивается въ общую форму; даже Масляница — шоржешственный праздникъ въ честь *перваго смѣжнаго* пуши — передвинулась какъ-то ближе къ веснѣ (говорю о Рускихъ); у другихъ народовъ она подѣ именемъ Карнаваловъ является въ другія времена года; но о *Масляницѣ* будемъ говорить въ своемъ мѣспѣ. Такъ все измѣнилось. Впрочемъ Авсень (у Малороссіанъ Авсеникъ, Авсенчикъ), Коляда (пригошвление къ *ладу*) и многіе древніе свяшочные обряды еще въ самыхъ яркихъ краскахъ сохраняются между Рускою чернью и особенно въ селахъ.

М. Манаровъ.

А л ь б о м ь .

„Ариеметическая Эпистола, найденная на гробницѣ Бенжамена Конспана“ — такъ начинается не большая сшашья въ одномъ Французскомъ журналѣ; далѣе сказано въ сей сшашьѣ: „*Кабинетъ Чтенія* извѣщаетъ о слѣдующей эпиграфѣ, копорая въ то время, когда царствовала *Французскій Меркурій* съ своими логгрифами, акроспихами и шарадами, вѣроятно, сосшавила бы свою форшуну.

Ci-git qui combattit avec son sens comm	1
L'empire et les Bourbons, et les vainquit tous . . .	2
Des pouvoirs réunis sous le nombre de	3
Il adopta l'esprit sous un fils d'Henri	4
Mais il se déclara l'ennemi d'Henri	5
Sur le banc des ministres il se serait as	6
Car il aurait été le plus digne des	7
Mais la mort le surprit, en Décembre le	8
Cherchant la liberté comme en quatre-vingt	9
Passant, pour son repos dis un <i>de profun</i>	10.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

К ъ О * В * М * * * .

Я не забыль твоихъ очей,
 Ни ножки, сложенной Зефиромъ,
 Ни стана Гебы, ни кудрей —
 Клянусь тобой, моимъ кумиромъ!
 Я помню время, какъ душой
 Была ты общаго веселья;
 Всѣ увлекалися тобой
 Въ попокъ живаго наслажденья.

Тебѣ тогда я посвящаль
 Поклонъ, пошупленные взоры,
 Быть можешь, вздохъ; за то блисталь
 Твой взоръ, какъ лучъ златой Авроры.
 Но языка очей швоихъ
 Не могъ понять — языкъ небесный!
 Уже ли былъ и для другихъ
 Онъ шой же шайною чудесной? . . .
 Мнѣ не забышь швоихъ очей,
 Ни ножки, сложенной Зефиромъ,
 Ни стана Гебы, ни кудрей —
 Клянусь шобой, моимъ кумиромъ!

А. Никитинъ

Р а з г о в о р ъ.

„Вотъ переводчикъ Филокшета.“ —
 Гдѣ? „Вотъ.“ — Не уже ли? „Безъ шутокъ.“ — Какъ?
и эша
 Фигура выдаетъ себя намъ за поэта!

К О Р Р Е С П О Н Д Е Н Ц И Я.

П и с ь м о к ъ п р і я т е л ю.

Прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ къ тебѣ, не говорилъ съ шобою о жипшѣ - бышѣ нашемъ въ Вяжкѣ. Ты спросишь: „Почему?“ и едва ли дожدهшься отвѣша: пошому. . . . пошому. . . . — Блаженъ шощъ край, щасплива ша шпрана, гдѣ люди умѣють цѣнишь шпаранія и угожденія добраго Начальшва — чшобъ одушевишь, привешши въ одно общее всѣхъ, сосшавляющихъ кругъ свѣпскаго знакомшва! Мнѣ кажется, чшо если бы я могъ перешать всѣмъ свой образъ мыслей, свои чувшва;

по всё бы единодушно радовались и въ полной мѣрѣ взвѣшивали доброту и неусыпныя попеченія Е. Е. Р., съ которыми онъ всегда заботился объ общемъ удовольствіи. Между тѣмъ, при случившемся свободномъ времени, я спѣшу описать шебъ одинъ изъ нашихъ лѣтнихъ праздниковъ; и такъ выслушай.

Соскучившись зимнимъ временемъ, мы съ неперпѣніемъ ожидали лѣта, живо воображая всю прелестъ оживающей Природы. Но какъ не вѣрны наши надежды! Наступило лѣто, и принесло съ собою — продолжительныя непогоды. Уже Май былъ на исходѣ; а спеда мы еще не видали. Цѣлый день сыпался мѣлкій дождичекъ и рѣзкій, холодный вѣсперь гналъ по небу легіоны темныхъ облаковъ. Уныло всё сидѣли дома, и не могли дождашься красныхъ дней.

Медленно прошелъ суровый Май и съ первыми числами Іюня Природа, какъ проснувшаяся красавица, тихо открыла свои ясныя очи и устремила на землю взоры веселые. Солнце покапилось по голубому небу во всей пышности; на свѣтлыхъ водахъ опразились прибрежныя деревья; пшички выпорхнули изъ гнѣздъ и огласили роши пѣніемъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ начались наши прогулки въ полдень на высококомъ берегѣ рѣки, а вечеромъ по улицамъ и въ загородномъ саду.

Между тѣмъ Е. Е. Р., увлекаемый желаніемъ доставить знакомымъ своимъ удовольствіе, давно задумалъ о сельскомъ праздникѣ: найдено на берегу рѣки прекрасное нагорное мѣсто; тамъ устроены шалашъ, пригошовлены разныя пріятныя занятія, снаряжены шлюбки; и всё это было тайна, которой не зналъ никто.

Наканунѣ 19 Іюня, Е. Е. предложилъ сдѣлать за городомъ пикникъ. Всѣ обрадовались и начали приготавливаться. На другой день, въ воскресенье, рано ушромъ покатались за городъ шелеги, нагруженные съѣснными припасами и посудой; а въ 11 часовъ зала въ домѣ Е. Е. была полна гостей. Послѣ легкой закуски, дамы въ коляскахъ, а мужчины пѣшкомъ отправились къ рѣкѣ, гдѣ насъ ожидала небольшая флотилія. На шлюбокѣ, назначенной для дамъ, гребцы были въ полукафшанахъ и въ шляпахъ съ лентами, а на двухъ другихъ въ красныхъ рубашкахъ. Когда всѣ усѣлись, по пѣсельники, въ особой лодкѣ, грянули свою обычную пѣсню: *Внизъ по матушкѣ по Волгѣ*; кормовые вскрикнули: *отваливай!* — и шлюбки поплыли внизъ по рѣкѣ Вяшкѣ, качаясь на волнахъ, вздымаемыхъ попутнымъ вѣтромъ. По приближеніи къ назначенному мѣсту, издали слышалось пѣніе — и вопъ изъ пролива, раздѣляющаго посрединѣ рѣки два острова, медленно подвигалась къ намъ на встрѣчу большая лодка съ поселянками въ праздничныхъ нарядахъ.

Шлюбки наши одна за другою вошли въ сей самый проливъ, и глазамъ нашимъ представилась довольно высокая гора, на которой стояла раскрашенная палатка, съ развѣвающимся флагомъ. У самой пристани — колонна съ надписью: *Милости просимъ*. Въ палаткѣ находилась закуска, обѣденный же столъ былъ накрытъ въ шалашѣ. По восходѣ на гору, всѣ занялись обзорѣніемъ прекраснаго мѣстоположенія и вскорѣ собрались къ обѣду. Трапеза не обременялась излишествомъ и не имѣла недостатка; не было дорогихъ винъ, но сохерны и другія изъ среднихъ не менѣе услаждали

вкусъ. Во время сполы попеременно играла музыка и гремѣли пѣсельники. Шутки и шарды лились рѣкою, и доставляя удовольствіе и смѣхъ, не дали примѣшншь, что уже прошло при часа. Послѣ кофе молодыя дамы и съ ними молодые кавалеры разсыпались по лѣснымъ пропинкамъ; другіе съли за каршы, или забавлялись играми креспьянскихъ мальчиковъ, и смотрѣли на пляски поселянокъ, собравшихся на прошивулежацій островъ.

Въ 7 часовъ вечера, послѣ мороженаго, Е. Е. предложилъ всѣмъ идти съ нимъ прогуливаться. Занятые разговорами, мы непримѣнно спустились къ рѣкѣ, потомъ поднялись на холмъ, и въ небольшомъ лѣсочкѣ увидѣли искусственную мѣльницу, передъ копорою была аванъ - сцена, а прошивъ нея — ряды скамеекъ. Всѣ удивились и опшвсюду слышалось: „Не уже ли здѣсь будешь шеапръ! . . .“ И въ самомъ дѣлѣ Е. Е. пригото- виль въ *сюрпризѣ* представленіе оперы *Мѣль- никъ*. Надобно сказать, что выборъ пѣсы со- опшвѣшшвоваль и мѣспу, и случаю; ибо холмъ былъ покрытъ народомъ, спекшимся изъ ближнихъ селеній. Изумленные поселяне не знали мѣры удовольствію: шо занимала ихъ музыка, шо наряды дамъ, шо представленіе, сходное съ своими нравами — и *дѣти природы* никакъ не вѣрили, чтообъ ссора акперовъ была не *вправду*. По окончаніи спектакля всѣ возвратились назадъ и послѣ чая пили за здоровье любезнаго хозяина, споль много пекущагося объ удовольствіи обще- ства. Въ сіе время было пущено нѣсколько ра- кешъ и одинъ изъ гостей опъ лица всѣхъ прису- шшвовавшихъ поднесъ Е. Е. слѣдующіе стихи:

Блаженъ, кто съ искреннимъ участьемъ
Живешь для радости другихъ;

Кто весель ихъ весельемъ, щастьемъ;
 Кто вѣмъ пожертвуетъ для нихъ!
 Такъ ты, добру по сердцу вѣрной,
 Желаетъ насъ одушевить
 Любовію нелицемѣрной, —
 Союзомъ дружбы оградить!
 Исполнилъ ты свои желанья:
 Здѣсь насъ для радости собралъ
 И наши рѣдкія свиданья
 Въ одно прекрасное слялъ.
 Благодаримъ тебя душою
 За пѣвой усерднѣйшій призывъ:
 Мы веселы всегда съ тобою;
 Будь съ нами ты всегда щастливъ!

Между пѣмъ время приближалось къ 11 ча-
 самъ и гости по узкой пропинкѣ черезъ густой
 лѣсъ пришли на поле, на которомъ стояла но-
 вая палатка, а передъ нею также ряды скамеекъ:
 здѣсь было мимическое представленіе — *Смерть*
Роцебу, пріятно занявшее насъ на полчаса.
 Послѣ того всѣ оправились къ ближайшей де-
 ревь, у которой дожидались экипажи, и всѣ
 исполненные чистѣйшаго удовольствія, поѣха-
 ли домой.

Таковъ былъ нашъ сельскій праздникъ, укра-
 шенный дружествомъ и веселіемъ. Жизнь на-
 ша крапка, а щастіе въ ней еще короче. Не
 много дано намъ въ удѣлъ радостныхъ дней —
 и скажемъ съ признапельностію, что сей день
 будетъ всегда памятенъ сердцу и по воспомина-
 нію о хозяинѣ, и по всеобщему удовольствію.
 При семъ случаѣ не вольно сдѣлаешь замѣчаніе,
 что единодушіе — истинный источникъ обще-
 ственнаго благосостоянія; ибо тогда пріятное
 для одного становится пріятнымъ для всѣхъ.
 Гдѣ болѣе однообразія въ мыслямъ и желаніяхъ;

гдѣ другъ къ другу хриняшъ прямое уваженіе; гдѣ смѣлость обращенія украшена воспитаніемъ и правилами: памъ жизнь веселѣе, любовь ближе къ сердцу, дружество шѣснѣе и радушіе очевиднѣе.

Алексѣй Емичевъ, житель Вятки.

29 Іюня, 1832.

Вятка.

П а р и ж с к і я м о д ы.

Свадебные наряды отличаются нынѣ отъмѣнною простотою, принадлежащею къ хорошему вкусу. Недавно мы видѣли свадебный нарядъ, состоящій изъ тюлеваго рендегота, вышитаго и подбитаго бѣлою обьярью. Спереди нѣсколько баншовъ; двойная пелерина съ зубцами вокругъ; четвероугольный оплажной воротничокъ оставлялъ большую часть шеи открытою. На головѣ вуаль была расположенъ такъ, что составлялъ какъ бы оборку чепчика, упавшую на вѣнокъ изъ померанцовыхъ цвѣтовъ (*fleurs d'oranges*), надѣтый полукружіемъ очень близко ко лбу.

— Другой свадебный нарядъ состоялъ въ платьѣ изъ Англійскаго кружева, съ длинными рукавами; не смотря на свою пышность, сей нарядъ отличался какою-то простотою. Шитье, колоннами, идучи отъ пояса до рубца, постепенно расширяется; кружевный вуаль былъ расположенъ довольно низко, въ полугреческой причeskѣ. Вѣнокъ блѣдно-розовыхъ розъ, безъ листьевъ, перемѣшивался съ померанцовыми цвѣтами, и былъ надѣтъ ко лбу на гладкихъ волосахъ.

Изъясненіе картинки при семь No.

Платье гроденаплевое; шляпка изъ пальдери. Платье дяшяши батистовое.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечашаніи, были предшавлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Августа 14 го дня, 1832 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П Р О З А.

Предразсудки.

Въ нашемъ просвѣщенномъ вѣкѣ мы видимъ многихъ съ жаромъ воспевающихъ прошивъ предразсудковъ. Они прошивны каждому и каждый желалъ бы испребить ихъ въ другомъ, полагая, что онъ сего порока чуждъ, тогда какъ и самъ зараженъ имъ.

Какъ часто случается намъ, при доброй и образованной душѣ, по неосмотрительности, или слѣдуя предразсудку, впасъ въ заблужденіе! Какъ мы часто печаливали и огорчали пренебреженіемъ шѣхъ, копорыхъ надлежало бы почшить и уважить! Сколь ничтожнымъ представляемъ мы въ своемъ воображеніи слово *нищій*, а напро-

пивъ, какого рода почщеніе возбуждается въ насъ при словъ: *богачь!* Кто ни говори, что онъ опъ подобныхъ предразсудковъ свободенъ, но пусть только сцена перемѣнится; пусть судьба того же богача облечетъ въ рубище — и онъ пошчасъ содѣлается предметомъ нашего презрѣнія; всѣ изъявленія прежняго почщенія и уваженія исчезнутъ, какъ метеоръ.

Пусть знашный человекъ вспуишь въ супружество съ такою женщиною, кошорая ниже его состояніемъ, кошорая не имѣла никакого воспианія и не одарена никакими хорошими качесвами; но какъ скоро она явишся въ свѣтѣ съ блескомъ своего новаго состоянія: по всѣ обращашъ на нее вниманіе; всякой поспѣшишь заслужишь ея ласки; спануть удивляшся ея красотѣ, паланшамъ, и покажешся, что въ самомъ дѣлѣ она обладаетъ всѣми достоинствами.

»Эшой модѣ я подражать не буду; она не хороша и не удобна; ее изобрѣла только одна испощенная фаншазія“ — такъ часпо говоримъ мы; но вскорѣ пошомъ переходимъ на спорону эшой моды, одѣваемся подобно шѣмъ, надъ кошорыми недавно смѣялись, и находимъ эшу же моду прекрасною; шупимъ надъ прежнимъ покроемъ нашихъ плашьевъ, и вмѣстѣ съ модою перемѣняешся и воображеніе наше.

Слыша о комъ нибудъ, что онъ разврашный человекъ, мы уже и признаки развраша чипаемъ на лицѣ его, а особливо когда къ сужденію нашему присовокупишся еще личная ненависть.

Когда въ какомъ - либо небольшомъ городѣ насъ приглашаетъ къ себѣ живущій тамъ пышно и роскошно : какъ это удивляетъ насъ ! Всѣ мебели и вещи въ домѣ его кажутся намъ удивительными ; все находимъ превосходнымъ. Приѣзжаемъ въ столицу и спустя нѣкопоре время опять возвращаемся въ тотъ же городъ и въ тотъ же домъ : какое превращеніе ! все уже пусть обыкновенно ; ничто уже насъ не удивляетъ , ничто не занимаетъ , хотя все здѣсь по же , что и было , безъ малѣйшей перемѣны.

Видимъ молодыхъ дѣвушекъ ; одна изъ нихъ прелестнаго лица , сиройной палии , и необыкновенной ловкости : пошчасъ заключаемъ , что она должна быть извѣстной фамилии ; но говоря намъ , что это сиротка , не имѣющая никакой собственности — и въ ту же минуту какое-то невольное чувство заславляетъ насъ . . . не находишь уже въ ней того , что за минуту передъ тѣмъ находили съ такимъ удовольствіемъ.

Видимъ входящую въ общество незнакомую женщину . Одежда ея , скромная и со вкусомъ , вмѣстѣ съ красошою лица обращаетъ на себя всѣ взоры ; мужчины бѣгають за нею ; женщины шепчуть одна другой на ухо , спрашивая съ любопытствомъ , кто это ? наконецъ узнають и говоря пономъ сожалѣнія , что она недавно пріѣхала изъ деревни , и что по случаю смерти родителей своихъ и потерѣ имѣнія будетъ жить въ городѣ у родственниковъ на ихъ содержаніи . Любопытство превращается въ пересуды : женщины заблаговременно выводятъ ея родословную ; замѣчаютъ , что бѣдная сирота одѣвается не

по соспоянію, что она должна бытъ въ обществѣ смиреннѣе и боязливѣе. Окружающій ее рой молодёжи до шѣхъ поръ преслѣдовалъ ее, пока не узналъ о ея бѣдности, и рѣдкій изъ нихъ не сказалъ: „Жаль, что такъ хороша и ничего не имѣешь.“

Молодой человекъ, прекрасный собою, являлся въ залъ, гдѣ общество собирается къ панцамъ: всѣ любопытствуютъ знать, кто онъ таковъ; по нѣкоторомъ времени доходишь со общаго свѣдѣнія, что отецъ его не богатый, но трудолюбивый человекъ; въ сынъ оказалось дарованіе, и одинъ ученый при Университетѣ не имѣя собственныхъ дѣшей, взялъ его къ себѣ, воспиталъ и образовалъ; теперь молодой человекъ содержишь собственными трудами себя и мать свою. Сія роковая вѣспь охладилла все собраніе, въ которомъ молодого человека уже не замѣчаютъ. — Дѣвушка, панцовавшая съ нимъ и думавшая, что онъ изъ хорошей фамиліи, съ обидною вѣжливостію удаляется отъ него, и уже не видишь въ немъ шѣхъ достоинствъ, которыхъ видѣла сначала. Сначала незнакомецъ былъ приглашенъ въ первую пару, а теперь едва и въ тридцатой имѣешь мѣсто, и развѣ кто изъ сожалѣнія промолвишь къ нему слово.

Къ прогуливающимся дамамъ, въ окрестностяхъ В***, подходитъ бѣдная женщина, держа на одной рукѣ пощее, въ рубище завернутое дыша, а въ другой узелокъ всего своего имущества, и просишь милоспныни; на вопросъ: опкуда идешь, и кто она? отвѣчаешь, что мужъ ея въ послѣднее время убишь. „Оспавшись съ младен-

цемъ безъ всякаго состоянія ,“ говоритъ нещасная „иду къ роднымъ , въ надеждѣ имѣшь у нихъ пристанище.“ Одна изъ дамъ , будучи пронупа ея положеніемъ , сказала : „Если бы не ребенокъ , то я могла бы взяшь себя къ себѣ въ какую нибудь должность.“ Ахъ ! сударыня ! — сказала бѣдная женщина , проливая горькія слезы — эшошь ребенокъ соспавляешъ все мое ушѣшеніе , напоминая мнѣ шого , копорого я любила болѣе жизни ! — и съ эшимъ словомъ нѣжно поцѣловавши ребенка , пошла въ пушь свой . „Какъ можешъ она цѣловашъ безъ опвращенія эшаго блѣднаго , шощаго и въ шакихъ рубищахъ ребенка ?“ воскликнула одна изъ дамъ .

Милосшивая государыня ! пусть эшо самое дшя будешъ поднесено вамъ въ богато - убранномъ плашьѣ ; шогда каждая изъ васъ вѣрно скажешъ , что шакой прекрасной малюшки въ жизни своей не видала .

Подобные примѣры , а болѣе всего познаніе собшвеннаго своего сердца и сокровенныхъ въ немъ недосшашковъ да научашъ насъ бышь снисходительными къ слабосшямъ и ошшибкамъ , всякому изъ насъ свойшвеннымъ , внимательными къ себѣ и да удержашъ опъ шѣхъ пересудовъ , копорые очень часто заспавляютъ насъ краснѣшья даже и безъ свидѣтелей !

(Съ Польскаго изъ сочиненій Богушевича.)

Антоній Шиланскій.

3 Марша 1832.

Ромны.

П а р и ж ъ.

Парижъ! городъ очарованій, гдѣ взоръ — судья, гдѣ наружность — царица; гдѣ красота въ ловкости, поведеніе въ приемахъ, умъ въ хорошемъ вкусѣ; гдѣ приязанія измѣняютъ естественность вещей; гдѣ самый оплчный человѣкъ спыдится своихъ первоначальныхъ качествъ и усиливается подражать совершенно противоположнымъ свойству его; гдѣ жизнь — продолжительная борьба между характеромъ врожденнымъ и характеромъ принимаемымъ; гдѣ каждый безпрестанно прищворщвуешь; гдѣ глубокой умъ хочеть бытъ легкимъ, а легкой педанскимъ; гдѣ каждый живеть другими при собственномъ богатствѣ, подражаетъ тому, кто его копируетъ, и часто беретъ въ займы нарядъ, у него же украденный. Городъ великихъ дурачествъ и невинныхъ лукавствъ! никто не можеть войти въ свою ограду безъ того, чшобы не раздѣлишь съ шобою швоего сумазбродства, и не подвергнуться всѣмъ превращеніямъ суешности, щеславія и безразсудности!

(Изъ Le Lorgnon.)

А л ь б о л ь .

Опъѣздъ Альфонса Ламаршина на Воспокъ служить предметомъ всеобщихъ разговоровъ и модною новостью въ Парижѣ. Ламаршинъ ѣдетъ съ женою, успешно занимающеюся искусствами и липперашурою, и съ десяти-лѣтнею единственною дочерью, Юліею; сверхъ того имѣетъ еще прехъ спутниковъ, между копорыми находится Евгений Сю, извѣстный своими липперашурными произведеніями, и одинъ изъ ученѣйшихъ докторовъ въ Сѣверныхъ Департаментахъ. Они направляють путь свой сперва къ Константинополю, и къ прекраснымъ берегамъ Босфора и Сиріи; достигнувъ Иерусалима, Ливана, Пальмиры и Бальбека, если допустятъ Арабы; опшуда опсправятся въ Египеть вверхъ по Нилу до Фивъ, и будутъ предпринимать по пустынямъ любопытныя спранспованія. Ламаршинъ увидитъ пирамиды, Дандерахъ, и проч. Онъ проведетъ зиму въ Смирнѣ; весною пустится снова въ море, объѣдетъ оспрова Архипелага, Грецію, Мальшу и Сицилію, и Адриатическимъ моремъ приплыветъ въ Венецію.

„Вопъ планъ моего опважнаго путешествія,“ говоритъ самъ Ламаршинъ; „вѣроятно, я не буду описывать его; посѣщаю сей обшир-

„ный театръ священныхъ и полипическихъ происшествій древняго міра для того , чшобъ искашь шамъ вдохновеній ; и если поэзія найдешъ „для себя новыя впечатлѣнія, по я заключу ихъ „въ мысляхъ , чшобы попомъ озарить ими нѣ- „сколько лишперашурную будущность свою.“

Г-нъ Ламаршинъ оспановился на нѣкопоре время въ Мерсель , и былъ принятъ въ семь городъ со всѣми почестями , которыя заслуживаетъ чистымъ и высокимъ талантомъ своимъ. Ламаршинъ воздалъ сему благородному гостепріимству пишическимъ *прощаньемъ*.

A d i e u.

Si j'abandonne aux plis de la voile rapide
Ce que m'a fait le ciel de paix et de bonheur ;
Si je confie aux flots de l'élément perfide
Une femme , un enfant , ces deux parts de mon coeur ;
Si je jette à la mer , aux sables , aux nuages
Tant de doux avenirs , tant de coeurs palpitans ,
D'un retour incertain sans avoir d'autres gages
Qu'un mât plié par les autans ;

Ce n'est pas que de l'or l'ardente soif s'allume
Dans un coeur qui s'est fait un plus noble trésor ;
Ni que de son flambeau la gloire me consume
De la soif d'un vain nom plus fugitif encor ;
Ce n'est pas qu'en nos jours la fortune du Dante
Me fasse de l'exil amer manger le sel ,
Ni que des factions la colère inconstante
Me brise le seuil paternel.

Non, je laisse en pleurant, aux flancs d'une vallée,
 Des arbres chargés d'ombre, un champ, une maison
 De tièdes souvenirs encor toute peuplée,
 Que maint regard ami salue à l'horizon.
 J'ai, sous l'abri des bois, de paisibles asiles
 Où ne retentit pas le bruit des factions,
 Où je n'entends, au lieu des tempêtes civiles,
 Que joie et bénédictions.

Un vieux père entouré de nos douces images
 Y tressaille au bruit sourd du vent dans les créneaux,
 Et prie, en se levant, le maître des orages
 De mesurer la brise à l'aile des vaisseaux ;
 De pieux laboureurs, des serviteurs sans maîtres,
 Cherchent du pied nos pas absents sur le gazon,
 Et mes chiens au soleil couchés sous ma fenêtre,
 Hurlent de tendresse à mon nom.

J'ai des soeurs qu'allaita le même sein de femme,
 Rameaux qu'au même tronc le vent devait bercer ;
 J'ai des amis dont l'ame est du sang de mon ame,
 Qui lisent dans mon oeil et m'entendent penser ;
 J'ai des coeurs inconnus, où la muse m'écoute ;
 Mystérieux amis à qui parlent mes vers,
 Invisibles échos répandus sur ma route
 Pour me renvoyer des concerts !

Mais l'ame a des instincts qu'ignore la nature,
 Semblables à l'instinct de ces hardis oiseaux
 Qui leur fait, pour chercher une autre nourriture,
 Traverser, d'un seul vol, l'abîme aux grandes eaux.

Que vont-ils demander aux climats de l'aurore ?
 Nont-ils pas sur nos toits de la mousse et des nids ?
 Et des gerbes du champ que notre soleil dore,
 L'épi tombe pour leurs petits.

Moi, j'ai comme eux le pain que chaque jour demande,
 J'ai comme eux la colline et le fleuve écumeux ;
 De mes humbles désirs la soif n'est pas plus grande,
 Et cependant je pars et je reviens comme eux !
 Mais comme eux vers l'aurore une force m'attire,
 Mais je n'ai pas touché de l'oeil et de la main
 Cette terre de Cham, notre premier empire,
 Dont Dieu pétrit le coeur humain.

Je n'ai pas entendu dans les cèdres antiques
 Les cris des nations monter et retentir,
 Ni vu du haut Liban les aigles prophétiques
 S'abattre au doigt de Dieu sur les palais de Tyr ;
 Je n'ai pas reposé ma tête sur la terre
 Où Palmyre n'a plus que l'écho de son nom,
 Ni fait sonner au loin sous mon pied solitaire
 L'empire vide de Memnon.

Je n'ai pas entendu du fond de ses abîmes
 Le Jourdain lamentable élever ses sanglots,
 Pleurant avec des pleurs et des cris plus sublimes
 Que ceux dont Jérémie épouvanta ses flots ;
 Je n'ai pas écouté chanter en moi mon ame
 Dans la grotte sonore où le barde des rois
 Sentait au sein des nuits l'hyme à la main de flamme
 Arracher la harpe à ses doigts.

Et je n'ai pas marché sur des traces divines
 Dans ce champ où le Christ pleura sous l'olivier ;
 Et je n'ai pas cherché ses pleurs sur les racines
 D'où les anges jaloux n'ont pu les essuyer !
 Et je n'ai pas veillé pendant des nuits sublimes
 Au jardin où, suant sa sanglante sueur ,
 L'écho de nos douleurs et l'écho de nos crimes
 Retentirent dans un seul coeur.

Et je n'ai pas couché mon front dans la poussière
 Où le pied du Sauveur en partant s'imprima ,
 Et je n'ai pas usé sous mes lèvres la pierre
 Où , de pleurs embaumé , sa mère l'enferma ;
 Et je n'ai pas frappé ma poitrine profonde
 Aux lieux où , par sa mort conquérant l'avenir ,
 Il ouvrit ses deux bras pour embrasser le monde ,
 Et se pencha pour le bénir.

Voilà pourquoi je pars , voilà pourquoi je joue
 Quelque reste de jours inutile ici-bas.
 Qu'importe sur quel bord le vent d'hiver secoue
 L'arbre stérile et sec et qui n'ombrage pas !
 L'insensé ! dit la foule. — Elle - même insensée !
 Nous ne trouvons pas tous notre pain en tout lieu :
 Du barde voyageur le pain c'est la pensée ;
 Son coeur vit des oeuvres de Dieu !

Adieu donc, mon vieux père, adieu, mes soeurs chéries,
 Adieu, ma maison blanche à l'ombre du noyer,
 Adieu, mes beaux coursiers oisifs dans mes prairies,
 Adieu, mon chien fidèle, hélas ! seul au foyer !

Votre image me trouble et me suit comme l'ombre
De mon bonheur passé qui veut me retenir ;
Ah ! puisse se lever moins douteuse et moins sombre
L'heure qui doit nous réunir !

Et toi terre , livrée à plus de vents et d'onde
Que le frêle navire où flotte mon destin !
Terre qui porte en toi la fortune du monde ,
Adieu ! ton bord échappe à mon oeil incertain !
Puisse un rayon du ciel déchirer le nuage
Qui couvre trône et temple et peuple et liberté ,
Et rallumer plus pur sur ton sacré rivage
Ton phare d'immortalité !

Et toi , Marseille , assise aux portes de la France ,
Comme pour accueillir ses hôtes dans tes eaux ,
Dont le port sur ces mers , rayonnant d'espérance ,
S'ouvre comme un nid d'aigle aux ailes des vaisseaux ,
Où ma main presse encor plus d'une main chérie ,
Où mon pied suspendu s'attache avec amour ,
Reçois mes derniers vœux en quittant la patrie ,
Mon premier salut au retour !

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

С о ж а л ь н ы е .

Какъ жаль мнѣ , что судьба въ *Никольскомъ*
 Меня не допусшила бышь !
 Тамъ могъ бы *сердцемъ я пожить* :
 А на пупи юдольномъ скользкомъ
 Такъ рѣдко удаешся намъ
 Веселье , сердцу безъ измѣны !
 Въ Никольскомъ былъ , мечшаю , храмъ
 И Талии , и Мельпомены :
 Гдѣ ты (*) , шамъ Музы , Аполлонъ
 И Граціи всегда съ тобою ! . . .
 Но какъ же и онѣ , и онѣ
 Осирошѣли вдругъ душою ,
 Умомъ и сердцемъ въ храмъ помъ ,
 Гдѣ ты былъ ревностнымъ жрецомъ !
 Такъ ! *дѣло мастера боится* !
 Въ театрѣ нынѣ я боюсь ,
 Чшобъ *сплнномъ* мнѣ не заразишься —
 Ужасной скукою помлюсь ,
 И сожалѣю . . . но въ *Никольскомъ*
 Надѣюсь , рано-ль , поздно-ль , бышь —
 И о пупи юдольномъ скользкомъ
 Въ объяшьяхъ нѣги позабышь !

Сокольники.

(*) Хозяинъ села Никольскаго.

КЪ ПОРТРЕТУ П. М. ЗОЛОТАРЕВА,
Полученному мной отъ внуковъ его.

Мужей великихъ взоръ для насъ
Есть наилучшая бесѣда!
Вотъ , внуки ! образецъ для васъ :
Во всемъ достойны будьте дѣда !

КЪ СОСѢДКЪ.

*При посылкѣ водевиля : Встрѣча
въ гавани.*

Вотъ новый водевиль сосѣдкѣ - Филомелѣ.
Быть можеть , онъ ее найдетъ
Съ мечшаньями — еще въ посшелѣ ;
Быть можеть , приведетъ
На память сердца гавань счастья ,
Откуда вскорѣ вихрь ненастья
Умчитъ блаженныхъ дней ладью
Въ безбрежный Океанъ печали ! . . .
Ахъ ! если бы мнѣ Музы дали
Волшебный талисманъ , которымъ бы свою
Ушѣшишь могъ я Филомелу ,
И въ грудь ея осиротѣлу
Излить спокойствія бальзамъ :
Какъ былъ бы щастливъ самъ !

Это онъ , или недовольдомый.

Метафизическихъ стиховъ
 Изобрѣшатель нашъ спалъ громокъ !
 Они все сошканы изъ *сновъ* ,
 Изъ *звѣздосекъ* и *незнакомокъ* ,
 И шкучся сряду десяшь лѣшь —
 И тонко такъ , какъ паушина ;
 Таинственны , какъ лунный свѣшь ,
 Иль какъ закрышая картина . —
 Художникъ окружилъ спанокъ
 Своихъ издѣлій облаками ,
 И шамъ , какъ непостижный рокъ ,
 Играешь бренными умами

М о л ч а н і е .

Тирсъ такъ молчишь краснорѣчиво ;
 Что должно-бъ провеспи ему
 Въкъ цѣлый молчаливо —
 Изъ уваженія къ уму.

С ѣ т о в а н і е .

Какъ не надолго , о любовь !
 Твои восторги , упоенье
 Волнуюшь сердце , душу , кровь !
 Еще одно — одно мгновенье ,
 И мы спокойны , хладны вновь !

П а р и ж с к і я л о д ы .

Прекраснѣйшія шали нынѣ изъ Индійской кисеи, вышитыя цвѣтнымъ шелкомъ. Мы видѣли одну шаль этого рода съ Турецкими пальмами вокругъ, зеленого, золотого и чернаго цвѣта: эта смѣсь цвѣтовъ ошмѣнно красива.

— Соломенные прозрачныя шляпки на всѣхъ дамахъ — ошъ самой знашной до самой послѣдней. Но между тѣмъ замѣчено, что шляпки изъ Испальянской соломы, сшитой, предпочитаются имъ.

— Шляпки - капоты изъ бѣлаго крепа, обшитыя рюшемъ изъ блондоваго тюля (*tulle - blonde*), надѣваюшя по ушрамъ. Подъ сими шляпками маленькій чепчикъ, также съ рюшемъ, окружающимъ лицо. Волосъ невидно совѣмъ.

— Колокольчики розовые или голубые преимущественно употребляются на шляпки.

— Дѣлаются маленькіе ушренніе чепчики, называемые *à l'anglaise*. Они батистовые, ошдѣлываются тюлевымъ рюшемъ съ двойными петельками и похожи на дѣтскіе чепчики.

И з љ а с н е н і е к а р т и н к и п р и с е л ь N o .

Прическа, убранная натуральными цвѣтами. Пеньюаръ изъ органди. Плашье подъ низомъ гроденаплевое.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по ошпечапаніи, были представлены въ Ценсурный Комитетъ при экземплярѣ. Москва. Августа 22 го дня, 1852 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

Леопольдъ Спенсеръ.

Знаменишые скульпшоры и живописцы собрались однажды у г-жи Фелицины; спали говорить о монументѣ для Даншовой гробницы, на сооруженіе котораго Папа вызывалъ художниковъ. Какой славный предметъ для разсужденій!

Ученѣйшые подавали свое мнѣніе прежде другихъ. „Надобно,“ говорили они „чшобы поэтъ Флореншинскій стоялъ увѣнчанный звѣздами, съ книгою въ рукахъ, между Ишалиею, вручающею ему мечъ; и Поэзіею, подающею ему пальму.“

Эша мысль найдена превосходною.

Другіе находили, что приличнѣе представишь Данша сидящимъ, и что поэмы не имѣ-

юшь привычки работамъ споя. И пакъ не лучше ли, чѣмъ онъ сидѣлъ въ Академическихъ креслахъ ?

Но одинъ замѣнилъ неудобность представитъ Поэта съ книгой въ рукахъ, ибо сія книга должна быть или его произведеніе, или сочиненіе другаго. Сіе послѣднее обстоятельство неприлично споль славному Поэту ; а въ первомъ случаѣ поспраждешъ скромность знаменишаго Автора.

Всѣ нашли это замѣчаніе весьма справедливымъ. Чѣмъ же замѣнилъ книгу въ рукахъ Данша ?

Лирою, арфою, опивѣчали иные ; шрубою Славы, говорили другіе.

Но какъ всѣ предлагали свои инструмен-ты, то каждый доказывалъ преимущество своего.

Спенсеръ молчалъ во время всего эшаго разговора. „Нѣтъ ли въ жизни Поэта какой - либо черты, кошорая бы живо оказывала весь характеръ его?“ сказалъ наконецъ Спенсеръ : „Даншъ былъ писатель, воинъ и богословъ. Если онъ не могъ поддержать своего доказательства мечемъ ; то спихъ, раскаленный въ пылкомъ умѣ его, производилъ еще бѣльшее дѣйствіе.

„Слушайте !

„Даншъ, упомяенный однообразіемъ своихъ вдохновеній, волненіемъ Гельфовъ и Жибелиновъ, хотѣлъ возбудить въ себѣ чувство, совершенно новое. Ни нѣжныя ласки его Беаприксы, ни блескъ Флореншинскаго солнца не могли довольно сильно попрясти воображеніе Поэта ; онъ хотѣлъ испышать шу любовь, кошорою наслаж-

даюся на небѣ, и спраданія, какія могушь бышь въ адѣ: на землѣ онѣ чувствовалъ себя такъ далеко отъ сихъ мысленныхъ ощущеній. Одинъ Историкъ говоритъ, будто онъ принялъ споль сильное усыпительное, что имъ овладѣлъ на сорокъ восемь часовъ лешаргическій сонъ. Пробудившись, Даншъ закричалъ: *Я былъ въ адѣ! я видѣлъ его!*

„Для чего не избрать этой минушы, чтобы предсавить нашего Поэта? Какое выраженіе художникъ можеть дать его усыпленнымъ черпамъ, когда ему предсавляется весь адъ! Капаней, проклинаящій небеса, копорые онѣ не можеть видѣшь за пламенемъ; Графъ Уголинъ; опрѣшеннй отъ церкви Менѣруа; Фаринапа, споящій на своемъ гробѣ, ругающійся надо всемъ и ужасающій грѣшниковъ! Какую ужасную поэзію опчаянія рѣзецъ художника начерпишь на судорожныхъ губахъ, въ полуопверспыхъ глазахъ, на воздымающейся груди Поэта! Надобно ли составишь группу; пусшь у ногъ Данша будешъ Беаприкса, ожидающая пробужденія, со слезами и опчаяніемъ. Двѣ минушы въ расположеніи у художника: ша, въ копорую Даншъ видишь адъ; другая, когда пробудившись, онѣ усремляешъ взоръ свой на Беаприксу. Какая удивительная пропивуположностъ между сими двумя лицами: одно, еще исполненное ужаснаго видѣнія; а другое внимательное и прекрасное. Соспраданіе, поэзія, идеаль: все въ этой картинѣ! Скорѣй рѣзецъ! Я извлеку жизнь изъ мрамора.“

Фелицина вспаешъ со гнѣвомъ и дѣлаешъ знакъ, по копорому выводяшь Спенсера изъ дому.

Онѣ опшелъ на двадцать шаговъ, какъ подбѣгаешъ къ нему высокій мущина, блѣдный, съ

Венеціанскою фізіономією; обнимаешь его со слезами и говоришь: „Я слышала твои восшорженные рѣчи, и поняла тебя; ты плакалъ: ты арпися! Великій ваятель! твои движенія влагали жизнь въ мраморъ; я слушала и самъ былъ готовъ одушевить его. Я богата, а ты бѣденъ: прими опять меня эти пятьдесятъ лудоровъ; я завтра ѣду ко двору Тосканскаго Дюка. Прощай, братъ! Я не забуду тебя!“

Спенсеръ не могъ скоро оправиться отъ удивленія. Онъ былъ прогнанъ; но что знаешь сіе маленькое несчастіе въ сравненіи съ тѣмъ щастіемъ, что его поняли! Занятый сими мыслями, онъ идетъ по берегу Тибра, и слышишь, что кто-то утѣшаетъ. Спенсеръ бросается въ воду и вышаскиваетъ — молодую дѣвушку. „Зачѣмъ ты бросилась въ рѣку?“

— Я бѣдна, и потому не могу выдти за любимаго мною человека. —

„Тебѣ нужно приданое?“

— Это единственнае средство. . . . —

„Зачѣмъ ты не объявила этого прежде, чѣмъ рѣшилась утопиться? Надобно было сперва перейти черезъ весь мостъ: можешь спаться, щастіе ожидало бы тебя тамъ. Возьми деньги; выходи за-мужъ; а перваго своего ребенка назови Леопольдомъ, или Марією.“ Сказавши сіе, онъ опдалъ за минушу предъ тѣмъ полученную имъ сумму.

Прошло два года послѣ сего приключенія, и Леопольдъ жилъ на иждивеніи Римскихъ арписовъ. Всякій день на Аннонзіанской площади видѣли его съ собакою. Но потомъ Леопольдъ предался невоздержанію: полько въ винѣ находилъ нѣкоторое утѣшеніе, или лучше ска-

зашь заглупшеніе спраданий и не исполннвшнх-ся надеждъ.

Напослѣдокъ онъ возрпшилсь изъ Рима въ Парижъ, шакъ же, какъ нѣкогда опсправился шу-да — пѣшкомъ. Тогда - шо онъ поклялся бышь блпгоразумнѣе и предаться работѣ. Его бы хва-лили, уважали, и обожаемое имъ искусство, долженспвовавшее усыпашь цвѣпами его моло-доспъ, позлашило бы, по крайней мѣрѣ, его спа-роспъ. Увы! онъ уже соспарѣлся!

Спуспя нѣсколько времени, въ темный Ян-варскій день Спенсеръ умеръ съ голоду на со-ломенной постели своей, и былъ похороненъ городомъ, шо еспъ — брошенъ въ общій ровъ.

Но — ужасный рокъ! — на другой день его смерти приходишь на чердакъ, гдѣ жилъ ар-шиспъ, письмо изъ Венеціи, испещренное печашь-ми разныхъ государспвъ, намѣченное красными, голубыми, черными линеичками, — письмо, заключающее въ себѣ сіи немногія спроки: „Я умираю, и умираю не окончивши моей группы, самаго драгоцѣннаго произведенія своего! Мнѣ говорили о Торвальдсенѣ, но Торвальдсенъ Нѣ-мецъ; онъ имѣетъ геній, но ему недоспааетъ пламенности вашего воображенія; и я опка-заль ему. Въ цѣлой Европѣ вы одни можете достойно окончить мою группу. Спѣшите, Спенсеръ, спѣшите! я умру спокойно!

„Прощай! Брашъ швой — Канова.“

Съ Франц. К — а Н — я Ш — а.

Мысли, характеры и портреты.

„Корысть“ — говоритъ остроумнѣйшая Французская писательница нашего времени, Софія Ге — „корысть, сія проказа (lèpre) нынѣшняго вѣка, постигаетъ насъ при самомъ младенчествѣ, и мы ужасаемся, видя, что крошечныя головки начинаютъ *считать* прежде, нежели *думать*.“ Печальная истина!

*

Можешь ли *процѣтать* Рускій языкъ, когда въ хорошихъ или модныхъ обществахъ рѣшительно не услышишь ни одного Рускаго слова? Эпаго мало: дамы наши *умышленно* переводятъ слово въ слово Французскія фразы, если случится сказать что-нибудь на Рускомъ языкѣ. „Для чего?“ Для того, чтобы, по жалкой суешности, заставить думать васъ, будто *иначе* говоритъ *поруски* не умѣютъ! . . . Даже и мужчины не спыдятся сказать: *я считалъ на васъ*. Даже, наконецъ, писатели не говорятъ между собою въ обществѣ другимъ языкомъ, кромѣ Французскаго, боясь — и не безъ причины — чтобы не почли ихъ за худо-воспитанныхъ.

*

„Карамзинъ спалъ въ первомъ ряду знаменитѣйшихъ испориковъ“ — сказано во Француз-

скомъ журналъ: le Constitutionnel (№ 13, Октябрь) — „его испорія нравился Европѣ; слѣдовашельно будешь нравиться и попомству.“ Но что же Европа и попомство заключить о современныхъ соотечественникахъ Карамзина, желавшихъ очернить славу его? . . .

*

Всего шягоснѣе находишься съ шѣми людьми, ошъ копорыхъ надобно прятать сердце.

*

Архенгольць въ своемъ пушешествіи по Англіи рассказываетъ, что одинъ богатый Лордъ давалъ большія деньги прекрасной Англичанкѣ за дозволеніе расчесывать ея прелестные волосы. — Не похожа ли эша спранность опчасти на то, что мы пресыпаясь изящными образцами поэзіи *минушей*, *теребимъ* языкъ боговъ для немощнаго удовольшвія выражашься *оригинально*, вмѣсто свободнаго и естешвеннаго изліянія чувствъ и мыслей въ словахъ понятныхъ и приличныхъ? . . .

*

Я не жалѣю почти не объ одномъ удовольшвіи въ машерьяльной жизни; ибо нѣтъ почти ни одного удовольшвія, за копорымъ не слѣдовала бы скука, или что-нибудь хуже.

*

Графъ * * * , внукъ знаменишаго дѣда , оказавшаго Царю и ошечеству безсмертныя услуги , говоритъ съ папріюшическою горесью : „Какіе шеперь дворяне ? въ какомъ шеперь состояніи дворянство ? прїѣдешь на бѣгу , увидишь прекрасную лошадь , спросишь : „чьа ?“ и слышишь : *купеческая*. Попадаюшся глазамъ славныя сани , лихая упряжка , богашая папона ; спрашиваешь : „чьи ?“ — *купеческіе*. Все , что ни встрѣпишь опмѣннаго на бѣгу , все — купеческое . Право , больно !“ Хвала и честь *сіятельному* папріюшизму ! . . .

Сокольники.

А л ь б о м ъ .

Мы имѣли удовольствіе получишь , для напечатанія въ своемъ Альбомѣ , слѣдующіе списки , за которые вѣрно поблагодаряшь вмѣстѣ съ нами и *Читательницы* наши .

L e M é t é o r e .

Apollon a frémi sur son char éclatant ;
 De sa tremblante main s'est échappé sa lyre :
 Mercure a dit : Contre toi l'on conspire ;
 Un soleil a paru venu de l'occident .
 Une longue beauté , sous les traits d'un squelette ,
 Vient conduisant ce troupaillon ;
 A ses cotés , la Discorde , en haillon ,
 Déclame en relevant tragiquement la tête ;

Sa bouche exhale une fétide odeur ,
 Et lance un venin homicide ;
 Et les plus fiers ont reculé d'horreur
 A son regard livide.
 Prés d'elle on voit la Trahison ,
 Mille et mille fois détestable ,
 Tenant en lesse une sotte guenon ,
 Qui souffle impudemment le mensonge éffroyable.
 Au second rang , ouvrant un large bec ,
 Regardez cette vieille Pie ,
 Qui bavarde sans fin , qui croit chanter et crie ,
 En faisant des salamalec ;
 Deux autres avec elle ont formés le trio ,
 Qui caquette et médit sans relâche ;
 On prendrait l'une pour Jo :
 Mais Jo , quand elle était vâche ,
 Elle conduit de l'oeil un maigre lévrier ,
 Qui marche en tremblant devant elle ;
 Qui , frappé , queréllé , n'ose pourtant crier ,
 Et lèche son maitre femelle.
 Mais que dire à présent du couple qui les suit ?
 Le mâle ne mords pas , il grogne ,
 Sa femelle , à la taille autrefois si mignone ,
 L'excite au mal , et le rustre obéit ;
 Ils tirent avec peine une victime unique ;
 Honteux comme un vieux renard pris ,
 On voit à son maintien moitié triste et comique
 Le peu de cas qu'il fait de ses nouveaux amis.
 Un jouvenceau qui fuit ce funeste appareil
 Est par eux relancé sans relâche ,
 Il se débat ; on le happe , il se fâche
 Et malgré tous ses cris le voilà fait soleil ;

Arrière a-t-il crié, frémissant de colère
 Et leur montrant du doigt le char de la Raison :
 Vous ne pouvez unir franchise et trahison ,
 Tartuffes impuissants. Entendez - vous arrière ?
 L'arbre du sens commun s'offre sur leur passage ;

Le troupeau s'agite en tous sens ;
 De l'arbre précieux il dédaigne l'ombrage
 Et se trouve privé de l'ombre du bon sens.
 Apollon , en riant , voit ces troupes débiles ,
 „Eh ! quoi ! ce sont là mes rivaux ?
 „Mercure , avec un fouet chasse ces imbéciles !“
 Il dit , croise les bras et leur tourne le dos ;
 Mais assailli , poursuivi , par leur nombre ;
 Il lance sur la tourbe un rayon éclatant :

Le faux soleil disparaît en tremblant
 Et vient humilié se rejeter dans l'ombre ;

L'ombre sourit avec bonté
 Et présente à leurs faces blêmes ,
 Pour les faire rougir d'eux mêmes ,
 Le miroir de la Vérité.

Ce fut pour tous ces foux un douloureux martyr
 Que l'ingénieuse fiction ,
 Car dans la glace on pouvait lire :

LA SÉPARATION.

N * * *

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Р о н д о.

Къ тебѣ спремлюсь и мыслью и душою ;
 Тебѣ въ нѣмомъ забвеньи предаюсь ;
 Всегда съ шобой ; любимую мечшою
 Къ тебѣ спремлюсь.

Къ тебѣ спремлюсь , когда въ полпѣ игривой ,
 Среди подругъ печальною кажусь :
 О милый другъ ! съ тоскою молчаливой
 Къ тебѣ спремлюсь.

Къ тебѣ спремлюсь Гдѣ ты , того не знаю :
 Въ безвѣстный край мечшой переносусь ;
 Туда , мой другъ , огнемъ любви сгарая ,
 Къ тебѣ спремлюсь !

Ольга Крюкова ().*

Р о м а н с ъ.

Посвящается А. Ф. Фонъ - Бриной.

„Въ чемъ сердца радости прямья ?
 Въ чемъ тайна щастья для души ?
 Чшо льешь намъ чувства въ грудь живья ?
 Чѣмъ здѣсь дни наши хороши ?“

(*) Молодая благородная дѣвица , живущая въ странѣ ,
 знаменитой рожденіемъ двухъ знаменитыхъ Поэшовъ на-
 шихъ , въ Симбирскѣ. *Изд.*

Я не спрошу , когда летаетъ
Прелестный голось надо мною ,
И , какъ зефиръ , мнѣ навѣваетъ
Мечшаній сладкихъ милый рой ;

Когда при пѣньи нѣжномъ , спраспномъ
Взоръ томный поднятъ къ небесамъ ,
И въ свѣшломъ образѣ прекрасномъ
Чашаетъ жребій сердца шамъ ;

Когда , когда и слухъ , и зрѣнье
Нась переносятъ въ мѣръ иной ,
Гдѣ все — воспоргъ и упоенье ,
Гдѣ дышемъ жизнью неземной !

Сокольники.

В о п л ь .

„О юноши - врачи ! какъ можно вамъ познать
Всю глубину своей науки ,
Когда хватаете шакъ жадно каршы въ руки ,
Чтобы по цѣлымъ днямъ на счетъ больныхъ игратьъ ? . . .
Игра жестокая ! . . . Играють ли , скажите ,
Достойные всего почшенія врачи ? . . .
Не вистъ , а Иппократъ вашъ богъ : ему служите ;
Иль попадете вы невольню въ палачи !“
Такъ возопилъ одинъ спрадалецъ на постелѣ ,
Когда врачъ - юноша , расхваленный ему ,

Начавъ его лѣчить, не прѣзжалъ къ нему
 Дня два, какъ ни былъ званъ, зайявшись въ самомъ дѣлѣ
Серьюзной карточной игрой :
Серьюзной! — слышите-ль? такъ пошерпи, больной!

С у д ь б а .

Судьба съ моихъ свалила плечъ
 Прешучнаго Аншикатона,
 Съ которымъ долженъ былъ безмолвно я прощеть
 Все поприще свое, играя роль *Милона!*

К О Р Р Е С П О Н Д Е Н Ц И Я .

Отрывокъ изъ письма къ другу.

*Публичный балъ въ Строгановомъ саду,
 бывшій 7го Августа 1832.*

Вчерашняго числа, въ седьмомъ часу вечера, мостъ, ведущій съ каменнаго Острова въ садъ Строганова, и всѣ прочія дороги къ сей дачѣ были покрыты народомъ, — народомъ лучшимъ, прекрасно одѣшымъ, дамами въ цвѣсныхъ клокахъ, мущинами въ альмавивахъ; казавейки, не смотря на модность ихъ, на сей разъ были сняты: нѣчто праздничное опличало одежду жишельницъ острововъ, Новой деревни и Черной рѣчки. Въ семь часовъ аллея, ведущая отъ второй дачи Графини Строгановой къ Черной

рѣчкѣ, была наполнена людьми; палатка, на сей дачѣ поставленная, также. Звуки легкой мазурки раздавались изъ нее, и всѣ спекавшіяся группы спремались присоединиться или къ танцующимъ, или къ любопытнымъ. Но это было не весьма легко: въ палаткѣ танцующіе были окружены шѣсными рядами, и не смотря на то, что сія палатка была сквозная, стоявшіе внѣ оной не могли видѣть танцовъ, пошому что многія дамы спали на спуля и лавки, вкругъ палатки внутри разспавенныя. Такимъ образомъ многіе сначала ограничивались гуляньемъ по аллеѣ, и удовольствіемъ видѣть знакомыхъ; но вскорѣ аллея освѣтилась, и цѣль любопытства измѣнилась: въ палаткѣ разрѣдилось; всѣ спремались видѣть дѣйствіе разноцвѣтнаго освѣщенія зелени. Нѣсколько сотъ мипкалевыхъ красныхъ, голубыхъ, зеленыхъ, бѣлыхъ, съ цвѣтами, фигурами и узорами пузырей, или, лучше сказать, круглыхъ фонарей украсили всю аллею, и представили нѣчто подобное прелестнымъ декораціямъ очаровательнаго балета Кіа - Кингъ. На концѣ аллеи былъ поставленъ родъ цвѣтнаго прозрачнаго щита; палатка освѣтилась какъ внутри, такъ и снаружи; на крышѣ горѣли прозрачныя вазы изъ бѣлаго мипкала съ рисованными цвѣтами, наподобіе Ипальянскихъ бѣлыхъ вазъ, изливающихся шоль пріятный свѣтъ. По удовлетвореніи общаго любопытства, танцы опять начались; дамы, свѣжія какъ цвѣпочки, и кавалеры, весе-

лые, какъ лѣшнее утро, сплелались и расплелались по непремѣннымъ законамъ Французскаго кадрили. — Свѣтлое небо, покрытое лишь сомнительнымъ мракомъ ночи, непрерываемая пишина и умѣренная теплоша воздуха благопріятствовали общему веселію, шоль рѣдкому въ нашей огромной столицѣ, гдѣ такъ шрудно собраться всѣмъ въ одно мѣсто. Къ прелестямъ сего вечера надобно присувокупить опсущствіе всякой принужденности; всякой былъ у себя, и безхозяйшвенность, сосшавляющая необходимое условіе свободнаго удовольшвія, шолько угадывалась на семь праздникъ, какъ невидимая душа въ человѣческомъ шѣлѣ. Въ одинацапомъ часу палашка и освѣщенная аллея нѣсколько опусшѣли: шумъ и блескъ блисшательнаго фейерверка, даннаго Генераломъ Ислѣньевымъ на Каменномъ Ошровѣ, увлекъ мало помалу песшрую шолпу изъ Спроганова сада, чѣмъ праздникъ, въ немъ происходившій, спалъ еще прелестнѣе, пошому что и гуляшъ, и шанцовашъ, и дышашъ спало свободнѣе. Вообще люди другъ другу мѣшашутъ на семь бѣломъ свѣшѣ!

С. - Петербургъ.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Нѣтъ ничего прелестнѣе для полу - наряда, какъ шюлевый пеньюаръ, ошдѣланный сверхъ рубца накладною гирландою; пелерина въ три воротника, съ такою же накладкою вокругъ; подъ низомъ бѣлое гроденаплевое плашье; шляпка - капоть изъ пальдери, съ розами.

— Пеньюаръ изъ бѣлаго органди, ошдѣланный сверхъ рубца сиреневою гирландою, вышиною шерстями, составляешь также красивое неглиже.

— Много шляпокъ изъ пальдери убирается яблочными или абрикосовыми цвѣтами, перемѣшенными съ другою зеленью; Испальянскія же шляпки, букешомъ анемоновъ разнаго цвѣта, или душистымъ горошкомъ.

— Кисейные вышитые воротники дѣлаются въ три ряда и каждый обшивается кружевомъ; первый, ближайшій къ шеѣ, нѣсколько приподнять.

— Мы видѣли много небольшихъ шляпокъ - капотевъ, съ кулисками, органдиновыхъ; подбитыхъ розовымъ или лиловымъ.

И з њ я с н е н і е к а р т и н к и п р и с е м њ N o .

Шляпка изъ пальдери, съ цвѣтами. Канзу изъ вышитаго тюля. Табуретъ изъ душшаго желѣза (*enfer creux*).

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,
съ шѣмъ чшобы, по ошпечаашашш, были предшавлены въ Ценсурный Комшшешъ три экзешпляр. Москва. Августша 29 го дня, 1832 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

САМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П Р О З А.

Духъ Исполнскихъ горъ. Волшебная повесть.

Подражаніе Нѣмецкимъ народнымъ преданіямъ.

Ночь! давно погасли огни въ маленькомъ Саксонскомъ городкѣ N. . . . Уже спарушки, собравшіяся въ шопъ вечеръ у Бургомиспра, переживши, переморивши, пересудивши и осудивши всѣхъ молодыхъ мужчинъ и женщинъ въ округѣ, сходили медленно съ высокой лѣспницы и проклиная новую мещоду спроеній, нашептывая себѣ подъ носъ проклятія и молодому поколѣнію, кропошливо расходились по домамъ. — Уже часы соборной колокольни своимъ мѣрнымъ, торжественнымъ звукомъ добивали послѣдніе часы полуночи, копорые, какъ мысль о вѣчно-

спи, попянулись въ необозримость пространныхъ и времени и гудя, сливались съ опдаленнымъ лаемъ собакъ, или съ плесками величественнаго Рейна, крутившагося въ высокихъ берегахъ своихъ. Въ это самое время молодой живописецъ, Адольфъ Т* * *, не далеко отъ города, въ мѣстѣ безлюдномъ и пустомъ, скорыми шагами мѣрилъ зеленое убранство береговъ рѣки. Плащъ на молодомъ человѣкѣ было въ безпорядкѣ, волосы всклокочены; онъ по погружался въ задумчивость, по съ шихимъ, болѣзненнымъ спономъ душевной грусти исчезалъ въ синей дали шумана; казалось, что какая-то мрачная, ужасная мысль шягошила его, или шайная печаль перзала сердце. Ночь была свѣшлая; лѣпнее южногерманское небо роскошно раскинулось надъ уснувшею природою; ясныя звѣзды, какъ очи Провидѣнія, смотрѣлись съ высоты въ быспрошекущихъ спруяхъ рѣки; серебряный мѣсяць отражаясь располненнымъ серебромъ, или золошою парчею въ бездонной глубинѣ Рейна, казалось, спѣшилъ за волнами, его обгоняющими; вдали горы, дымящіяся шуманами ночи, окружали прекраснѣйшій ландшафтъ. Зеленые лѣса шонули въ синей опдаленности и какъ исполины выглядывали изъ-за горъ; все было тихо — но въ душѣ Адольфа свирѣпшвовали бури; въ молодомъ, неопытномъ сердцѣ, полномъ мученій безнадежной любви, кипѣлъ весь адъ, и ревность всеразрушающею оправой прожигала грудь. . . . »Нѣшь!« вскричалъ онъ, въ изнеможеніи падая на праву: »нѣшь! пусть всѣ силы неба совокупятся, что-бы опнять у меня Луизу и тогда не успѣють. . . . Нѣшь! шамъ — въ предѣлахъ далекаго, надзвѣднаго міра — она сочешалась со мною не-

разрывными узами!“ и послѣ нѣкотораго молчанія вскричалъ опять: „Безумный! и ты смѣешь еще надѣяться? Завтра, не далѣе какъ завтра, она будетъ принадлежать другому.... Люди, люди! я просилъ, я молил; одинъ холодный смѣхъ и презрительное: *бѣднякъ!* было мнѣ опвѣтомъ!...“ Рыданія не позволили ему говорить болѣе; въ совершенномъ безсиліи голова его скапилась на землю, глаза остановились; какое-то судорожное движеніе пробѣжало по членамъ; казалось, ангель смерти чернымъ крыломъ своимъ гошовъ былъ осѣнилъ спрадальца — но вдругъ онъ вскочилъ, и какъ будто что-то внезапное освѣпило мысль его; съ воплемъ раздирающаго, мучительнаго ошчаянія бросился онъ къ Рейну; уже одной ногой спулилъ на берегъ, чшобъ въ вѣчно ропщущихъ, ненасыпныхъ волнахъ найши желаемое успокоеніе; уже одно легкое движеніе ошдѣляло его ошъ жизни — какъ вдругъ могучая, невидимая рука ошановила его и нечеловѣческою силою ошвлекла ошъ берега. Адольфъ оглянулся: передъ нимъ стоялъ — призракъ ли, существо ли — но кто-то Гиганскаго роста, съ широкими плечами, съ маленькою, густою бородою и со сверкающими, какъ молнія, глазами, блестящими изъ - подъ нависнувшихъ бровей. Не злое, не ужасное, но что-то насмѣшливое и вмѣстѣ непріятное сосшавляло характеръ незнакомца. Одежда его, смѣсь чего-то фаншаспическаго и древнегерманскаго, была полько мѣркою, обрисовывающею члены. Долго смолрѣлъ онъ на юношу; пошомъ чѣмъ-то похожимъ на улыбку искривилъ и безъ шого рѣзкія чершы лица своего; наконецъ могучею рукою схватилъ молодаго человѣка и повлекъ черезъ горы, кустар-

ники и лѣса, куда - то далеко, далеко, и на-
 послѣдокъ скрылся въ покровѣхъ сѣраго шума
 и только легкіе, слабые звуки сопрошивленія
 юноши раздавались въ безжизненной тишинѣ
 ночи, на лонѣ дремлющей природы.

Въ эту самую ночь сидѣла въ маленькой, чисто
 убранной комнатѣ прекрасная дѣвушка. Слабый
 свѣтъ лампы едва освѣщала шайнспенную
 обитель невинности; прелестная головка,
 какъ голова Мадонны, небрежно склонилась на
 плечо; русые локоны спруей вились съ але-
 баспровой бѣлизны чела; легкая одежда едва
 опоясывала спройный спанъ: это была Лу-
 иза! . . . Сладоспныя и вмѣстѣ гореспныя
 воспоминанія, нерадоспныя мечпы о буду-
 щемъ омрачали небесное спокойспвіе крош-
 каго чела ея; мысли — то мрачныя, то
 веселыя (незнаю, не могу опредѣлишь, ка-
 ковы должны бышь мысли дѣвухи наканунѣ
 брака) — попеременно изображались въ зеркалѣ
 души, то естъ на лицѣ! Но между шѣмъ какой-
 то лучъ радоспнаго и вмѣстѣ преспнаго ожида-
 нія внезапнымъ свѣсомъ разлился въ помныхъ,
 задумчивыхъ очахъ.

Часы на колокольнѣ пробии полночь и глаза
 прелестной спали невольнo смыкашь. Мысли
 ея всклубились, смѣшались, разсѣялись, и въ
 очаровашельныхъ мечпахъ сновидѣнія ей пред-
 спавился мѣрь прекраснымъ, шоржеспвеннымъ,
 одѣшымъ въ какую-то новую, радоспную одежду;
 наконецъ Луизѣ чудилось, что она спойшь на
 краю пропасти, передъ которою скашершь раз-
 спшилался зеленый лугъ; что ей должно бросишь
 въ шемную, безконечную пустошу. . . . Груспно,

шяжко разспашься съ жизнью, но непреодо-
 лимая, шайная сила влечеть ее; она ле-
 шипшь во мракъ, далеко, далеко, въ без-
 брежномъ, пустынномъ пространствѣ, — ле-
 шипшь долго, какъ будшо и мѣсяцы, и недѣли, и
 годы слились въ одно настоящее мгновеніе —
 и вдругъ упала, очнулася въ объшпяхъ милаго,
 любезнаго сердцу — и радосшно вѣсель надъ
 нею аромашами упру, и свѣшное небо дышеть
 роскошью, и она прижалась усшами, и душею,
 и сущесшвомъ своимъ къ усшамъ возлюбленнаго,
 и ей кажешся, чшо весь міръ со всѣми своими
 благами слился въ одинъ спрасшнй, продолжи-
 пельный, медленный поцѣлуй. Тѣнисшый, бо-
 гашо убранный рукою природы садъ раскинулся
 живописнымъ ландшафшомъ передъ нею, и она
 въ сладосшномъ упоеніи волшебной нѣги идешь
 съ возлюбленнымъ по желшымъ дорожкамъ, и
 душа ея полна восшорга; спрасшные взгляды
 ея вспрѣчались со взоромъ пламеннымъ, обво-
 рожипельнымъ милаго; ей кажешся, чшо на
 нее, на милаго, на всю природу излилася
 благодашь Неба въ звукахъ шихихъ, шорже-
 спвенныхъ, усладипельныхъ. Они нѣжашь
 слухъ ея; она воображаешь, чшо деревья
 клоняшся передъ нею какъ будшо привѣсшсшвуя
 ее, и нашепшываюшь ей гимны любви и бла-
 женсшва; идешь — и опяшь не спшало мила-
 го, и она опяшь одна въ беспредѣльномъ про-
 странствѣ и передъ нею, и за нею, и надъ
 нею изъ - за кустовъ, изъ - за вѣшвей, изъ - за
 каждаго лисша какъ будшо выглядываюшь какіе -
 шо взоры холодные, безчувсшвенные, неподвиж-
 ные. Спращно! она бѣжипшь, но все болѣе и
 болѣе сгущаюшся надъ нею шѣни, и кажеш-
 ся ей, будшо все небо усѣяно могильными,

лицами безъ формы, безъ вещества и единства, съ одними спрашными, неподвижными спекловидными глазами. — Силы ея оставили; холодный потъ покрылъ препещущіе члены; сердце замерло; голова, какъ въ безчувственномъ жару горячки, склонилась, глаза помушились, мрачашся, — несчастная падаетъ подъ дерево и дерево какъ грозный исполинъ расшестъ, расшестъ, склоняется надъ нею и принимаетъ ея въ свои ледяныя объятія. Уже она чувствуетъ прикосновеніе мертвенной руки; кровь едва вращается въ жилахъ спрадалицы и какъ будто замерзаетъ въ членахъ; она спрашилась открытъ глаза и долго въ безчувственной неподвижности лежитъ на землѣ; но поцѣлуй, огненный, какъ зефиръ весны, заславляетъ ея очнуться, и она опять подлѣ милаго; опять въ его объятіяхъ, опять души ихъ горятъ на ошарѣ вѣчной любви.

Мы оставили нашего Адольфа съ ужаснымъ незнакомцемъ. Ночью, въ безбрежной пустотѣ шумана, долго шли они, и шо вязли въ непроходимыхъ болошахъ, шо шинистый ровъ, или рѣка оспанавливали ихъ; но незнакомецъ швердый, какъ нѣкоторыя изъ плохихъ спихопворцевъ нашихъ, когда имъ совѣшуютъ что-либо перемѣнить въ ихъ бездарныхъ спихахъ (*), однимъ прикосновеніемъ обновляетъ силы Адольфа. Чашо послѣдній въ неясныхъ мечшахъ вообразалъ его ангеломъ - хранителемъ; но взглядывая на непріязненное лице его, убѣж-

(*) То же можно и должно сказать и о плохихъ прозаикахъ, когда многое перемѣняютъ въ ихъ бездарной прозѣ. *Изд.*

дался, что онъ враждебный духъ. Долго шли они; уже позолота восхода загоралась на голубомъ шашрѣ предвѣчнаго неба, уже звѣзда разсвѣтша заискрилась пушеводисельнымъ свѣтомъ на рдѣющемъ горизонтѣ. Они очутились въ разсѣлинахъ ушесовъ, надъ которыми спрашною каменною горою висѣли скалы — слѣды разрушенія вѣковъ, и безмолвно свидѣтельствовали о древности міра. Ни шравки, ни былинки не было на скалахъ; голая, пусшая, безжизненная пустыня была въ то время обителью спранниковъ. Но вожащый юноши коснулся скалы и она разсѣлась — и рядъ длинныхъ, какъ будто изсѣченныхъ рукою природы хранинъ представился его взору. Все было тихо. Чудный блескъ дорогихъ камней, какой-то веселый розовый свѣтъ, подобный свѣтлу загорающей зари, переливался въ безбрежныхъ пещерахъ, блуждая и сливаясь со мракомъ, какъ мысли Поэша въ часы пламеннаго вдохновенія сливающагося съ ничтожными помыслами жизни; могильная пишина изрѣдка прерывалась шумомъ кающащихся камней, или осыпающей земли, и эши камни, и эшѣ глыбы земли были какою-то драгоценностію въ глазахъ челоѳическихъ, шакъ что Цари не услышались бы заключить ее въ свои сокровищницы. Незнакомецъ ошановился и вдругъ началъ уменьшаться въ ростѣ — все болѣе и болѣе, и наконецъ предсталъ Адольфу челоѳкомъ обыкновеннаго роста съ шѣми же свѣтлыми, сверкающими глазами; но въ нихъ не было уже написано ни злоспи, ни пороковъ; они блеспѣли какою-то крошестію, какою-то не здѣшною радостію: въ эшу минушу можнобъ было подумать, что осуществленная душа грѣшника омывается слезами покаянія. Со взоромъ, пол-

нымъ любви и довѣренности, смотрѣлъ на него Адольфъ и нималѣйшая искра подозрѣнія не омрачала чистой души его; онъ былъ свѣтелъ какъ сонъ новобрачной; рой сладостныхъ надеждъ, какъ паръ благоуханій весною, курился въ воображеніи его; онъ склонился на грудь незнакомца и ему почудилось, что десница Всемогущаго осянула его; что въ чертахъ незнакомца, грубыхъ но какъ-то пріятныхъ, онъ могъ читать упоеніе; что рука и сердце Луизы во власти его; что онъ обнялъ прекрасную; что передъ нимъ раскрылся новый міръ, полный радости и надеждъ; что онъ слился душою съ прелестною и въ очаровательномъ поцѣлуѣ испилъ все блаженство спранныхъ надзвѣздныхъ. — Только голосъ спутника вывелъ его изъ сладостныхъ мечтаній; незнакомецъ коснулся рукою спины, и изъ нея, какъ изъ камня жезломъ Моисеевымъ испоченная вода, посыпались червонцы. „Возьми ихъ!“ сказалъ онъ: „это пакъ необходимо людямъ на землѣ! . . . Я не имѣю въ нихъ нужды, ибо наслаждаюсь блаженствомъ людей добродѣтельныхъ;“ склалъ горстями золото въ мѣшокъ и подавая ихъ Адольфу, прибавилъ: „Помни, что добродѣтель не осмѣется безъ награды, ежели не здѣсь, что шамъ — и не презрѣннымъ мешалломъ, драгоценнымъ только на землѣ, но сладкою, неизъяснимою радостію и блаженствомъ небожителей. Пойдемъ; тебѣ пора успокоиться; дѣла нужныя, близкія къ своему щастію занимають меня!“ и повелъ его по длинной амфиладѣ комнатъ; несмѣшныя богатства поражали взоры юноши; въ восторгѣ удивленія и благодарности онъ прижался къ своему добродѣтелю. Внезапно ошдаленная гармонія напоила

душу Адольфа невѣдомымъ ему чувствомъ ; въ эсихъ звукахъ было что-то родное , понятное ; что-то близкое къ сердцу ; душа замирала въ восторгахъ ; но эси восторги не были сильны , а шолько очаровательны ; голова юноши склонилась на плечо ; легкій сонъ навѣялъ сладостное забвеніе , и Адольфъ поспешенно опускался къ землѣ и наконецъ , какъ будто ушомленный , просперся на ней и крошкій сонъ снова оковалъ члены его , и рой свѣшлыхъ видѣній закружился надъ головою щасшливца .

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

Концертъ , данный Джономъ Фильдомъ въ Лондонѣ 27 Мая 1832 года.

Въ одной Англійской газетѣ сказано о семъ концертѣ и о г-нѣ Фильдѣ слѣдующее : „Долговременное пребываніе сего арписста въ Россіи было причиною , что никто почти не слыхалъ игры его въ нашемъ отечествѣ . — Знаменитые пѣвцы и пѣвицы соединили таланты свои въ семъ концертѣ .

„Прежде нежели спанемъ говорить о сочинелѣ и сочиненіяхъ , мы бросимъ взглядъ на шрудности , которыя ему надлежало преодолѣшь .

„Признано уже , что скрипка и подобныя инструменшы наиболѣе подражаютъ голосу посредствомъ смычка , и имѣють по преимуществу , что выдерживаютъ ноты , прибавляя и убавляя силы . Выразительность , пріятность ,

блескъ и энергія содѣлываютъ скрипку превосходнѣйшимъ инструментомъ, особенно для концершовъ.

„Духовые инструменты также чрезвычайно подражаютъ голосу; многіе изъ нихъ имѣютъ особенную выразительность. Гобой съ пріятнѣйшими звуками соединяетъ большую силу, и потому употребляется въ оркестрахъ. Флейша имѣетъ самые нѣжные звуки; но эшаго нельзя сказать о нынѣшнихъ флейшахъ: кажешся, что арписты хотятъ имъ придашь свойства шромпешы.

„Арфа имѣетъ много силы и блеску.

„Но инструментъ, признанный самымъ благодарнымъ, и не имѣющій, даже подъ руками искуснѣйшихъ арпистовъ, нималѣйшиго выраженія — ешь форшепяно. Каковъ же долженъ быть шаланшъ сего знаменишаго арписта, когда преодолевши всѣ невозможности, онъ сошворилъ изъ форшепяно самый блистательный и выразительный инструментъ! Чистота, блескъ, бѣглость, неподражаемая выразительность — все это содѣлываетъ шаланшъ Джона Фильда удивительнымъ, непосшижимымъ. Избѣгая біографическихъ подробностей, мы скажемъ только, что сей великій пьанистъ родился въ Ирландіи, и пріѣхалъ въ Англію, гдѣ онъ обратился на себя вниманіе знаменишаго пьаниста же, Клементи, который полюбилъ Фильда, и занялся его музыкальнымъ образованіемъ. Ученикъ оказывалъ быспрые успѣхи, обладая необыкновеннымъ шаланшомъ; между тѣмъ заразился спранностями, и оригинальностью своего учителя: мы бы могли раз-

сказашъ множество любопытныхъ анекдотовъ ; но они были бы не у мѣста. Фильдъ соупствовалъ Клеменши въ Россію , по склонности , или по особеннымъ видамъ ; поселился тамъ и спалъ идоломъ Рускихъ дворянъ и всѣхъ шѣхъ , кошорые имѣли наслажденіе слышать его.

„Причина возвращенія его въ отечество намъ не извѣсна ; вѣроятно желаніе еще разъ увидѣть свою родину и друзей — желаніе , собственное чувствительнымъ сердцамъ.

„Если надобно описать его наружность , то признаемся , что онъ очень неловокъ , и что когда подходишь къ инструменту своему , то , кажешься , не общаешь ничего добраго ; какъ же скоро начнешь играть , то какая небесная гармонія ! Слушая его , надобно закрыть глаза : что и сдѣлалъ Крамеръ , и всѣ были въ восхищеніи , видѣвши восторгъ на лицѣ сего великодушнаго соперника. Желательно , чтобы сіи два отличные таланта согласились играть дуэшь ; какое было бы наслажденіе для насъ ! это бы составило эпоху для занимающихся музыкою. Кто можетъ исчислить прелестъ Фильдовой игры ! Довольно сказать , что изъ всѣхъ пьянисмовъ онъ одинъ выражаетъ истинную очаровательность звуковъ. Что касается до сочиненій его ; то немногіе въ состояніи оцѣнить гениальность ихъ ; онъ приводяшь въ восторгъ тогда только , когда играюща имъ самимъ.“

Молодой человекъ, разыгрываемый въ лотерею.

Нѣкто молодой человекъ 25 лѣтъ, хорошей фамилии, прекрасной наружности, примѣрной нравственности, отличнаго воспитанія, однимъ словомъ, получившій въ удѣлъ отъ природы всѣ ея дары, кромѣ одного, а именно богатства; сей молодой человекъ желаетъ вознаградишь эшошь недосдапокъ одною выдумкою: она была бы шѣмъ полезнѣе, что обезпечивая его учасшь, ушвердила бы щаспие и шой, кошорая раздѣлилабъ судьбу его. Чшобъ достигнушь цѣли своей, онъ прибѣгнулъ вошь къ какому способу: разыграшь себя въ лотерею. Всѣ дѣвицы и молодыя вдовы могутъ учасствовашъ въ ней на слѣдующихъ условіяхъ:

Дѣвицы отъ 18 до 25 лѣтъ плапятъ 5 франковъ; вдовы шѣхъ же лѣтъ, безъ дѣшей 10, съ дѣшми 15. Дѣвицы отъ 25 до 30 лѣтъ 20 фр.; вдовы шѣхъ же лѣтъ, безъ дѣшей 25, съ дѣшми — 30. Выигравшая лопъ получаетъ руку сего молодого человека и сверхъ шого половину собранной суммы: что соспавишь неменѣе 200,000 фр. Выигравшей дамѣ дано будетъ при мѣсяца на размышленіе; и если по испеченіи сего срока она опкажется отъ своего *случайнаго* жениха, не взирая на всѣ его достоинства; шо раздѣлишь съ нимъ на ровныя двѣ часпи выигрышь и останется свободною. Цѣль сей лотереи — соспавишь щаспие двумъ существамъ, кошорыя безъ эшаго приданаго не могли бы соединишья вѣкъ. Вошь еще однимъ происшествіемъ болѣе, чшобы возобновишь *Игру любви и случая.*

Съ Франц.

А л ь б о м ъ.

Кто захочетъ разсѣяться съ сокровищемъ, когда можно приобрести его безъ убытка, или еще съ *прибылью* другому, и когда еще подѣлимся такимъ приобретениемъ съ другими? Эпошъ *кладъ* нашли мы въ 7 Но Московскаго Телеграфа подѣ спашьею: *Обозрѣніе современныхъ Русскихъ Журналовъ*, и пошчасъ, какъ будто невольно, *зачурали*. Полюбуйтесь же, любительницы опечесшвенной Липшерашуры, вмѣсшъ съ нами истиннымъ въ своемъ родѣ сокровищемъ ея. Вопш оно:

„Поэшъ Барбье представилъ Францію кобылицей.

Tout son poil était vierge, et, belle vagabonde,
L'oeil haut, la croupe en mouvement,
Sur ses jarrets dressée elle effrayait le monde
Du bruit de son hennissement.

„Вопш переводъ Телескопа: „Ея шерсть
„была дѣвственно *неприкосновенна*: и, *вольная*
„спранница, *морду вверхъ*, на *твердо незыб-*
„*лемыхъ* ногахъ, съ *трепетаніемъ* жизни въ
„*чреслахъ*, успрашала міръ своимъ *громозвуч-*
„*нымъ* ржаніемъ.“ Довольно ли эпошаго для дока-
зательства, что Г-нъ Издашель не понимаетъ
шого, чшд переводишь? . . .“

Довольно! довольно! и предовольно! . . .

Пишущъ изъ Парижа, что многіе журналы
извѣщаютъ о бракѣ пѣвицы Тальйони съ сыномъ
одного изъ Перовъ Франціи; но какъ фамилія
молодаго человѣка прошивишся сему браку: шо
онъ будетъ заключенъ въ Англій.

 С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Р о л а н с ъ .

Съ чистѣйшей вѣрою , съ безмолвною поскою
 Когда къ Творцу міровъ я мыслью возношусь ;
 Тогда моя душа полна одной мольбою :
 Я о тебѣ молюсь .

Какъ часто межъ людей , привѣщамъ не внимая ,
 Очами грустными въ шолпѣ тебя ищу ;
 Но взора милаго для сердца не вспрѣчая ,
 Я о тебѣ грущу .

О милый ! не дано мнѣ благо быть съ тобою ;
 Мнѣ благо не дано тобою обладать
 Одна опрада мнѣ — любить тебя душою
 И по тебѣ спирадашь .

Не знашь мнѣ ясныхъ дней въ сей жизни скоропечной !
 Люю слезы горькія , покорствую судьбѣ ;
 Но слезы въ радость мнѣ , когда въ шоскѣ сердечной
 Я плачу о тебѣ .

Ольга Крюкова .

 С h a r i t é (*).

Неизьяснимая ! какъ описать тебя ? . . .
 Души небесное движенье !
 Скажи , швое гдѣ проявленье ?
 Въ тебѣ *любовь* другихъ любя ,
 Любовью хочешь жить одною ;
 Мирить печальнаго съ судьбою .
 Съ земли ты къ небесамъ стремишь ;
 Средь распрей ты союзъ крѣпишь .

(*) Обѣ піесы написаны экспромшомъ на заданныя слова. *Изд.*

Пусть грозныя бушуютъ бури ;
 Съ тобою видимъ блескъ лазури :
 Не въ *вещствѣ* онъ — но въ сердцахъ ;
 И ты не въ *словѣ* — но въ *дѣлахъ*.

Метатель.

Что есть поэзія и поэтъ ?

Она души, ума паренье,
 Восторгъ чистѣйшій, не земной ;
 Съ *невидимымъ* соединенье,
 И не гнепомая судьбой !
Онъ, угнепень ли тяжкой силой,
 Скишается-ль съ душой унылой :
 Запѣлъ ! — гоненье позабылъ ;
 Запѣлъ ! — мысль къ небу успремилъ,
 И опъ *земнаго* отреченье —
 Его души естъ оживленье !
 Пишу — не думавъ ни о чемъ !
 Друзья ! что сдѣлаемъ съ умомъ ?
 Онъ насъ морочитъ, развлекаетъ,
 Съ *земнымъ* — для праха лишь сродняетъ !
 А гдѣ *душа*, тамъ мы шворимъ,
 И *сердцемъ* — *сердцу* говоримъ.

Метатель.

У с н ь х ъ.

Нашъ Хвашовъ подлинно хвашилъ
 Рукъ своей не въ усыженье :
 Ѳемидѣ поклонясь, купилъ
 Онъ преогромное имѣнье.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Никогда мода не была столь свободна, какъ нынѣ; она совершенно послѣдовала успѣхамъ вѣка, отрехшись отъ смѣшнаго владычества, которому покоряла нашихъ машерей. Въ то время не было болѣе одного цвѣта, одного покроя. Молодая или пожилая, смуглая или блѣлая одѣвались по принятой модѣ. Надлежало, *по силѣ ея законовъ*, носить корошкое платье, хотя бы желали закрыть ею себѣ ноги; или причесываться не шакъ, какъ бы требовала фізіономія. Нынѣ уже не существуетъ это жалкое поработченіе: одѣваются по-своему, и конечно всегда что-нибудь черезъ то выигрываютъ. Модные Парижскіе магазины держатся нынѣ того правила, что для каждой женщины надобны своя форма, свои цвѣты, свои украшенія.

— Мы не упоминаемъ о модахъ нынѣшней недѣли: время охоты и ваканцій шакъ умножили разъѣздъ по деревнямъ, что, кажется, ни чѣмъ другимъ не занимающся, кромѣ почтовыхъ лошадей и укладокъ.

Изъясненіе картинки при семь No.

Платье изъ органди. Шляпка - капоть изъ пальдери. Пелерина тюлевая, вышитая шерстью.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ шѣмъ чшобы, по опшечашаніи, были предшавлены въ Ценсурный Комашешъ шри экземплара. Москва. Сеншября 5го дня, 1832 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П р о з а .

*Духъ Исполинскихъ горъ.
Волшебная повесть.*

ПОДРАЖАНІЕ НѢМЕЦКИМЪ НАРОДНЫМЪ ПРЕДАНІЯМЪ.

(Окончаніе.)

Въ эту самую ночь женихъ Луизы, степенный, полный и всегда довольный собою Совѣтникъ Н. . . . , въ припадкѣ радости, что завтра обоймешь предметъ 20-лѣтнихъ помышлений своихъ, зрѣвшихъ, кажепся, еще съ шѣхъ самыхъ поръ, когда опъ нянчилъ Луизу на рукахъ своихъ, и увѣренный, что вмѣстѣ съ крошкой и усердною домоправительницей и экономкой, онъ приведетъ въ домъ и нѣсколько десятковъ пы-

сячь рейхсшалеровъ; Совѣшникъ N... съ важнымъ, самодовольнымъ видомъ расхаживалъ по комнашѣ и поширая руки, отдавалъ приказанія на все-радостный день своего бракосочетанія. Тысяча предположеній толпилась въ велемудрой, кой-гдѣ убѣленной сѣдиною головѣ его, и между прочимъ о томъ, какъ бы красопою невѣсмы своей увеличитъ состояніе и наконецъ довести себя до того, чшобы не съ шакимъ уже подобоспращіемъ преклоняшь предъ Бургомиспромъ. — Чашъ полуночи приближался и Совѣшникъ чувшвуя необходимость успокоитьсь ошъ мыслей, хошя пріашныхъ, но шѣмъ не менѣ изнурительныхъ, легъ ошдохнуть. Воображеніе невольню предспавило ему, чшо завпра, недалѣ какъ завпра, онъ прижметъ прекрасную къ остывающему сердцу, и холодною рукою будешъ ласкашь младыя прелести. Жаръ палилъ внушренность его, голова пылала, какъ бы при мысли о неудавшейся спекулаціи; онъ вспалъ; скорыми шагами ходилъ по комнашѣ, но воздухъ ему казался душнымъ: Совѣшникъ вышелъ въ садъ погуляшь и подышашъ благоуханіемъ ночи. Погода была прекрасная; луна свѣшила во всемъ блескѣ. Въ сладкой задумчивости ходилъ онъ по аллеямъ, какъ вдругъ изъ-за кусповъ неожиданно явилось ему привидѣніе. Чшо-то очень спрашное составляло характеръ его физиономіи; но Совѣшникъ не могъ ошдашь въ шомъ себѣ ошчета, пошому чшо со внезапнымъ появленіемъ спрашилища онъ упалъ на землю, ошъ удивленія ли, ошъ спраха ли, Богъ знаетъ! — вѣрно шолько то, чшо по крайней мѣрѣ полчаса не могъ женихъ выговорить ни полуслова, да и чрезъ полчаса одни шолько спрашные,

неопредѣленные и прерывающіеся звуки испор-
гались изъ груди его. Незнакомецъ голосомъ
спрогимъ, повелительнымъ, кошорый опдался
во всѣхъ членахъ Совѣтника и заславилъ ихъ
пряспися какъ въ припадкѣ лихорадки, прика-
заль ему слѣдовать за собою. Разсудокъ шеп-
паль: *неходи!* спрахъ громко кричаль: *сту-
най!* и женихъ, дрожа всѣмъ шѣломъ и покрехшы-
вая, опсправился вслѣдъ за привидѣніемъ. Скоро
прошли они аллею и садъ; маленькая калипка
вывела ихъ въ поле; вздыхая, смоспрѣль Совѣт-
никъ въ шуманную даль: онъ былъ увѣренъ, что
въ теплой комнашѣ, на своей пуховой постели
ему было бы гораздо покойнѣе; но спрогий
взглядъ жошапаго, въ минушу воззрѣнія, раз-
рушаль всѣ его намѣренія и онъ попуня взо-
ры съ удушашими вздохами снова опсправлялся
въ невѣдомый пупъ. Долго шли они; нашъ
шолспый Совѣтникъ ужъ начиналъ задыхашься:
влюбленному жениху время казалось, вѣрояшно,
еще долѣе. Уже восходъ загѣрѣлся на ясномъ
голубомъ сводѣ; уже мѣсяць попухаль въ обла-
кахъ, и звѣзды помрачались сіяніемъ дня, какъ
вдругъ увидѣль Совѣтникъ необозримые лѣса, на-
виснувшіе огромными сучьями своими на опоясы-
вающія ихъ поляны. Мрачно было въ лѣсахъ, еще
мрачнѣе въ душѣ Совѣтника: пупешеспвенники
вспушили въ шаиншвенную, безмолвную сѣнь,
и ему показалось, что какіе-то радоспные зву-
ки, какъ будшо голоса враждебныхъ духовъ,
привѣшспвовали его какъ добычу и пропѣ-
ли ему похоронную пѣснь. Какъ добрый
Хриспіянинъ онъ перекрестился, препоручилъ
себя всѣмъ свяшымъ и пошомъ нашеспшы-
вая себя подѣ носъ молишвы, груспно, не-

хотя, упираясь шель за вожашымъ своимъ. Лѣсъ рѣдѣлъ; небольшая поляна представилась глазамъ нашего путешественника. Она была очаровательна, позлащена румянцемъ восхода, какъ будто облила розовымъ свѣтомъ, но съ шѣмъ вмѣстѣ одѣшая бѣлой скапершью росы съ брилліантами, переливавшимися въ яхонть и изумрудъ на правѣ, казалась перломупровою доскою, украшенною алмазами. Разчувствовался нашъ Совѣшникъ: поляна представилась ему нѣжною Луизою. Онъ хотѣлъ обнять ее — упалъ на праву (вѣроятно опъ усалосши) и внезапный сонъ овладѣлъ упомяненными членами его; въ волненіи души и шѣла онъ закрылъ глаза, чшобы нѣсколько привести въ порядокъ мысли свои и нечаянно, совершенно нечаянно заснулъ такъ сладко, какъ ему никогда не удавалось спать, получивши даже снисходительный взглядъ Бургомистра.

Осавимъ его спящимъ и обратимся къ своему Адольфу.

Проснувшись, онъ увидѣлъ себя на своей постели. Уже лучи румянаго упра озаряли его скромное убѣжище. Адольфъ вспалъ и на столѣ подлѣ кровати увидѣлъ большой мѣшокъ золоша. Первой мыслию его было благодарить Всещедраго, пославшаго ему въ шайншвенномъ незнакомцѣ важную помощь. Когда шеплая молишва укрѣпила благодашною силою уславшіе опъ сильныхъ ощущеній члены, то онъ сѣвши у окна, началъ обдумывать свои намѣренія. „Лу-

иза! Луиза!» было его первою, господствующею мыслию; но какими способами искашь съ ней соединенія, что предпринять въ насшоящемъ случаѣ? эшаго придумаешь никакъ не могъ; машинально подсѣлъ къ мѣшку и началъ считашь золотыя монеты: ихъ было около 100 тысячь шалеровъ; но вдругъ вскочилъ съ такою радостію, что уронилъ сшуль и спукнулся головою объ спѣну, опъ чего, въ свою очередь, вскочила у него порядочная шишка на лбу; шупъ новая неожиданная мысль, какъ молнія, освѣпила разсудокъ его. Одѣвшись на-скоро, онъ пригладилъ водою кудрявые волосы; подпрыгивая, выскочилъ на улицу, побѣжалъ къ дому Луизы — и вдругъ у крыльца ошпановился, вспомня что за ночь предъ шѣмъ онъ не смѣлъ подойти къ эшой двери, навѣки для него зашворенной; но шеперь чувствуя полноувѣсное золото у себя въ карманѣ, онъ дернулъ шакъ сильно за шнурокъ, что едва не оборвалъ его. Всѣ домашніе, Луиза и ошець ея, едва одѣшые вышли на крыльцо, и когда Адольфъ, довольный самъ собою, съ смѣющимся личикомъ представился глазамъ ихъ; но спарикъ было - нахмурился, но послѣ шого какъ юноша ошвелъ его въ спорону и объявилъ ему, что получилъ въ наслѣдство опъ дяди нѣсколькo тысячь шалеровъ; по лице спарика прояснилось; онъ обнялъ юношу, пошому что любилъ его, а ошказалъ опъ дому единшвенно пошому, что боялся склонности Луизы, не могшей по спариковскимъ разсчетамъ быть когда-либо его супругою; подвелъ его къ Луизѣ, соединилъ руки ихъ, и когда они въ объшпяхъ другъ у друга клялись въ вѣчной любви, по самъ невольнo прослезился, и повелъ ихъ во

внутренность покоевъ насладишься пріятностію горячаго кофе и ароматическимъ запахомъ канасфера.

Между стѣмъ нашъ Совѣтникъ пыхстѣлъ и храптѣлъ между деревьями. Уже румяная заря озолошила ихъ вершины; уже золотое солнце выказывалось изъ - за синющаго въ ушренныхъ шуманахъ горизонша; уже оно освѣтило просыпающуюся природу; уже сладко-звучный концертъ пернашыхъ раздавался въ темной глуши лѣса, а Совѣтникъ, хопя сновидѣнія его были и не шакъ сладосны, какъ ощущенія и видѣнія на яву, стѣмъ не менѣ свернувшійся клубкомъ, сколько позволяла полщина, вдругъ слышишь грозное повелѣніе навсегда отказатьсь отъ Луизы; сильно поворачиваешся и вскакиваешъ на ноги. Ослушаешь было его первую мыслію, но при вспоминаніи объ ужасномъ голосѣ повелѣнія, лихорадочная дрожь пробѣгала по членамъ его. — Наконецъ страхъ превозмогъ сребролюбіе: съ шрепешными, судорожными движеніями рукъ женихъ прибѣжавши въ комнапы, написалъ къ отцу Луизы письмо, въ которомъ шоржественно отказывался отъ его дочери и, ахъ! отъ богатаго приданаго ея; запечатавши записку, не взирая на то, что въ городѣ, все покоилось мирнымъ сномъ, послалъ человека и приказалъ непременно разбудить спарика и отдать записку; самъ же нѣсколько успокоившись, улегся на постель, заснулъ скоро; но опять видишь спрашилища, его преслѣдующія; опять бѣжишь куда-то, и вдругъ за что-то запнулся и растянулся всѣмъ корпусомъ на зеленой травѣ. Что - то

бѣлое подѣ самымъ носомъ поразило его взоры; съ судорожнымъ движеніемъ хватаясь за находку, думая что небо, можетъ быть, умилосердившееся надѣ нимъ, посылаетъ ему кладъ — какъ въ шу же минушу голосъ, сильнѣйшій чѣмъ ревъ разъяренныхъ стихій; ужаснѣйшій, чѣмъ перекапы яраго грома, прогремѣлъ: *„исполняй волю мою!“* Едва опдѣдившаяся ошъ земли голова снова упала на землю и онъ лежа, шворя молитвы и креспы, вшайнѣ проклиналъ свое любопытство. Болѣе чешверщи часа лежалъ онъ зажмурившись въ безпреспанномъ ожиданіи всего дурнаго; попомъ видя, что ему ничего не дѣлалось, робко поднялся, оглядѣлся во всѣ спороны, сунулъ бумажку (мнимый кладъ) въ карманъ и не оглядываясь, пустился въ городъ. Было уже часовъ 12 ночи, когда онъ прибѣжалъ шуда, запыхавшись, измученный и душой и шѣломъ до послѣдней крайности. По нѣкошоромъ опдохновеніи, первая мысль его была разсмошрѣшь подышую бумажку, а попомъ опправиться къ Луизѣ. — Мракъ ночи уже ложился на землю; опдаленныя горы дымились въ шуманакъ вечера и какъ будшо увѣнчанныя синевашыми вѣнками, медленно понули въ сѣрѣющемъ мракѣ. — Скреспивши руки на грудь, полный пягоспнѣйшей думы, что сдѣлалось съ Луизою и что подумаюшъ о безвременной, невольной оплучкѣ его, шель онъ по дорогѣ; мысли его вдругъ предшавили ему, что Луиза и ошець ея почшеть эшо явнымъ пренебреженіемъ и онъ (ужасная мысль!), можетъ спашься, будешъ долженъ распашься съ Луизою и даже съ десятками пысячь, копорые такъ сладосшно въ воображеніи своемъ поло-

жилъ въ окованную шкапулку. При этой мысли онъ согрѣнулся; холодный потъ выпунилъ на вспошѣвшемъ отъ шолщины и ходьбы лицѣ его; но женихъ идетъ, беспреспанно оглядываясь; всѣ кушарники въ споронѣ кажутся ему чудовищами, его преслѣдующими; онъ ускоряетъ шагъ, задыхается и собспвенные шаги его кажутся ему шагами ужаснаго незнакомца, копорый опять передъ нимъ и опять голосомъ спрогимъ, съ спрашною фizioномією своею, съ своими сверкающими глазами и съ угрожающимъ видомъ приказываетъ ему навсегда опказаться отъ Луизы. — Опказаться отъ Луизы! хорошо, если бы шолько отъ одной Луизы, но вмѣстѣ съ нею надобно было опказаться и отъ десяшковъ тысячъ рейхспалеровъ, а эшаго разсудокъ его никакъ не могъ понять, да и легко ли это, сами разсудите, чипашели мои! Совѣшникъ конечно почивалъ; но подобные грезы во все продолженіе сна постоянно занимали его голову; уже солнце палящимъ лучемъ обогрѣвало природу, но Совѣшникъ все еще спалъ. Было далеко за полдень; опускающееся солнце блисшало уже холодными лучами закаша; долгія тѣни пошянулись отъ деревьевъ, горъ и кушарниковъ; уже лучи заходящаго свѣшила огненными леншами браздили вечерѣющее небо, когда Совѣшникъ-женихъ проснулся; чувспвуя, что сонъ его былъ необыкновенной, радосшно вскочилъ съ одра своего; но печально воображалъ, какой сумяшицы надѣлалъ посланный его въ домъ невѣспы. Въ самомъ дѣлѣ отецъ Луизы, проширая глаза и называя Совѣшника дуракомъ и сумасшедшимъ, снова опправился спать; мало помалу все опять успокойлось,

кромѣ одной Луизы, которая, вѣроятно, не спала отъ радости цѣлую ночь: ибо на другой день вышла за Адольфа, и была во всю жизнь такъ щасплива съ нимъ, какъ рѣдко съ *разсчитливыми Советниками* бывають щаспливы. . . . нѣсколько дней.

И. Селивановъ.

А л ь б о м ъ.

Въ 67 Но Липшерапурныхъ Прибавленій къ Рускому Инвалиду, подъ спашьею: *Вопросъ на вопросъ*, сказано, что *«Подшиваловъ и Мерзляковъ Рускіе природные дворяне по роду.»* Мы въ свою очередь спросимъ: »шушка это, или нѣтъ?» ибо дипломъ на природное дворянство по роду данъ имъ отъ *Пересмѣшника*. Но вмѣстѣ съ ними послѣдены *Карамзинъ* и *В. В. Измайловъ* — тогда, какъ Подшиваловъ говоришь самъ въ описаніи жизни своей, что онъ сынъ огородника; Мерзляковъ же, какъ извѣстно, купеческій сынъ, привезенъ изъ Сибири и отданъ М. М. Жерасковымъ въ Университетъ. Надлежало бытъ, по крайней мѣрѣ, или *невѣждою*, или *пройдохю* (*) тому, кто составлялъ сію вопросительную родословную, если только она не заключаетъ въ себѣ какой-либо мисшификаціи. . . .

(*) См. вышеупомянутую спашью.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Пѣснь пльнника.

„Зачѣмъ судьбой неумолимой
 „Я не взлелѣянь, не любимъ,
 „И не дышу съ спраной родимой
 „Свободнымъ воздухомъ однимъ?
 „Ахъ! я давно-бъ распоргнуль узы,
 „И ихъ никто не сплель бы вновь,
 „Когда-бъ мнѣ чужды были Музы
 „И первой юности любви.
 „Любовь, любовь! швоею силою
 „Я воскрилень, я упоень;
 „Я для одной себя рождень;
 „Съ тобой мнѣ щастье за могилою!
 „Любовь и Музы! вошь онѣ —
 „Мои свѣшила золошья,
 „Какъ звѣзды въ мрачной пишинѣ,
 „Какъ сердца помыслы свяшья!
 „Мнѣ съ ними пльнъ — свободы пирь;
 „Бѣда — надежды милой сладость;
 „Печаль — души невинной радость;
 „И съ дымомъ хапа — цѣлый мѣръ!“
 Такъ пльнъ цоэшь въ глуши печальной:
 Ему былъ мрачень бѣлый свѣшь;
 Но свѣшель былъ мѣръ идеальной;
 Его любилъ онѣ, какъ цоэшь.
 И на чель его высокомъ
 Толпился рой небесныхъ думъ;

Изъ усть лилася рѣчь потокомъ ,
 Въ очахъ сіяль неслѣнный умъ.
 Онъ какъ пришлецъ съ страны небесной
 Дивился храмамъ богачей ,
 Блестящей глупости людей
 И взорамъ гордоси чудесной.

.

Его здѣсь нѣтъ ; въ странѣ далекой ,
 Быть можеть , прахъ его лежить
 Добычей птицъ ; родное око
 Его слезой не окропить.

А. Никитинъ.

27 Августа 1832 года.

Садовая.

К Ъ П О Р Т Р Е Т У

А * * Ф* * * Ф.-Б. . . . й.*

Скажу безъ вымысловъ : она
 Мила , любезна и умна.

С т р а х ъ .

Отецъ богашъ и дочь одна ,
 И не дурна ,
 И учена ,
 А все безъ жениховъ она :
 За тѣмъ , что матушка страшна.

Къ нѣкоторымъ людямъ.

Какую же игру состряпала природа!

Вы такъ всё на одно лицо,

Что можно-бъ было васъ поставить на крыльцо-
Любой Кунштъ - камеры для украшенья входа.

ИЗВѢСТІЯ.

Памятникъ АЛЕКСАНДРА I.

»Тридцатаго Августа, день священный для Россіи воспоминаніями и блестящими надеждами въ предбудущемъ, никогда еще не праздновался въ С. - Петербургѣ столь торжественно, какъ въ нынѣшнемъ году. Въ лѣтописяхъ нашихъ онъ останешся достопримѣчательною эпохою: ибо въ сей день С.-Петербургъ украсился однимъ изъ величественнѣйшихъ монументовъ въ свѣтѣ, и въ то же время по благопріятному спеченію обстоятельствъ, какъ бы нарочно къ сему торжеству, довершено построеніе новаго прекраснаго Театра и единственной въ своемъ родѣ мостовой Александро - Невскаго проспекта. Прекраснѣйшая погода благопріятствовала во весь день сему празднику; казалось, сама природа въ ономъ участвовала. Съ самаго утра несмѣнное множество народа собралось около Казанскаго Со-

бора, откуда въ 10 часовъ высокое Духовенство, сопровождаемое Кавалерами Ордена Св. Александра Невского, отправилось крестнымъ ходомъ въ Невскую Лавру. По окончаніи богослуженія, въ присущствіи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Государей: Цесаревича, Наслѣдника Престола, и Великаго Князя МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО съ Ихъ Императорскими Высочествами возвратился въ Зимній дворецъ; спустя нѣсколько времени вся Августѣйшая Фамилія изволила отправиться къ мѣсту на Дворцовой площади, гдѣ уже все было пригошовлено къ поднятію колонны. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, съ Государями: Наслѣдникомъ Престола, и Великимъ Княземъ МИХАИЛОМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ, въ сопровожденіи блистательной свиты, верхомъ, а ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА съ Государынями Великими Княжнами въ великолѣпной парадной каретѣ, коей предшествовали опряды Горцевъ въ полномъ вооруженіи. Трудно сосчитать себѣ понятіе о множествѣ людей, собравшихся для сего зрѣлища (*). Устроеныя на подмосткахъ галереи, обширная площадь, всѣ окна и даже кровли окружающихъ зданій: Дворца, Главнаго Шпаба, Адмиралшества, были усыяны зрителями. Для Царской Фамиліи, равно

(*) Изъ Москвы, Риги, Ревеля и даже изъ Англіи нарочно прибыли путешественники, чтобъ быть свидѣтелями сего единственнаго въ своемъ родѣ торжества.

какъ для почетнѣйшихъ особъ Двора и чужестранныхъ Пословъ были раскинуты на подмосткахъ особыя палатки. Послѣ краткаго молебна, ровно въ два часа пополудни, данъ знакъ къ приведенію въ движеніе шестидесяти шпильей. Медленно и величаво поднималась гранитная громада, движимая руками воиновъ, участниковъ въ славъ АЛЕКСАНДРА. Боязненное опасеніе и надежда волновали сердца присутствующихъ. Кругомъ царствовало глубокое молчаніе; но вдругъ радостныя, пышечкранно повторившіяся восклицанія возвѣстили щасливое совершеніе многопруднаго подвига (*). Невозможно описать впечатлѣнія, произведеннаго въ сію торжественную минушу во всѣхъ зрителяхъ! Всякій воздавалъ хвалу Монарху, возымѣвшему мысль увѣковѣчить споль достойнымъ образомъ память Царя, превозносиваго вселенною, и шѣмъ, которые съ поликимъ постоянствомъ и успѣхомъ содѣйствовали исполненію сего предпріятія. Градъ Петра Великаго возгордился другимъ памяникомъ, которому нѣтъ подобнаго въ мірѣ; и если первый свидѣтельствуешь, сколь быстро Россія по мановенію могущественнаго Генія достигла своего величія, шо второй вѣщаетъ свѣшу, что сіе величіе, грозное для супостатовъ, есть швердая опора мира и благоденствія народовъ.“

(*) Колонна поднята ровно въ $1\frac{5}{4}$ часа.

Къ сей любопытной для *цблага свѣта* спашъ, заимствованной нами изъ С. - Пешербургскихъ Академическихъ Вѣдомостей, мы присоединяемъ новые стихи масшиаго Поэта, воспламеняемаго огнемъ юности при всякомъ досшославномъ происшествіи въ ошечествѣ:

К ъ П а м я т н и к у
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Гранитъ единственнй, въ день Невскаго Героя,
Среди Петрополя главу свою подъяль.
Предъ нимъ Траяновъ столпъ, доселъ дивный, малъ:
Тошъ пышной суешой Римъ гордый изумляетъ,
Здѣсь благосшъ двухъ Царей Россія прославляетъ.

Графъ Хвостовъ.

П а р и ж с к і я л о д ы .

Замѣчено много шляпокъ - капотовъ изъ органди на дамахъ, имѣющихъ вкусъ. Сіи шляпки, подбитыя розовою шафшою, въ краяхъ съ полувуалемъ изъ Англійскихъ кружевовъ. На верху бантъ изъ газовыхъ лентъ.

— Мы видѣли одну изъ сихъ шляпокъ украшенную бѣлыми розами, сдѣланными изъ органди, съ феспонированными листьями и съ вышитыми жилками.

— Много также шляпокъ - капотовъ изъ обьяри лиловаго цвѣта; нѣкоторыя подбиваются палевымъ.

— Эшарповъ носятъ болѣе, чѣмъ шадей, въ полунарядѣ и даже въ неглиже: для сихъ послѣднихъ наиболѣе употребляется шерстяная кисея.

— Маленькіе вышитые фартучки продолжаются. На кармашкахъ вышиваются карзиночки съ розами.

— Маленькіе упренніе чепчики почти всѣ оштѣлывающія гофрированнымъ рюшемъ. Башиспъ для кронокъ почитается нынѣ лучшимъ вкусомъ.

Изъясненіе картинки при семь No.

Дама. — Шляпка изъ пальдери, съ цвѣтами. Платье кисейное. Булавки эмальныя.

Мущина. — Костюмъ по собственному вкусу (*costume de fantaisie*). Прическа парикмахера Малена.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,
съ тѣмъ чтобы, по оппечашаніи, были предсшавлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Сентября 12 го дня, 1832 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П р о з а .

В о с т о ч н ы е а н е к д о т ы .

Остроумное оправданіе Визиря.

Мегеметь, Царь Кузистанскій (*), подобно прочимъ воспочнымъ Государямъ, былъ окруженъ женщинами и льстецами. Случай, дѣйствующій иногда удачнѣе благоразумія, доставилъ ему добраго Министра, любившаго правду, своего Царя и Государство, которымъ управлялъ. Мудрено ли, что онъ навлекъ на себя ненависть и возбудилъ злобу? При немъ не давали важныхъ мѣстъ недостоиннымъ и не продавали чиновъ и опличій; любимицы Сулшана

(*) Кузистанъ, область Персіи, извѣстная подъ именемъ Сузіаны. Нѣкогда она составляла особенное Царство.

не находили случая обогащать спражей, которых боялись, и молодых людей, которых назначали в супружество дочерям своим. Они успели воспользоваться благоприятными минутами и убедили малодушного Султана удалить от должности умного и доброго Министра. — Лишенный Царской милости, Визирь не хотел ни оправдываться, ни умолять Государя; а только написал к Султану: „Вмѣню себя въ единственную награду за то, что я всегда желалъ быть полезнымъ, если Ваше Величество благоволише дать мнѣ сколько-нибудь земли, еще необработанной: общаю сдѣлаю ее удобною къ хлѣбопашеству и плодородною. Сей награды достаточно будетъ къ моему пропитанію.“ Мегемешъ, не привыкшій еще любить усерднаго и ревностнаго исполнителя воли своей, приказалъ по всему Государству искать земель дикихъ и бесплодныхъ; но ни въ одномъ округѣ не могли найти: всѣ земли были плодоносны; торговля и земледѣліе, равно ободряемая, снабжали трудолюбивыхъ жителей обильнымъ продовольствіемъ. Во всемъ Кузистанѣ не опыскалось ни бѣднаго земледѣльца, ни земли, лежавшей впустѣ.

Монархъ, которому это было донесено людьми, не предвидѣвшими, какія изъ того могли произойти слѣдствія, велѣлъ сказать Визиру, что даешь ему земли, наилучше обработанныя, какія только ему самому понравятся. „Въ награду за мои у слуги,“ отвѣчалъ Визирь „желаю только счастья оказывать новыя моему опечеству. Мнѣ хотѣлось, чтобы Государь узналъ; въ какомъ состояніи оставилъ я Государство его; теперь мнѣ осмѣется же-

лашь единственно того, чтобы мои преемники принесли сполько же пользы.“ Сей опвъшь вразумилъ Монарха; онъ возвратилъ Визирю его прежнее достоинство, и рѣшилъ, не доверяя ласкашельству и клеветѣ, имѣшь полную довѣренность къ людямъ благомыслящимъ и добрымъ.

Вѣрность въ храненіи даннаго слова.

Варварское обыкновеніе, слѣдствіе суевѣрія, было введено между Арабами прежде, нежели они приняли законъ Магомешанской: два дня въ недѣлю посвящались ими двумъ ложнымъ божествамъ. Одинъ изъ сихъ дней почитался днемъ щасія, и Государь, для приданія торжеству большаго блеска, оказывалъ милоспие всѣмъ, имѣвшимъ въ нихъ нужду; другой же напрошивъ предзнаменовалъ бѣдствія: всѣ, являшіеся въ эпошь день къ Государю для испрошенія у него милоспей, были приносимы на жершву. По всему видно, что идолъ, кошорому въ эпошь день поклонялись, у народовъ споль грубыхъ почитался грознымъ божествомъ и могъ бышь умилоспивляемъ сполько кровавыми жершвами.

Въ царшвованіе Наам - Мунзира одинъ житель Аравіи, по имени Тай, лишасть всего имѣнія, впалъ въ крайнюю бѣдность. Слыша, какъ превозносили Наамову щедрость, онъ рѣшилъ прибѣгнушь къ его помощи. Проспясь съ женою и дѣшми, и увѣривъ ихъ, что надѣешся сыскашь средство къ облегченію общей съ ними участи, отправилъ въ путь. Сей несчастный, слишкомъ заняшый мыслію о вспомошествованіи сво-

ему семейству, забылъ о гибельномъ днѣ, выбранномъ имъ для испрошенія милоспи у Государя. Лишь только Наамъ увидѣлъ Тая, какъ отвратилъ отъ него взоры и сказалъ: „Нещасный! для чего являешься ко мнѣ въ день злополучный? Споть безрасудной поступокъ будешь спотить тебѣ жизни, и я не могу спасти тебѣ.“ Тай, видя неизбѣжную смерть, повергается къ ногамъ Государя и умоляетъ его опложить на нѣсколько часовъ совершеніе казни. „Позволь мнѣ“ сказалъ онъ „въ послѣдній разъ обнять жену и дѣшей, и принести имъ нѣсколько пищи, безъ которой они погибнутъ. Твое правосудіе умѣетъ оплечать невиннаго отъ виновнаго; клянусь всѣмъ для меня священнымъ, что возвращусь до захожденія солнца; тогда пусть рѣшится судьба моя, и я покорюсь ей безъ ропшанія.“

Государь, пронутый жалоспію, согласился на отсрочку, только съ условіемъ, отъ котораго и самое милосердіе пошеряло свою цѣну: онъ пребовалъ поручителя, надъ которымъ бы можно было совершить смершный приговоръ, если Тай не сдержитъ своего слова.

Тщетно умолялъ нещасный всѣхъ, окружавшихъ Государя; всѣ боялись подвергнуть жизнь свою очевидной опасности; тогда обращаясь къ Шерикбедану, любимцу Монарха и проливая горькія слезы, сказалъ ему: „Не ужели и ты, Шерикъ, имѣющій споть благородную душу, останешься нечувствительнымъ къ моему злополучію? Не ужели откажешься бышь за меня поручителемъ? Свидѣтельствуюсь небомъ и землею, что возвращусь сюда до захожденія солнца.“

Слова Тая и его несчастіе пронули Шерика до глубины сердца; онъ донесъ Государю, что соглашается поручиться за несчастнаго. Тай получилъ дозволеніе и поспѣшилъ отпра- виться къ своему семейству.

Между тѣмъ время, назначенное къ его воз- вращенію, приближалось; солнце клонилось уже къ Западу — а онъ не являлся. Связаннаго Шерика привели на мѣсто казни; уже палачъ поднималъ сѣкиру, чтобы поразить жершву, какъ вдругъ увидѣли человека, бѣжавшаго по долину. Тай, запыхавшійся и покрытый по- томъ и пылью, задремывалъ отъ ужаса, уви- дѣвши Шерика, стоявшаго на мѣстѣ казни и го- шовившагося распахаться съ жизнью; бросился къ нему, разорвалъ узы, спалъ на его мѣсто и сказалъ: „Умираю довольнымъ: мнѣ удалось придти въ такое время, когда могъ я изба- вить отъ смерти своего благодѣтеля.“

При семь умилительномъ зрѣлищѣ никто изъ предстоявшихъ не могъ отъ слезъ удержа- ться; и самъ Государь проливалъ слезы. „Я не видывалъ еще столь поразительнаго зрѣлища!“ воскликнулъ онъ отъ удивленія: „въ тебѣ, Тай, вижу образецъ вѣрности, съ какою надобно хра- нить данное слово; а съ шобою, Шерикъ, ни- кто не сравнится въ великодушїи; изъ уваже- нїя къ вамъ уничтожаю ужасный обычай, жест- шокостїю введенный между нами. Съ этаго дня подданные мои могутъ безъ боязни являть- ся ко мнѣ во всякое время!“ — Монархъ осы- палъ Тая благодаренїями, а Шерикъ сталъ для него любезнѣе прежняго.

В е л и к о д у ш і е.

Нѣкоторый Государь осудилъ на смерть невольника. Сей послѣдній съ опчаянія осыпалъ фдкими укоризнами своего повелителя. „Что говоришь онъ?“ спросилъ Государь у своего любимца. — Нещасный говоришь, что для Государей, прощающихъ пресупленія въ сей жизни, предославлено воздаяніе въ будущей, и умоляешь васъ о помилованіи. „Прощаю его,“ отвѣчалъ Государь. Одинъ изъ придворныхъ, давнишній непріятель любимца, слышалъ все, что говорилъ невольникъ. „Тебя обманываютъ, Государь!“ сказалъ онъ: „сей нещасный дерзнулъ произнести слова, оскорбительныя Вашему Величеству.“ Ложь, внушенная челоуѣколюбіемъ, лучше правды, вынужденной жестокостию — возразилъ Государь; попомъ, обращаясь къ своему любимцу, сказалъ: „Ты одинъ, другъ мой, будешь говоришь мнѣ правду.“

Дервишъ, углубленный въ размышленіе.

Нѣкоторый Султанъ во время вечерней прогулки увидѣлъ Дервиша, который держалъ у себя на колѣнахъ мертвую голову. Опшельникъ, не замѣтивъ Государя, приспально смотрѣлъ на голову и казался погруженнымъ въ размышленіе. Такое странное положеніе и углубленіе въ необыкновенный предметъ удивили Султана. Подошедши къ Дервишу, онъ спросилъ о причинѣ его размышленія. „Государь!“ отвѣчалъ Турецкій опшельникъ: „эша голова нынѣ поуспру предсавилась моимъ взорамъ; и я до сихъ поръ

ищечно стараюсь узнать, к кому она принадлежала: могущественному Вельможѣ или подобному мнѣ бѣдному Дервишу.“

Шутка спасаетъ несчастныхъ.

Часто случается, что шутка укрощаетъ гнѣвъ удачнѣе, нежели важныя рѣчи и сильныя убѣжденія. Баязеть I, Императоръ Турецкій, царствовавшій въ концѣ четырнадцатаго столѣтія, былъ весьма вспыльчивъ. Раздражительность, соединенная съ неограниченною Султанскою властію, наводила на всѣхъ ужасъ. Одинъ только Наруддинъ, Езопъ своего времени, умѣлъ успокаивать Султана своими забавными шутками.

Однажды Баязеть, раздраженный военачальниками, собралъ совѣтъ, чтобы предать ихъ всей строгости правосудія. Министры, пораженные горестію, искали средства спасти жизнь несчастныхъ. Наруддинъ взялся помочь ихъ горю. „Султанъ!“ сказалъ онъ Государю: „прикажи умертвить всѣхъ этихъ людей; они изменники: чѣмъ скорѣе отъ нихъ избавишься, тѣмъ лучше.“ Баязеть одобрилъ его мнѣніе. „На что они намъ?“ продолжалъ шутъ: „вопъ Тимуръ приближается съ войскомъ къ нашимъ границамъ; ты возмешь знамя, а я схвачу барабанъ; выдемъ на встрѣчу Ташарамъ, вступимъ въ сраженіе и перебьемъ ихъ. Гдѣ имъ устоять противъ насъ?“ — Баязеть не отвѣчалъ ни слова на эту иронію; но чрезъ нѣсколько минутъ принужденъ былъ объявить прощеніе виновнымъ.

Великолѣпное зданіе.

Одинъ Султанъ велѣлъ построить дворецъ, не щадя никакихъ издержекъ на его великолѣпіе

и убраншво. По опдѣлкѣ зданія, Государь повелъ шуда своихъ придворныхъ, чшобы выслушаша похвалы, возбужденныя удивленіемъ его любимцевъ. Всѣ превозносили красоту зданія; а особливо великое множество и правильное расположение входовъ. „Великолѣпные черпоги!“ воскликнулъ Дервишъ, вмѣшавшійся въ толпу зришелей: „они опкрышы со всѣхъ споронъ; какъ легко ангелу смерти войши сюда!“

Благоразумная бережливость.

Правосудный Нуширванъ, бывшій наслѣдникомъ Хоразанскаго преспола, любилъ удовольствія и ничего не жалѣлъ для удовольшворенія своихъ прихопей; обѣими руками сыпалъ богатштво и на близкихъ, и на дальнихъ угождашелей его склонноспямъ. Опличнѣйшіе пѣвцы и искусѣйшіе музыканшы вызывались забавляшъ Нуширвана и опходили опъ него съ полными карманами. Едва вспуилъ онъ на пресполь, какъ спеклись къ нему арписшы со всѣхъ споронъ. Нуширванъ съ удовольшвїемъ слушалъ ихъ искусшво въ пѣніи и музыкѣ, но наградилъ за шо несравненно менѣе прежняго. Одинъ изъ музыканшовъ осмѣлился жаловашся на скудосш награды. „Прежде издерживалъ я для васъ свои собшвенныя деньги, и никому не давалъ въ шомъ опчета; а шеперь осшался бы виновнымъ предъ Богомъ и совѣшю, если бы для своихъ удовольшвїей спалъ жершвовашъ имущесшвомъ моего народа,“ опвѣчалъ Нуширванъ.

(Изъ Mélanges de Littérature orientale.)

Варвара Побѣдоносцева.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

*Къ Памятнику въ Бозь поживающаго Госу-
даря Императора АЛЕКСАНДРА Перваго.*

Колосъ , вѣками возрожденный ,
Главу подъемлющъ къ небесамъ ;
Вѣщашъ попомству обреченный
Хвалу Безсмертнаго дѣламъ ,
О чадо дивное природы !
Гордись сей участью своею !
Неколебимый въ родъ и роды ,
Славь память Друга всѣхъ людей !
Ты камень , чувства не имѣешь ,
Но сильно чувствовала велишь ;
Ты душу потрясашъ умѣешь ;
Безъ словъ съ сердцами говоришь !
Кто на тебѣ остановляя
Свой взоръ , — кто псячко не вздохнешь ?
Кто АЛЕКСАНДРА вспоминая ,
Слезы сердечной не прольешь ?

Анна Волкова.

К Ъ П О Р Т Р Е Т У

Благотворителя Курской губерніи.

Какой изъ вѣковыхъ эгидовъ ,
Хранящихъ славу дѣлъ могуществомъ своимъ ,
Не помрачается предъ образомъ своимъ ,
О слава нашихъ дней , Демидовъ !

Князь Шаликовъ.

Память минувшаго.

Въ минувшій годъ, во дни злашые,
 На прокъ мчался удалыхъ
 Я на берега рѣки родные —
 Обняшь внезапно *молодыхъ*.
 Примчался. Къ баду все гошово;
 Вино, музыка; дамъ цолна
 Большая зала; встрѣчей новой
 Толпа гостей оживлена.
 Чшо-жь долго думашь? грянулъ польской;
 Кадриль спешенная попомъ,
 И запрещалъ въ мазуркъ скользякой
 Парке подъ *рѣзкимъ каблучкомъ*.

Все пирь, да пирь, да шумъ бѣсѣды,
 Не угомонные сосѣды,
 Заздравныхъ винъ бокаловъ рой
 Вскружили голову собой.
 Такъ я на лонѣ праздной дѣни,
 И неусыпной суешы
 Пишаль безумныя мечшы,
 И жилъ, какъ въ призракъ видѣнй;
 Но эшопъ разноцвѣтнй пирь —
 Безпечной младосши кумирь —
 Наскучиль мнѣ, какъ шарца рѣчи,
 И какъ солдапу бранны съчи.
 Одной отрадой мнѣ была
 Любовь; но чья? . . . Ее нѣтъ боль!
 Она шайлась по неволѣ,
 И дружбой братскою слыла.
 Я былъ любимъ, и предовольно,
 Чшобы блаженство дней вкусить!
 Но какъ минувшее намъ больно
 На память щастье приводить!

Промчалась радость! . . . Быть не можешь,
 Чшобъ не пришло къ намъ щастье вновь! . . .
 А все жестоко сердце гложешь
 Невоплощенная любовь!

А. Никитинъ.

27 Августа 1852,

Садовая.

С М Ъ С Ъ.

Послѣдній вечеръ Нѣмецкаго Собранія.

Говоря объ этомъ прекрасномъ заведеніи, составляющемъ единственныя пункты лѣсныхъ загородныхъ увеселеній для сполчныхъ жителей, мы часно имѣли случай къ замѣчанію *постоянства*, въ особеннсти принадлежащаго общему характеру Нѣмецкой націи, и теперь приводимъ въ новое доказательство сей любезной черты нравственной шо, что не взирая на самую дурную погоду всего лѣша, не было воскресенія, или другаго какого-либо праздника безъ музыки, безъ спектаклей, безъ фейерверка, безъ иллюминаціи въ *Яковлевскомъ саду*, занимаемомъ Нѣмецкимъ клубомъ, если только проливной дождь не препятствоваль пользоваться забавами подъ опкрытымъ небомъ.

Послѣднему вечеру Нѣмецкаго Собранія благопріятствовала наилучшая *осенняя* погода. Садъ былъ иллюминованъ, полковая музыка гремѣла, вольные пѣсельники извѣснаго, или лучше сказать славнаго *Лебедева*, вмѣстѣ съ Кориѣемъ своимъ, восхищали *охотниковъ* и пѣшиди каждаго.

Наконецъ сославились въ залъ панцы, копорыми и заключился послѣдній вечеръ Нѣмецкаго Собранія при всеобщемъ желаніи, чтобы оно и на будущее льшо избрало мѣстомъ своего пребыванія *Красное село*, какъ самое привлекательное для льшнихъ увеселеній всякаго рода прекраснѣйшимъ садомъ своимъ, какой шолько еспь въ живописныхъ окрестностяхъ Москвы бѣлокаменной, нынѣ болѣе нежели когда-нибудь оправдывающей сіе шаринное проименованіе.

ИЗВѢСТІЯ.

Рускія Сказки, изъ преданія народнаго, изустнаго на грамоту гражданскую переложенныя, къ быту житейскому приуроченныя и поговорками ходячими раскрашенныя казакомъ Владиміромъ Луганскимъ, съ эпиграфомъ :

И много за моремъ грибовъ,
Да не по нашему кузову.

Сія книга содержишь въ себѣ пять слѣдующихъ Сказокъ :

1. Сказка объ Иванѣ, молодомъ сержантѣ, удалой головѣ безъ роду безъ племени, сиротѣ безъ прозвища.

2. Сказка о Судѣ Шемякиномъ и о воеводѣ спшвѣ его и о прочемъ.

3. Сказка о Рогволодѣ и Могучанѣ Царевичахъ, равно и о шрешемъ единошробномъ ихъ брашѣ, о славныхъ подвигахъ и дѣяніяхъ ихъ, и о новомъ княжеспшвѣ и княженіи.

4. Сказка: Новинка - диковинка, или невиданное диво, неслыханное чудо.

5. Сила Калинычь, душа горемычная, или Рускій солдатъ ни въ аду, ни въ раю.

Казакъ Владиміръ Луганскій — который приходился съ родни памяшному, можешь бышь, чипашелямъ Сѣверной Пчелы лицу одного съ нимъ имени — шѣшилъ неоднократно земляковъ и собивачниковъ своихъ, сказывая имъ, въ длинныя шемныя ночи, за бивачнымъ огнемъ, сказки, которыхъ слышался опъ дѣда, опъ бабки, опъ кумы Соломонида и даже опъ свапа Демьяна; а свапъ Демьянъ слылъ и на Волгѣ ма-сперомъ своего дѣла. Къ казачьимъ бивакамъ подходили иногда и кавалеры *нестаничныя*, шо есть рядовые спроевыхъ полковъ, которыхъ огни лежали по сосѣдству съ первыми, и даже случалось, что казакъ Луганскій въ числѣ подсѣвшихъ слушателей замѣчалъ *Московскихъ офицеровъ*, п. е. офицеровъ спроевыхъ войскъ. Эшо и подало ему мысль собрашь, на попышку, пяпокъ Сказокъ своихъ, положишь ихъ на грамопу, переслашь родичу своему и шѣскъ, во преспольномъ градѣ здравствующему, для оппечатанія, — къ чему и приложилъ сошенку другую рублишекъ, шамъ и сямъ по походамъ собранную. Онъ, малый грамопный, написалъ при эшомъ случаѣ къ свапу письмо, въ которомъ говоришь, между прочимъ, что намѣреніемъ его при эшомъ было, чтобы народныя наши замысловашыя и плоскія шушки, припчи, повѣрья, поговорки были доведены до свѣдѣнія градообиташелей, ибо ему слышалось гдѣ-шо, что они высокоумными бреднями заморскими набили оскомину и себѣ, и другимъ; и будшо бы пришла шакая пора, что ихъ иногда позываешь почиташь зашѣй доморощенныхъ. . . . Правду ли онъ говоришь, нѣшь ли, не знаю; а еще менѣ опвѣчаю за почность

простодушнаго и забавнаго заключенія его, что „понеже у слушателей его круга и сословія доставало ума и охоты слушать Сказки его, то онъ полагаетъ найши и то, и другое у господъ чиновныхъ и почешныхъ, по крайней мѣрѣ, сполько же!“ Я даже нахожу, что это примѣненіе и заключеніе не совсѣмъ прилично; ибо — кто что ни говори — *господа* всегда оспануся *господами*, а *простонародное* всегда пахнетъ *простонароднымъ*, ш. е. пенькою, дѣгшемъ и сосновымъ лѣсомъ! Но дѣло сдѣлано: сващъ выслалъ мнѣ шарабарскую рукопись свою и денжонки, а я шиснулъ ее, и надѣюсь, при посредничествѣ общаго нашего благодѣшеля, Александра Филипповича Смирдина, вышавишь еѣ жишелямъ сполицъ нашихъ, губернскихъ, уѣздныхъ и даже зашшашныхъ городовъ на показъ и на продажу за наличныя деньги: эшаго пребуешь сама справедливосшь, ибо сващъ и пѣска мой заплашилъ за напечатаніе наличными же.

О вышеизложенномъ имѣю чешъ увѣдомишь почешенныхъ чипашелей Сѣверной Пчелы, да и прошу всепокорнѣйше Г-дѣ Издашелей прочиыхъ временныхъ лисшовъ и Журналовъ нашихъ — къ какому бы царству Природы имя сихъ послѣднихъ (?) ни принадлежало — оказашъ мнѣ и свашу - пѣскѣ моему услугу, и намекнушь въ свою очередь почешенымъ чипашелямъ своимъ о великомъ письмовномъ собышій семъ, предприимчивосшію оборошливаго сваща - пѣски моего и подручниковъ его, при помощи Всевышняго, нынѣ уже довершаемаго.

Впрочемъ, послупившій нынѣ въ печать *первый пятокъ* Рускихъ Сказокъ присланъ казакѣмъ Луганскимъ шолько для перваго опыша; если онъ удашся, и чипашели оправдаюшь

сколько нибудь предположеніе Сочинителя, по онъ спращаетъ насъ, что у него есть еще огромный запасъ ихъ, копорыя онъ, въ случаѣ пошребы, немедленно *ужнетъ* на бумагу; почему и почитаю обязанностію предосперечь почтенныхъ чшашелей ошъ этой угрозы, указавъ имъ средства къ застрахованію себя ошъ подобнаго наводненія.

Свашъ и тѣска мой дѣлаешъ еще, въ письмѣ своемъ, окончашельную приписку, въ копорой говоришь, что ему совѣшовали - было открьшь предваршельно подписку на книженку свою; но, какъ между казаками сущешвуешъ обычай, заповѣдывающій *священную неприкосновенность* собшвенности каждаго изъ нихъ, между собою, п. е., другимъ словомъ: дозволяешся пользоваться только *за чертой*, у чужихъ, — а подписчики на изданія книжныя бываюшъ всегда только приближенные, добросовѣштные люди, по онъ, какъ добрый казакъ, и не рѣшилсѣ прибѣгнушь къ сему средшву, а предпочель лучше пущить поваръ свой въ ходъ лицемъ, во всѣ чешыре спороны; а пріяшелямъ своимъ и собивачникамъ раздасъ, на счешъ покупщиковъ за чершой, по книженкѣ Сказокъ своихъ даромъ, въ госпинецъ. За эшо, равно какъ и за умѣренную цѣну книженки — ибо не приходилсѣ и по рублю за Сказку — я его похвалиль и пожелаль ему, въ обращеніи земляковъ и землячекъ нашихъ ошъ ереси заморской, благаго успѣха.

Ошставной Флоша Лейшенантъ и Докторъ Медицины
Владиміръ Луганскій.

С. П. Б., 30 Авг. 1832.

(*Изъ Сѣв. Пч.*)

П а р и ж с к і я м о д ы .

Самый употребительнѣйшій цвѣтъ для обьяринныхъ шляпокъ есть вишневый. Блондовый рюшь, окружающій внутри поля шляпокъ - капотовъ изъ обьяри того же цвѣта, придаетъ ему весьма пріятный осливъ.

— Мы видѣли прекрасную бѣлую креповую шляпку, отдѣланную вокругъ полей соломеннымъ прозрачнымъ плешкомъ въ видѣ чешуи; съ палевымъ перомъ, и съ бѣлыми газовыми лешами, кошорыя усѣяны мѣлкими мушечками палеваго же цвѣта.

— Въ полу - нарядѣ надѣвають часто на шею черную бархатную косыночку въ видѣ ожерелья, кошорой длинныя концы схвачены на - крестъ агатовымъ аграфомъ; сіи концы приколаны посреди лифа агатовою булавкою. Аграфъ и булавка обдѣланы въ золошо и чрезвычайно украшаютъ ушренній пеньюаръ. Узкіе черныя бархатныя браслеты съ агатовымъ аграфомъ, и агатовыя серьги довершаютъ сей нарядъ.

И з ѣ я с н е н і е к а р т и н к и п р и с е м ѣ N o .

Прическа Круаза. Плашье изъ нишняго тюля, вышитаго шерстью.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чшобы, по оппечашавіи, были предшавлены въ Ценсурный Компшешъ шри экземпшара. Москва. Сешшября 19 го дня, 1852 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

1839.

Парижскія Моды.

№ 39.

Данскій Журналъ.